

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР №1

по версии New York Times

САРА ДЖИО

Соленый ветер

р о м а н

Красивая
и чувственная история.

Chicago Tribune

Annotation

Остров Бора-Бора, 1943 год. Анна Кэллоуэй решает сбежать от наскучившей тепличной жизни и отправляется в качестве военной медсестры с подругой Кити на острова Французской Полинезии. Но вскоре подруги начинают отдаляться друг от друга. Анна знакомится с Уэстри Грином, обаятельным солдатом, которому удастся развеять ее тоску о доме и о потерянной дружбе. Однажды они находят неподалеку от дикого пляжа старую заброшенную хижину, в которой когда-то жил известный художник. Пытаясь сохранить находку и свои зарождающиеся чувства в тайне, они становятся свидетелями жуткого происшествия... Сие́тл, наши дни. Жене́ьева Торп отправляет на имя Анны Кэллоуэй письмо, в котором говорится об убийстве, произошедшем много лет назад на острове Бора-Бора. Жене́ьева намерена пролить свет на случившееся, но для начала ей нужно поделиться с Анной важной информацией...

- [Сара Джо](#)
 -
 -
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)

- [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
-

Сара Джо Соленый ветер

*Джейсону, в память о нашем бунгало.
Я люблю тебя.*

Sarah Jio

The BUNGALOW

Copyright © Sarah Jio, 2011

© Сорокина Д., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Положите листок бумаги в тонкий конверт, запечатайте его, прикоснувшись языком к клейкой кайме, и отправьте по адресу. Пока письмо не попадет в нужный ящик, к нему прикоснутся десятки людей, оно проделает путь в тысячи миль, а потом незаметно уляжется между двадцать девятой и тридцатой страницами ненужного каталога, поджидая ничего не подозревающего адресата. Но адресат небрежным движением руки выбросит журнал с таящимся внутри кладом в мусорную корзину. Там, рядом с недопитым пакетом молока, пустой бутылкой из-под вина и вчерашней газетой затаится в ожидании клочок бумаги, который может изменить всю жизнь.

Письмо предназначалось мне.

Пролог

– Привет!

Я испуганно открыла глаза, услышав знакомый голос – приятный, но совершенно неуместный. Дженнифер, моя внучка. Где я? Точнее, что *она* здесь делает? Я рассеянно заморгала. Мне снились песчаные пляжи и кокосовые пальмы. Туда всегда стремится мое подсознание, и на этот раз мне повезло: удалось отыскать пейзаж в архивах собственной памяти.

Конечно, там был и он – в униформе, со смущенной улыбкой. Волны бились о берег, я слышала их мощные удары и шипение миллиардов пузырьков, целующих песок. Сжав веки, я вновь увидела его, он стоял в сонном дурмане, который развеивался слишком быстро. Не уходи, молило сердце. Остайся. *Ну, пожалуйста.* Он послушно появился вновь, с той самой манящей улыбкой, все так же протягивая ко мне руки. Во мне пробудилось знакомое волнение, страстное желание.

А потом он исчез.

Я вздохнула и, ругая себя, посмотрела на часы. *Половина третьего.* Должно быть, я задремала за книгой. Опять. Настоящее проклятие старости. Немного смутившись, я приподнялась в кресле и отыскала роман, который читала. Он лежал на полу корешком вверх.

На террасе появилась Дженнифер. По улице прогремел грузовик, окончательно разрушив умиротворение.

– Ах, вот ты где, – сказала она, улыбаясь дымчато-карими глазами, так похожими на дедушкины. Сегодня на ней джинсы и черный свитер со светло-зеленым ремнем на стройной талии. Светлые волосы отражают солнечные лучи. Дженнифер не подозревает, насколько красива.

– Привет, милая, – поздоровалась я, протянув руку. Обвела взглядом террасу, простые глиняные горшки с голубыми анютиными глазками. Их очаровательные головки выглядывали из земли, словно смущенные, раскаявшиеся дети, застигнутые за игрой в неподобающем месте. Вид на озеро Вашингтон и очертания Сиэтла вдали – красивый пейзаж, но холодный и чопорный, словно картина в кабинете зубного врача. Я нахмурилась. Как я вообще оказалась в этой крошечной квартирке со строгими белыми стенами, телефоном в ванной и красной тревожной кнопкой возле унитаза?

– Я кое-что нашла в мусорном ведре, – сообщила Дженнифер. Звук ее голоса заставил меня вернуться к реальности.

Я пригладила седые, тонкие волосы.

– Что же, милая?

– Письмо. Должно быть, попало в рекламную прессу.

Мне не удалось сдержать зевка.

– Оставь его на столе. Потом посмотрю.

Я села на диван, перевела взгляд с кухни на свое отражение в окне. Пожилая дама. Я видела эту даму каждый день, но отражение не переставало меня удивлять. *Когда я в нее превратилась?* Я провела рукой по морщинам на лице.

Дженнифер села рядом.

– Надеюсь, твой день прошел лучше, чем мой?

Моя внучка завершала учебу в магистратуре Вашингтонского университета, и она выбрала необычную тему для дипломной работы: малоизвестное произведение искусства, размещенное в кампусе. Бронзовая скульптура молодой пары, подаренная неизвестным художником в 1964 году, с простой надписью: *Гордость и Предубеждение*^[1]. На Дженнифер эта скульптура произвела такое сильное впечатление, что она решила узнать имя автора и историю создания скульптурной композиции, но долгие исследования не принесли практически никаких плодов.

– Как твои исследования, дорогая?

– Ничего нового, – со вздохом сообщила она. – Я расстроена. Мы так много работали. – Она покачала головой и пожала плечами. – Не хочется в этом признаваться, но, похоже, мы взяли ложный след.

Мне одержимость искусством знакома не понаслышке. Дженнифер не знала, что я провела большую часть жизни в тщетных попытках разыскать картину, попавшую ко мне в руки много лет назад. Желание увидеть ее вновь щемило мне сердце, и я всю жизнь вела переговоры с торговцами предметами искусства и коллекционерами. Но полотно все же ускользнуло.

– Понимаю, как тяжело это принять, милая, – мягко начала я и взяла внучку за руку, зная, как важен для нее проект. – Но некоторым историям не суждено быть рассказанными.

Дженнифер посмотрела на меня.

– Наверное, ты права, бабушка, – со вздохом признала она. – Но я не хочу сдаваться. Во всяком случае, не сейчас. Эта надпись сделана не случайно. А шкатулка, которую держит юноша, закрыта, и в архивах нет никаких записей о ключе. Значит, – внучка с надеждой улыбнулась, – может быть, что-нибудь есть внутри.

– Восхищаюсь твоим упорством, дорогая, – сказала я, нащупав на шее

золотую цепочку. Я берегла и носила медальон долгие годы. Кроме меня, только один человек знал, что в нем спрятано.

Дженнифер снова подошла к столу.

– Не забудь про письмо, – напомнила она, взяв в руки конверт. – Взгляни, какая яркая марка. Оно, – она замешкалась, читая почтовый штемпель, – с *Таити*.

Мое сердце заколотилось, я подняла взгляд, украдкой посмотрев на письмо, которое держала в руках Дженнифер.

– Бабушка, кого ты знаешь на Таити?

– Дай посмотреть, – попросила я, медленно приблизившись к ней.

Я увидела простой белый конверт, слегка влажный от молока, пролившегося из пакета, и покрытый малиновыми пятнами каберне, которое мы пили вчерашним вечером. Ни почерк, ни обратный адрес мне не знакомы. *Кто мог написать мне с Таити? И зачем? И почему сейчас?*

– Не хочешь его открыть? – поторопила Дженнифер, обнаруживая явное нетерпение.

Я продолжала держать конверт дрожащими пальцами, рассматривая экзотическую марку с девочкой-таитянкой в желтом платье. Меня охватили воспоминания, которые, казалось, готовы были захлестнуть мое сознание, но усилием воли я вырвалась из их плена.

Я решительно вскрыла конверт:

«Дорогая миссис Годфри,

Простите за навязчивость. Я искала Вас много лет. Насколько я знаю, Вы служили медсестрой на базе Бора-Бора во время войны^[2]. Если я права и Вы действительно та, кого я ищу, мне очень нужно с Вами поговорить. Я выросла на острове Таити, но вернулась сюда только теперь, надеясь разрешить загадку, занимавшую меня с детских лет. Вечером 1943 года на пляже Бора-Бора было совершено ужасное убийство. Меня так потрясла эта трагедия, что я начала писать книгу о событиях, предшествовавших этому случаю, во многом навсегда изменившему остров.

Я смогла разыскать записи о вольнонаемных служащих и заметила, что в тот день, в день трагедии, Вас освободили от службы. Возможно, совершенно случайно Вы вспомните тот вечер, вдруг Вы видели кого-нибудь или что-нибудь на пляже? Прошло много лет, но вдруг вспомните... Любая маленькая деталь может помочь восстановить справедливость. Я молюсь, чтобы Вы обратили на мою просьбу внимание и связались со мной. И еще – если когда-нибудь решите вернуться на

остров, я нашла здесь кое-что, что принадлежало Вам, и, возможно, Вам захочется это увидеть. Надеюсь на встречу.

*Искренне Ваша,
Женевьева Торп».*

Я уставилась на письмо. Женевьева Торп. Нет, я ее не знаю.

Незнакомка. И, похоже, устраивает мне неприятности. Я задумалась. Не придавай значения. Все это было слишком давно. Вернуться в те дни? Пережить все заново? Я крепко зажмурилась, пытаюсь освободиться от нахлынувших воспоминаний. Да, можно просто не придавать значения. Это не судебный запрос, не уголовное расследование. Я ничего не должна этой незнакомке. Можно просто выбросить письмо в мусорное ведро и покончить с этим. Но потом я вспомнила последние строки: «если Вы когда-нибудь решите вернуться на остров, я нашла здесь кое-что, что принадлежало Вам, и, возможно, Вам захочется это увидеть. Надеюсь на встречу».

И без того растревоженное, сердце заколотилось еще сильнее. Снова вернуться на остров? Мне? *В моем-то возрасте?*

– Бабушка, все в порядке? – Дженнифер наклонилась и обняла меня за плечи.

– Все хорошо, – заверила я, взяв себя в руки.

– Хочешь об этом поговорить?

Я покачала головой и засунула письмо в сборник кроссвордов, лежащий на кофейном столике.

Дженнифер взяла сумку и, порывшись, извлекла на свет большой конверт, мятый и потертый.

– Хочу тебе кое-что показать. Я хотела сделать это потом, но, похоже, – она глубоко вздохнула, – время пришло.

Она протянула конверт.

– Что это?

– Загляни внутрь, – медленно сказала она.

Я залезла в конверт и вытащила пачку черно-белых фотографий, сразу узнав верхнюю.

– Это же я! – Мне не удалось сдержать изумленный возглас. Я указала на девушку, одетую в белую униформу медсестры, она стояла на фоне кокосовой пальмы. Как же меня изумляли пальмы в первые дни пребывания на острове – почти семьдесят лет назад! Я посмотрела на Дженнифер.

– Где ты их взяла?

– Папа нашел, – ответила внучка, пристально глядя мне в глаза, – обнаружил, когда рылся в старых коробках. Он попросил меня вернуть их тебе.

Мое сердце забилося еще чаще, когда я увидела следующую фотографию – моя подруга детства, Китти, сидит на перевернутом каноэ на берегу, приняв позу кинозвезды. Китти *могла* стать кинозвездой. Вспомнив старую подругу, я почувствовала знакомую боль, которую не смогло излечить время.

В стопке были и другие фотографии: пляж, горы, пышная растительность. Но увидев последнюю карточку, я окаменела. *Уэстри. Мой Уэстри*. Вот он, верхняя пуговица униформы расстегнута, голова слегка наклонена вправо, на заднем плане – плетеная стена бунгало. *Нашего бунгало*. За свою жизнь я сделала тысячи фотографий, многие из них были забыты, но только не эта. Я помнила абсолютно все, даже запах вечернего воздуха – он был наполнен ароматом морского прибоя и нежных фрезий, цветущих под луной. Помнила и свои чувства, наши взгляды и что случилось потом.

– Ты любила его, да, бабушка? – Голос Дженнифер прозвучал слишком ласково, слишком обезоруживающе, поколебав мою решимость.

– Да, – ответила я.

– Ты и сейчас думаешь о нем?

Я кивнула:

– Я всегда думала о нем.

Дженнифер округлила глаза.

– Бабушка, что произошло на Таити? Что случилось с этим человеком? И письмо – почему ты так на него отреагировала? – Она взяла меня за руку. – Пожалуйста, расскажи.

Я задумалась. Почему бы не рассказать ей? Мне уже много лет. Особых последствий уже не возникнет, а если они и будут, я вполне смогу их перенести. Как же хотелось освободиться от этих секретов, выпустить их, словно летучих мышей с пыльного чердака. Я провела пальцем по золотой цепочке медальона и кивнула:

– Хорошо, милая. Но говорю сразу – сказки не жди.

Дженнифер села на стул рядом со мной.

– Отлично, – ответила она с улыбкой, – ведь я никогда не любила сказки.

– И в этой истории будут очень мрачные места, – продолжила я, сомневаясь в своем решении.

Она нахмурилась:

– Но конец-то счастливый?

– Не уверена.

Дженнифер озадаченно на меня посмотрела.

Я положила фото Уэстри на свет.

– История еще не закончилась.

Глава 1

Август 1942

– Китти Морган, ты этого не говорила!

Я так резко поставила бокал с холодным мятным чаем, что едва его не разбила. Мама будет рада, что я не испортила венецианский хрустальный сервиз.

– Сказала, и точка, – заявила она с улыбкой победительницы. На Китти, с ее личиком в форме сердечка и копной кудрявых непослушных светлых волос, постоянно выскакивающих из тщательно прилаженных шпилек, было просто невозможно злиться. Но в этом вопросе я проявила твердость.

– Мистер Гельфман женатый человек, – осуждающе напомнила я.

– Джеймс, – отозвалась подруга, нарочито растягивая его имя, – невероятно несчастен. Его жена неделями где-то пропадает, представляешь? И даже не говорит, где она находится. Она даже о кошках беспокоится больше, чем о собственном муже.

Я вздохнула, откинувшись на деревянную скамейку, что висела на огромном ореховом дереве в саду, раскинувшемся на заднем дворе нашего дома. Китти сидела рядом со мной. Мы с ней давно были подругами, еще с начальных классов школы. Я посмотрела вверх, на древесную крону – листья начинали желтеть, напоминая о неминуемой осени. *Почему все непременно меняется?* Казалось, только вчера мы с Китти были двумя школьницами, приходили, держась за руки, домой, оставляли книги на кухонном столе и мчались к скамейке, где болтали до самого ужина. Теперь, в двадцать один, мы – две взрослые девушки на пороге... Ну, на пороге чего-то – никто из нас не знал, чего именно.

– Китти, – я повернулась к ней лицом, – неужели ты не понимаешь?

– Что я не понимаю? – В платье с розовыми оборками и непослушными кудрями, что становились еще растрепаннее от полуденной влажности, она походила на весеннюю розу. Я хотела защитить ее от мистера Гельфмана или любого другого человека, в которого она собиралась влюбиться, потому что никто не был достаточно хорош для моей лучшей подруги – и уж тем более не женатый мужчина.

Неужели она не знает о репутации мистера Гельфмана? Китти не могла

не помнить о толпах девчонок, которые бегали за ним в средней школе, ведь он был самым привлекательным учителем в Лейксайде. На уроках литературы, когда он декламировал стихотворение Элизабет Барретт Браунинг «Как я люблю тебя?», каждая девочка надеялась поймать его взгляд. Я считала все это глупостями. Неужели Китти забыла, что случилось пять лет назад с Кейтлин Менсфилд? Как она могла забыть? Кейтлин – стеснительная, с большой грудью, ужасно глупая, – поддалась чарам мистера Гельфмана. Она слонялась возле учительской в обед и ждала его после занятий. Все гадали, что между ними происходит, особенно после того, когда одна из подружек заметила Кейтлин с мистером Гельфманом в парке после заката. Потом Кейтлин вдруг перестала ходить в школу. Старший брат сказал, она переехала к бабушке в Айову. И мы все догадывались, почему.

Я скрестила руки на груди.

– Китти, мужчины вроде мистера Гельфмана преследуют только одну цель, и, думаю, мы обе понимаем, какую.

Щеки Китти стали пунцовыми.

– Анна Келлоуэй! Как ты смеешь предполагать, что Джеймс...

– Я ничего не предполагаю. Я просто люблю тебя. Ты моя лучшая подруга, и я не хочу, чтобы тебе было больно.

Китти опечалилась, и несколько минут мы качались в тишине. Я засунула руку в карман платья и украдкой сжала спрятанное там письмо. Я забрала его на почте несколькими часами ранее, и теперь мне не терпелось ускользнуть в спальню и прочитать его. Письмо было от Норы, подруги из медицинского колледжа. Она каждый день писала мне с островов на юге Тихого океана, где служила медицинской сестрой. Они рассорились со вспыльчивой Китти во время последнего семестра, и я решила не рассказывать Китти о ее письмах. К тому же не хотелось признаваться, насколько меня увлекают истории Норы о войне и о тропиках. Я читала письма, словно роман – иногда мне страстно хотелось взять недавно полученный диплом медсестры и присоединиться к ней, убежав от домашней рутины и необходимости принимать решения. Но я прекрасно понимала, что это лишь невыполнимая идея, просто мечта. В конце концов, я могу помогать приблизить победу и дома – работать волонтером в муниципальном центре или собирать консервы и участвовать в проектах по охране природы. Честно говоря, мне не хотелось отправляться в зону военных действий за несколько недель до свадьбы. Хорошо, что я не сказала Китти ни слова.

– Ты просто завидуешь, – наконец заявила Китти ледяным тоном.

– Ерунда, – возразила я, заталкивая письмо Норы поглубже в карман. Луч высоко сияющего в летнем небе солнца осветил бриллиантовое кольцо на моей левой руке, и оно вспыхнуло, словно огонь маяка в темной ночи, напомнив о неизбежном факте – я помолвлена. Окончательно и бесповоротно.

– Осталось меньше месяца до моей свадьбы с Герардом, и я очень счастлива.

Китти нахмурилась.

– Неужели ты не хочешь испытать в жизни что-нибудь еще, прежде чем стать, – она остановилась, словно собираясь с духом, прежде чем произнести очень сложные, неприятные слова, – прежде чем стать миссис Герард Годфри?

Я покачала головой:

– Дорогая, брак – не самоубийство.

Китти отвела взгляд, уставившись на розовый куст.

– Но может оказаться и так, – пробормотала она.

Я вздохнула, откинувшись назад.

– Прости, – прошептала она, повернувшись ко мне, – я просто хочу, чтобы ты была счастлива.

Я взяла ее за руку.

– И буду счастливой, Китти. Надеюсь, ты в этом убедишься.

На лужайке слышались шаги, и, подняв взгляд, я увидела Максина, нашу экономку, – она приближалась с подносом в руке. Несмотря на каблуки, она уверенно двигалась по траве, держа нагруженное серебряное блюдо одной рукой. Однажды папа назвал ее грациозной, и это было совершенно справедливо. Она будто бы плыла.

– Девочки, вам что-нибудь принести? – спросила Максин красивым голосом с сильным акцентом. Внешне она мало изменилась с тех пор, как я была девочкой. Маленькая, с мягкими чертами лица и огромными сверкающими зелеными глазами, а щеки пахнут ванилью. Волосы, теперь уже седеющие, все до единой пряди убраны назад, в аккуратный пучок. Она носила белый передник, всегда чистый и жестко накрахмаленный, аккуратно повязывая его вокруг тонкой талии. У многих семей в округе была прислуга, но только мы наняли *французскую* экономку – мама не упускала случая обратить всеобщее внимание на этот факт.

– Ничего не нужно, спасибо, Максин, – поблагодарила я.

– Кроме одного, – заговорщически начала Китти, – убеди Анну не выходить за Герарда. Она его не любит.

– Это правда, Антуанетта? – спросила Максин. Мне было пять, когда

она к нам устроилась, и, бегло меня оглядев, она тогда заявила: «Ты не похожа на Анну. Я буду звать тебя Антуанеттой». И я сразу почувствовала себя особенной.

– Конечно же, нет, – быстро возразила я, искоса бросив на подругу неодобрительный взгляд, – у Китти просто такое *настроение*. Я – самая везучая девушка в Сиэтле. Я выхожу за Герарда Годффри.

Мне *действительно* повезло. Герард был высок и невероятно хорош собой, с мужественным подбородком, темно-каштановыми волосами и карими глазами. И, ко всему прочему, богат, хотя меня это не слишком заботило. Зато мама нередко напоминала, что в двадцать семь лет он стал самым молодым вице-президентом в истории Первого морского банка, а значит, в дальнейшем непременно унаследует место отца. Нужно быть полной дурой, чтобы не принять предложение Герарда Годффри, и, когда он попросил моей руки под этим самым ореховым деревом, я сразу же согласилась.

У мамы от такой новости закружилась голова. Разумеется, они с миссис Годффри давно мечтали об этом союзе. Келлоузи объединятся с Годффри. Это так естественно, как кофе со сливками.

Максин взяла кувшин холодного чая и наполнила наши бокалы.

– Антуанетта, – медленно начала она, – я когда-нибудь рассказывала тебе историю моей сестры, Жанетт?

– Нет. Я даже не знала, что у тебя есть сестра.

Я поняла, что многого не знаю о Максин.

– Да, – тихо, задумчиво продолжила она. – Она любила юношу, крестьянина из Лиона. У них была безумная любовь. Но родители хотели выдать ее за другого человека, он неплохо зарабатывал на фабрике. Она рассталась с крестьянином и вышла замуж за рабочего.

– Как грустно, – сказала я. – И больше она его не видела?

– Нет, – ответила экономка, – и всю жизнь была несчастна.

Я села, оправив платье из голубого крепа с поясом на лифе – оно было мне немного маловато. Мама купила мне его в одну из своих поездок в Европу.

– Очень грустно, мне жаль бедную Жанетт. Но меня это не касается. Видишь ли, я люблю Герарда. Он мой единственный.

– Конечно, ты любишь Герарда, – согласилась Максин, наклонившись за упавшей на траву салфеткой, – ведь вы вместе выросли. Он тебе как брат.

Брат. В этом слове было что-то жутковатое, особенно когда речь шла о будущем муже. Я вздрогнула.

– Милая, – продолжила она, поймав мой взгляд и улыбнувшись, – это твоя жизнь и твое сердце. Ты говоришь, что он твой единственный, вероятно, так и есть. Я просто хотела сказать, что, возможно, у тебя было маловато времени, чтобы его найти.

– Его?

– Твою истинную любовь, – просто сказала француженка. Эти три слова она произнесла естественно и неоспоримо, подразумевая, что это глубокое, сильное чувство доступно любому, кто ищет, – словно свисающая с ветки зрелая слива: подходи да бери.

Я почувствовала легкую дрожь, но списала ее на поднявшийся ветерок и покачала головой:

– Не верю я в эти сказки и во всяких рыцарей в сияющих доспехах. Я считаю, любовь – это выбор. Ты встречаешь кого-то. Он тебе нравится. И ты начинаешь его любить. Все просто.

Китти закатила глаза.

– Ужас, до чего *неромантично*, – простонала она.

– Максин, а ты что думаешь по этому поводу? – спросила я. – Ты когда-нибудь влюблялась?

Экономка протирала поднос, чтобы не оставалось мокрых следов от бокалов.

– Да, – ответила она, не поднимая глаз.

Меня охватило любопытство, и я не подумала, что воспоминания о былой любви могут быть для нее болезненны.

– Он был американец или француз? Почему вы не поженились?

Максин ответила не сразу, и я сразу пожалела о своем «допросе».

– Я не вышла за него, потому что он был уже женат.

На террасе слышались папины шаги, и все подняли глаза. Покуривая сигару, он направился по траве в нашу сторону.

– Привет, детка, – поздоровался он, улыбаясь мне сквозь густые усы, – я не думал, что ты вернешься домой до вторника.

Я улынулась в ответ.

– Китти уговорила меня приехать пораньше.

Я закончила обучение в Государственном университете Портленда еще весной, но мы с Китти остались на два дополнительных курса, чтобы получить лицензии медсестер. наших родителей очень беспокоили эти дипломы – не дай бог, мы вздумаем их использовать.

Герард же находил свою помолвку с дипломированной медсестрой, в общем-то, забавной. Наши матери не работали, как и все женщины в нашем окружении. Он шутил, что моих доходов не хватит даже на то, чтобы

оплатить услуги водителя, который будет возить меня в больницу. Но обещал поддержать меня, раз я так мечтаю надеть белый чепец и ухаживать за больными.

На самом деле, я и сама не знала, чего хочу. Я выбрала сестринское дело, потому что это было полной противоположностью всему, что я так ненавидела в окружающей меня жизни: наши матери только и делали, что посещали званые обеды, обсуждали женскую моду, болтали со школьными подругами, после окончания школы беспечно шикующими в Париже или Венеции в поисках богатого мужа, который мог бы обеспечить им привычный уровень жизни.

Но я была совсем не такой. Я задыхалась в этих границах. Меня привлекало сестринское дело, несмотря на все тяготы и прозаичность. Оно позволяло мне осуществить давнее желание – бескорыстно помогать людям.

Максин прокашлялась.

– Уже ухожу, – сообщила она папе, молниеносно схватив поднос. – Принести вам что-нибудь, мистер Келлоуэй?

– Нет, Максин, – ответил он, – ничего не нужно, спасибо.

Мне нравилось, как он разговаривает с Максин – мягко и доброжелательно, а не поспешно и сердито, как мама.

Она кивнула, пересекла изумрудный газон и скрылась в доме.

Китти встревоженно посмотрела на папу.

– Мистер Келлоуэй?

– Да, Китти?

– Я слышала, опять набирают солдат, – она вздохнула, – на войну. Прочитала об этом в газете, пока ехала в поезде. Не знаете, призвали кого-нибудь из Сиэтла?

– Рано об этом говорить, Китти Кэт, – ответил папа, назвав подругу детским прозвищем, которое дал ей еще со школьных времен. – Но, судя по тому, что творится в Европе, думаю, скоро многие отправятся на фронт. Я сегодня встретил в городе Стивена Редклиффа, оказывается, близнецы Ларсон отправляются на фронт в четверг.

У меня внутри все сжалось.

– Терри и Ларри?

Папа торжественно кивнул.

Близнецы, на год младше нас с Китти, отправлялись на войну. *На войну*. Это казалось невероятным. Еще вчера они учились в начальной школе и дергали меня за косички. Терри был тихим мальчиком с веснушкам на щеках. Ларри – немного повыше и не такой веснушчатый,

прирожденный комик. Эти рыжие мальчишки всегда были вместе. Интересно, позволят ли им выйти на поле боя плечом к плечу? Я закрыла глаза, пытаюсь отогнать подальше эту мысль, но было слишком поздно. *Поле боя.*

Папа словно прочитал мои мысли:

– Ты не переживай из-за Герарда, не волнуйся.

Герард не уступал в силе и мужественности всем моим знакомым ребятам, но я, как ни пыталась, не могла вообразить его где-либо, кроме как в банке, одетым в деловой костюм. Конечно, я за него тревожилась, но иногда мне хотелось увидеть его в военной форме, на поле боя.

– Его семья занимает слишком солидное положение в обществе, – продолжил отец. – Джордж Годфри проследит, чтобы его не призвали.

У меня внутри все бурлило: защищенность Герарда успокаивала меня и одновременно вызывала отвращение. Несправедливо, что мужчины из бедных семей воюют за свой народ, а привилегированное сословие увиливает от службы без особых на то причин. Джордж Годфри, банковский магнат с увядающим здоровьем, когда-то был сенатором, и Герард должен был унаследовать его место в банке. Мне было неприятно, что близнецы Ларсон рискуют жизнью в холодной зимней Европе, а Герард комфортно проводит время в теплом офисе на удобном кожаном кресле.

Тревога в моих глазах не ускользнула от папиного взгляда:

– Не беспокойся. Терпеть не могу, когда ты волнуешься.

Китти сидела, опустив взгляд и сложив на коленях руки. Наверное, думала о мистере Гельфмане. *Он тоже пойдет на войну?* Ему не может быть больше тридцати восьми – он достаточно молод для того, чтобы стать солдатом. Я вздохнула, мечтая, чтобы война поскорее закончилась.

– Мама сегодня ужинает в городе, – сказал папа, поглядывая на дом. Он встретился со мной взглядом.

– Дамы, окажете мне честь, отужинаете сегодня со мной?

Китти покачала головой.

– У меня встреча, – туманно отговорила она.

– Прости, папа, но я ужинаю с Герардом.

Отец задумался, и его взгляд вдруг стал сентиментальным:

– Вы стали совсем взрослыми. У каждой свои планы. А, кажется, еще вчера играли здесь в куклы...

Честно говоря, я скучала по тем давним, незамысловатым денькам, когда жизнь вращалась вокруг бумажных кукол, нарядов и чаепитий на веранде. Я застегнула пуговицу на свитере: мне вдруг стало холодно от ветра. Ветра перемен.

– Пойдем внутрь, – предложила я, взяв Китти за руку.
– Давай, – просто согласилась она. И мы снова стали прежними девочками: Китти и Анной.

* * *

Клубы сигаретного дыма, низко стелющиеся над столами, пощипывали глаза. В «Кабана Клуб», модном местечке, куда субботними вечерами съезжался потанцевать почти весь Сиэтл, царил полумрак. Я прищурилась, пытаюсь разглядеть сцену.

Китти подвинула в мою сторону коробочку, обернутую голубой бумагой. Я посмотрела на золотую ленту.

– Что это?

– Это тебе, – с улыбкой сообщила подруга.

Я вопросительно посмотрела на нее, потом на подарок и осторожно развязала ленту. Сняла крышку с белой ювелирной коробочки и откинула хлопковую подкладку, открыв сияющий предмет внутри.

– Китти?

– Это булавка, знак нашей дружбы. Помнишь те маленькие колечки, что были у нас в детстве?

Я кивнула, не понимая: мои глаза увлажнились от дыма или от воспоминаний об ушедшем детстве?

– Я подумала, что нам нужен более взрослый вариант, – объяснила Китти и отвела с плеча прядь волос, демонстрируя такую же булавку на платье.

– Видишь? У меня такая же.

Я рассмотрела серебряную безделушку – круглую, покрытую маленькими голубыми камушками, образующими узор в форме розы. Она сверкала в слабом освещении клуба. На обратной стороне я обнаружила гравировку: *Анне от Китти с любовью*.

– Очень красиво, – восхитилась я, прикрепив булавку к платью.

Подруга просияла.

– Надеюсь, она станет символом нашей дружбы, будет напоминать, что у нас нет друг от друга секретов, и мы не позволим времени или обстоятельствам изменить наши отношения.

Я согласно кивнула:

– Всегда буду ее носить.

Китти улыбнулась:

– Я тоже.

Потягивая содовую, мы разглядывали шумный клуб, где друзья, одноклассники и знакомые веселились, возможно, последний раз, прежде чем жизнь раскидает всех в разные стороны. Война. Брак. Неизвестность. Мое сердце сжалось.

– Посмотри на Этель и Дэвида Бартона, – прошептала Китти мне на ухо. Она показала на парочку у бара. – Его руки так по ней и блуждают, – отметила подруга, смерив их чересчур долгим взглядом.

– Стыд какой! – покачала я головой. – Она ведь помолвлена с Генри. Он, кажется, еще на учебе?

Китти кивнула, но я не заметила неодобрения в ее взгляде.

– А ты разве не мечтаешь о *такой* любви? – задумчиво спросила она.

Я наморщила нос:

– Дорогая, но это не любовь.

– Именно любовь, – возразила она, подперев ладонью щеку. Мы наблюдали, как парочка рука об руку движется к танцполу. – Дэвид от нее без ума.

– Без ума, верно, – согласилась я. – Но не любит ее.

Китти пожала плечами:

– Зато между ними есть страсть.

Я достала из сумочки пудру и припудрила нос. Скоро придет Герард.

– Страсть – для дураков, – заявила я, защелкивая косметичку.

– Возможно, – ответила она, – но я все равно рискну.

– Китти!

– Что?

– Не говори так.

– Как?

– Как падшая женщина.

Китти захихикала, и в этот момент у нашего столика появились Герард и Макс, его приятель и коллега из банка – невысокий, кудрявый, с простым, честным лицом. Он имел планы на Китти.

– Поделись с нами шуткой, Китти, – с улыбкой попросил Герард. Мне нравилась его улыбка, очаровательная и самоуверенная. На нем был серый костюм, он возвышался над столиком, приводя в порядок слетевшую запонку. Макс стоял по стойке смирно, дыша, словно немецкая овчарка, и сосредоточив все внимание на Китти.

– Расскажи им, Анна, – с ухмылкой обратилась ко мне Китти.

Я растерянно улыбнулась:

– Китти заявила, мол, они с Максом составят лучшую пару в танцах,

чем мы с тобой, Герард, – я победоносно посмотрела на Китти, – представляешь?

Герард улыбнулся, а у Макса загорелись глаза.

– Мы не позволим ей так говорить, да, дорогая? – Он посмотрел на танцпол и протянул мне руку.

Музыканты заиграли, и Макс неуклюже затоптался возле моей подруги, широко улыбаясь. Китти закатила глаза и взяла его протянутую руку.

Герард плавно и элегантно положил руки мне на талию. Мне нравились его твердые объятия, его уверенность.

– Герард? – прошептала я ему на ухо.

– Да, дорогая?

– Ты испытываешь... – я замешкалась, пытаюсь подобрать слова, – испытываешь ко мне *страсть*?

– Страсть? – повторил он, сдержав смешок. – Ты такая смешная. Конечно.

Он сжал меня немного сильнее.

– Настоящую страсть? – продолжила я, не удовлетворившись ответом.

Он остановился и любовно притянул мои руки к подбородку.

– Надеюсь, ты не сомневаешься в моей любви? Анна, я хочу, чтобы ты знала: я люблю тебя сильнее всего на свете.

Я закрыла глаза. Вскоре музыка остановилась и заиграла новая, более медленная песня. Я крепче прижалась к Герарду – так я могла слышать, как бьется его сердце, а он, несомненно, слышал мое. Мы раскачивались под мелодию кларнета, и с каждым шагом я убеждала себя, что у нас *это* есть. Конечно же, есть. Герард без ума от меня, а я от него. А сомнения – полная чушь. Это все Китти. *Китти*. Я смотрела, как она безрадостно танцует с Максом, и вдруг словно из ниоткуда возник мистер Гельфман. Он направился прямо к ней, что-то сказал Макс и тут же заключил ее в объятия. Удрученный Макс направился к столику.

– А что Китти делает с Джеймсом Гельфманом? – нахмурившись, спросил Герард.

– Мне это не нравится, – заявила я, наблюдая, как мистер Гельфман вертит мою подругу по танцполу, словно куклу. Он положил руки слишком низко на талию, чересчур крепко ее прижал. Я подумала о Кейтлин, бедняжке Кейтлин, и содрогнулась.

– Пойдем отсюда, – попросила я Герарда.

– Уже? – удивился он. – Но мы ведь даже еще не ужинали.

– Максин оставила в холодильнике сэндвичи, – ответила я. – Мне

больше не хочется танцевать.

– Это из-за Китти?

Я кивнула. Я знала – теперь Китти ничто не остановит. Она четко дала это понять. И будь я проклята, если буду наблюдать, как лучшая подруга отдает свое сердце и честь недостойному мужчине – к тому же женатому. Но дело было не только в этом. Мой разум еще не осознавал, но сердце уже чувствовало: я завидовала Китти. Я хотела испытать то же, что и она. И боялась, что со мной никогда этого не случится.

Швейцар подал мое синее бархатное пальто, и я взяла Герарда под руку. Тепло. Безопасность. Защищенность. Мне очень повезло, напомнила я себе.

* * *

По пути домой Герард решил поговорить о недвижимости. Купим ли мы квартиру в городе или что-нибудь в Уиндермире, благополучном квартале нашей юности, рядом с родителями? Квартира будет ближе к банку. А как здорово было бы жить на Пятой авеню, протянул он. Этой осенью продают дом Бускирксы – большой тюдоровский особняк с четырьмя мансардными окнами. Мы могли бы купить и отреставрировать его, достроить новое крыло для прислуги и детскую для ребенка. Для ребенка.

Герард продолжал бубнить, в машине вдруг стало жарко. Слишком жарко. Дорога расплывалась перед глазами, уличные огни размножились. Что со мной? *Почему я не могу вдохнуть?* Закружилась голова, я вцепилась в дверную ручку.

– Милая, все в порядке?

– Просто немного душно, – сказала я, опустив стекло.

Он погладил меня по руке.

– Прости, дорогая, я тебя утомил?

– Немного, – призналась я. – Нужно принять столько решений. Может, пока сосредоточимся на чем-то одном?

– Конечно, – согласился он. – Больше ни слова о домах.

Он повернул в Уиндермир, проехав мимо величественных колонн на входе. За ними расположился зажиточный заповедник, где садовники часами шлифовали лужайки и стригли клумбы, вымеряя каждый лепесток, а гувернантки таким же образом пестовали детей. Мы проехали дом родителей Герарда, особняк с серыми фронтонами на Гилмор авеню, и

белый колониальный дом Ларсонов, с прямоугольной живой изгородью и каменными урнами из Италии. *Что со мной не так?* Рядом мужчина, который меня любит и готов подарить привычную мне красивую, спокойную жизнь. Я была недовольна собой.

Герард припарковался, и мы пошли в дом, на кухню.

– Максин, наверное, уже спит, – сказала я, глянув на часы. Половина десятого. Максин обычно отправлялась к себе в девять пятнадцать.

– Хочешь сэндвич? – предложила я.

– Нет, спасибо, – отказался Герард, теребя «Ролекс» на своей руке – мой подарок на двадцать пятый день рождения.

Вдруг послышались шаги.

– Папа? – спросила я, выглянув из-за угла. На лестнице показался женский силуэт.

– Мама? – Я включила в коридоре свет и поняла, что ошиблась.

– Мама еще нет, – ответила Максин. – Я отнесла тебе полотенца. Франчески сегодня не было, и я решила сама подготовить их на утро.

– Ах, Максин. К чему беспокоиться о полотенцах в такое время? И слышать не желаю! Иди, отдохни. Ты слишком много работаешь.

Она повернула голову, чтобы взглянуть на часы, и мне показалось, у нее странно блестят глаза. Плакала или просто устала?

– Думаю, пора сказать спокойной ночи, – кивнула она, – если вам ничего не нужно.

– Ничего, – ответила я, – все в порядке. Добрых снов, Максин.

Я обняла ее за шею, как в детстве, и вдохнула ароматный запах ванили.

Когда она ушла, Герард поцеловал меня, нежно и быстро. *Почему не дольше?*

– Уже поздно, – сказал он, – думаю, мне тоже пора.

– Тебе пора? – переспросила я, притянув его к себе и многозначительно глядя на диван в гостиной. Ну почему Герард такой практичный?

– Нам нужно отдохнуть, – покачал он головой, – завтра трудный день.

– Трудный день?

– Вечеринка, – удивленно сообщил он. – Ты что, забыла?

Я и вправду забыла. Родители Герарда устраивали вечеринку по случаю помолвки на своей огромной лужайке, подстриженной настолько идеально, что она была похожа на поле для гольфа. Музыканты, крокет, ледяные скульптуры и подносы с маленькими сэндвичами у официантов в белых перчатках.

– Надень красивое платье и приезжай к двум, – с улыбкой сказал он.

– Запросто, – ответила я, направляясь к двери.

– Доброй ночи, милая, – попрощался он и пошел к машине.

Я стояла и смотрела, как он уезжает, пока звук мотора не стих в густой тишине августовской ночи.

Глава 2

– Максин!

Я открыла глаза и несколько раз моргнула, пытаюсь в полусне сообразить, кто это так кричит – громко, пронзительно, немного рассерженно, явно раздраженно и очень недовольно.

Мама. Она вернулась.

– Я же говорила, что Анна наденет синее платье – почему оно не выглажено?

Теперь голос раздался ближе, совсем рядом с моей спальней.

Я откинула лоскутное одеяло и потянулась за халатом, прежде чем нехотя поставить босые ноги на прохладный деревянный пол. *Бедняжка Максин.* Она не заслужила такого обращения. Опять на нее кричат.

Я открыла дверь.

– Мама, – осторожно начала я, зная, что ей лучше не прекословить насчет моды, и медленно вышла в коридор. – Я хотела надеть красное. Которое ты купила в Париже.

Мама стояла в нескольких шагах от лестничной площадки. Она улыбнулась и распахнула шторы, негодующе глянув на Максина.

– О, доброе утро, милая, – поздоровалась она, направившись ко мне. – Не знала, что ты проснулась. – Она протянула руки и взяла мое лицо в ладони. – Выглядишь усталой, любовь моя. Ты вчера поздно вернулась домой? С Герардом?

Его имя мама всегда произносила с придыханием, словно речь шла о шоколадном пироге. Порой мне начинало казаться, что мама и сама не прочь выйти замуж за Герарда Годфри.

Я покачала головой:

– Я вернулась довольно рано.

Она указала на припухлости у меня под глазами:

– Тогда откуда это?

– Не могла заснуть, – объяснила я.

К нам робко приблизилась Максина, держа в руках платье на вешалке.

– Антуанетта, это?

Я кивнула.

– Не называй ее так, Максина, – резко бросила мама, – она уже не маленькая девочка, а взрослая дама, вот-вот выйдет замуж. Пожалуйста, называй мою дочь Анна.

Максин кивнула.

– Мама, – выпалила я, – мне *нравится*, когда меня зовут Антуанеттой.

Мама пожала плечами. В ушах качнулись новые бриллиантовые серьги.

– В любом случае это уже не важно. Через месяц ты станешь миссис Герард Годфри, вот что главное.

Меня слегка передернуло, мы с Максин обменялись понимающими взглядами.

– Хочешь надеть красное, дорогая? – продолжила мама, склонив голову вправо. Она была очень красивой, гораздо красивее, чем когда-либо буду я. Я знала это с ранних лет. – Сомневаюсь, что это твой цвет.

Максин посмотрела маме в глаза, что делала крайне редко.

– По-моему, оно ей очень идет, миссис Келлоуэй, – безапелляционно заявила она.

– Надевай, что хочешь, но мы должны выехать к Годфри через два часа. Пора собираться.

Спускаясь по лестнице, на полпути она вновь обернулась к нам с Максин:

– И подбери волосы вверх, родная. Так твой профиль выглядит гораздо привлекательнее.

Я согласно кивнула. Мама была подписана на все модные журналы и каждый год посещала показы в Нью-Йорке и Париже. Она очень заботилась о внешности – куда сильнее, чем другие матери: одевалась по последней моде, делала шикарные прически, носила самые стильные аксессуары. И ради чего? Папа ее почти не замечал. Чем больше она покупала одежды, тем несчастнее казалась.

Она ушла, и я, глядя на Максин, закатила глаза:

– Что-то она *не в духе*, да?

Максин подала мне платье. Судя по глазам, она все еще переживала из-за резкого тона мамы. Мы вернулись в комнату, и я закрыла дверь.

Я приложила к себе платье.

– Оно точно мне идет?

– Чем ты встревожена, Антуанетта? – спросила экономка. Я почувствовала, что она пристально смотрит на меня.

Я опустила взгляд на деревянный пол и свои босые ноги.

– Не знаю, – растерянно призналась я, – просто все происходит так быстро.

Максин кивнула:

– Ты о помолвке?

– Да. Я люблю его, правда люблю. Он такой хороший.

– Он хороший, – повторила она, предлагая продолжить мысль.

Я села на кровать и положила голову на спинку.

– Знаю, никто не идеален, но иногда я думаю: полюбила бы я его сильнее, стали бы чувства глубже, если бы он исполнил свой долг?

Максин повесила платье на дверь.

– И отправился на войну?

Я кивнула:

– Мне хочется, чтобы кое-что у него, у нас было иначе.

– Например, милая?

– Я хочу гордиться им, как гордятся своими мужчинами, ушедшими воевать, другие женщины, – продолжила я, задумавшись на мгновение, – хочу испытывать страсть. Китти считает, нам не хватает страсти, – нервно буркнула я.

– Ну, – выжидательно посмотрела на меня Максин, – а что думаешь по этому поводу ты?

– Не знаю, – призналась я и тотчас же отбросила эти мысли. – Послушай только, что я несу. Я ужасная невеста, раз болтаю такие вещи. Герард – просто мечта. Мне очень повезло. Пора приступить к своей роли.

Максин посмотрела мне в глаза. В ее взгляде вспыхнуло пламя.

– *Никогда* так не говори, Антуанетта, – отчеканила она, стараясь проговаривать слова ясно и четко, насколько позволял акцент. – Нельзя играть роль в жизни, а уж тем более – в любви. – Она обняла меня за плечи, как в детстве, и прижалась щекой. – Будь собой и всегда слушай сердце, даже если следовать его зову больно и очень тяжело.

Я вздохнула и уткнулась ей в плечо.

– Максин, почему ты так говоришь? Почему ты говоришь это сейчас?

Экономка заставила себя улыбнуться, но в ее глазах застыла печаль:

– Однажды я не послушала свое сердце и теперь жалею об этом.

* * *

У матери Герарда, Грейс Годффри, была неприятная внешность. Темные глаза и резкие черты лица, которые делали Герарда таким неотразимым, лишали женщину привлекательности. Но улыбка делала ее черты мягче. В детстве я часто мечтала, чтобы мама была больше похожа на миссис Годффри – практичную и приземленную, несмотря на достаток и положение в обществе. Обычно женщины ее круга перекладывали большую часть

забот о детях на наемных работниц, но миссис Годфри все делала сама. Если в детстве кто-нибудь из мальчиков Годфри разбивал коленки, она прогоняла няню прочь и сама перевязывала раны, нежно целуя ребенка.

– Не понимаю, почему Грейс Годфри не позволяет няне заниматься своим делом, – жаловалась мама папе, когда я училась в начальной школе.

Как и следовало ожидать, когда мы с родителями подошли к дому Годфри, Грейс помогала официантам перенести ледяную фигуру – большую утку с тремя утятами в ряд – с веранды на лужайку.

– Позвольте мне помочь, – послышался за моей спиной папин голос.

– Грейс, осторожнее, – вмешалась мама, – у тебя больная спина.

Как только подскочил папа, Грейс уступила власть над уткой, которую удерживала с явным трудом.

– Спасибо, – поблагодарила она и повернулась к маме: – Луэллен, Анна, добрый день. Чудесная погода, не правда ли?

– Да, – согласилась я, посмотрев в голубое небо, на котором виднелось единственное пушистое облачко. Дорогой газон заставлен столами, а в вазах, установленных на сиреневые скатерти, красуется пурпурная гортензия.

– Все это... – замешкалась я, внезапно растрогавшись таким выражением любви ко мне, Герарду и нашему грядущему союзу. – Все очень красиво.

– Рада, что тебе нравится, – ответила миссис Годфри, обхватив мою руку крепкими пальцами. – Герард ждет тебя на веранде, дорогая.

Я увидела его издали – он растянулся на шезлонге, покуривая сигару с отцом. Галантный, красивый, сильный – словно сошел со страниц одного из маминых журналов. Увидев меня, он быстро встал.

– Анна, – крикнул он, махнув рукой, – я сейчас!

Я поправила ленту на платье, и у меня в голове прозвучали слова Максина: «Нельзя играть роль в жизни, а уж тем более – в любви». Но разве все вокруг не играют роли? Мама. Папа. В каком-то смысле – Китти. Даже Максин. Почему я должна вести себя иначе?

Через несколько мгновений Герард обнял меня за талию.

– Ты, – прошептал он мне на ухо, – самая красивая девушка!

Я покраснела.

– Ты правда так думаешь?

– Уверен, – ответил он. – Откуда у тебя это платье? Ты изумительна.

– Я надела его для тебя. Хотела, чтобы...

– Погоди, это Итан Вагонер?

Герард смотрел на ворота в сад, куда входил мужчина с беременной

женой.

– Дорогая, прости, что прерываю, но это мой старый друг из колледжа. Давай я вас представлю.

Тот день был переполнен знакомствами и встречами, и я почти не видела Герарда – лишь иногда он махал мне рукой или быстро целовал в щеку. Праздники в честь помолвки – не для помолвленных.

Когда позвонили к обеду, я стала искать глазами Китти и поняла, что не видела ее весь день. Странно, я сообщила ей о празднике несколько недель назад. Во время обеда она должна была сидеть рядом с нами, но так и не появилась. А когда оркестр заиграл первую песню, я начала волноваться.

– Герард, – прошептала я ему на ухо, пока мы кружились по танцполу в теплом вечернем воздухе, и казалось, что на нас смотрят тысячи глаз. Я старалась не обращать внимания. – Китти почему-то нет... Я беспокоюсь.

– Наверное, она просто опаздывает, – ответил он без тени волнения, – ты же знаешь Китти.

Да, Китти часто опаздывала. Но не на *пять часов* и не на помолвку лучшей подруги. Нет, я чувствовала: что-то не так.

Герард уверенно вел меня по танцполу, я положила голову на лацкан его пиджака, закрыла глаза и позволила ему лидировать, как всегда, ни на секунду не перехватывая инициативы, и вслушивалась в слова песни.

– Герард, – прошептала я, – ты думал о войне? Об отправке на фронт?

Он отстранился и посмотрел мне в глаза:

– Любимая, если ты беспокоишься, что меня мобилизуют, то напрасно. Отец уже обо всем позаботился.

Я нахмурилась.

– Но, – начала я и тут же остановилась, пытаюсь подобрать слова, – разве тебя не волнует, что...

– Волнует что?

Я отвлеклась – краем глаза заметила у входа в сад какое-то движение. Кто-то махал рукой, пытаюсь привлечь мое внимание. Свет танцпола затемнял окружающее пространство, но мне удалось разглядеть, кто именно. Китти. Она стояла за садовыми воротами. Ворота заперты? Почему она не заходит? Она поднесла к глазам носовой платок. Нет, явно что-то не так.

Песня закончилась, и к нам присоединились несколько пар. Я прижалась к Герарду поближе и прошептала:

– Ничего, если эту мы пропустим?

Он удивленно улыбнулся и кивнул. Я поспешила к воротам. Китти

сидела на тротуаре, уронив голову на колени.

– Китти, что случилось? – Я наконец разглядела ее лицо: потекшая от слез косметика, красные от слез глаза.

– Ты, наверное, думаешь, что я ужасная, отвратительная подруга, – всхлипнула Китти и вновь опустила голову.

Я погладила ее по голове, тщетно пытаясь убрать выбившиеся пряди. Я еще никогда не видела ее кудри в таком беспорядке.

– Конечно нет, милая. Что случилось? Расскажи.

– Анна, прости, что так подвела, – вздохнула она. – Должно быть, ты считаешь меня никудышной подругой. И правильно. Я плохой, недостойный тебя друг.

Всхлипы продолжились, я вытащила из складки платья свежий носовой платок.

– Чушь, ты мой самый дорогой друг.

Китти высморкалась и посмотрела на меня пугающе горьким взглядом. Ее переполняли грусть и какое-то отчаяние. Эта девушка стояла на пороге решительного шага. Я отвела глаза.

– Я приехала много часов назад, но не смогла войти.

– Да почему же?

Она снова высморкалась.

– Мне невыносимо смотреть, как ты уходишь.

– Но, Китти, я никуда не уезжаю.

– Но ты выходишь замуж. Все изменится. Я знаю, что должна за тебя радоваться, но думаю лишь о том, что тебя теряю.

– Китти, ты никогда меня не потеряешь!

Она посмотрела на меня.

– Потеряю. Это естественный ход жизни. Просто я еще не привыкла, – она указала на вечеринку за забором, – поэтому и не смогла прийти. Анна, мне так жаль.

– Не нужно извиняться, – твердо сказала я, взяв Китти за руку, и стерла краем платья слезу, сбежавшую по ее щеке.

– Анна, – начала Китти немного отстраненно, – я должна тебе кое-что рассказать.

Я отпустила ее руку.

– Что?

– Тебе не понравится.

– Все равно говори, – поторопила я.

– Я приняла серьезное решение насчет будущего. Ты двигаешься вперед, и я должна тоже.

– Китти, о чем ты?

Она глубоко, взволнованно вздохнула:

– Ты помнишь, что мы друг другу пообещали, когда поступали в медицинское училище?

Я кивнула:

– Да. Мы поклялись, что никогда не станем такими, как наши матери.

– Именно, – подтвердила она, глядя перед собой, – что мы хотим другой жизни, более значимой.

Я нахмурилась:

– Китти, если ты хочешь сказать, что, выходя за Герарда, я...

– Нет, – быстро перебила она, – я имею в виду вовсе не это. Просто я подумала, что мне надо как-то изменить свою жизнь. Я думаю об этом давно, еще с тех пор, как появились первые слухи о войне, но сегодня, Анна, я точно поняла, что надо делать.

Мои пальцы крепко сжались.

– Я уезжаю, – сообщила она, – далеко на юг, на океан. Поступаю в корпус медсестер, чтобы помогать на войне. Сегодня я ездила в город, в центр регистрации волонтеров. Анна, им нужны квалифицированные медсестры. Их отчаянно не хватает. Для меня это – шанс сделать что-то стоящее в жизни.

Меня переполняли эмоции. Я вспомнила рассказы об островах из писем Норы – душные ночи, звезды, такие близкие, что, кажется, их можно потрогать рукой, красота и загадка, страх разрушения и войны, таящийся на каждом углу. Мужчины. Я осмеливалась о таком только мечтать. А Китти собирается туда поехать.

Я пнула ногой камень.

– Ты уверена?

– Да, – мягко сказала она.

Я вздохнула.

– Послушай, – продолжила Китти, – ты выходишь замуж. Все вокруг женятся или уезжают учиться или еще куда-нибудь. Я не хочу просто сидеть здесь и смотреть, как все меняется. Я хочу перемен.

Да, перемены ждали нас обеих, хотелось нам того или нет. А теперь мы смотрели им прямо в глаза, и я не могла превозмочь сердечной боли.

– Разумеется, мама в ужасе, – продолжила Китти. – Я убегаю на дикий остров, буду жить с *варварами*, среди солдат – но мне плевать. Мне не важно, что подумают остальные, – ее тон стал осторожнее, – кроме тебя.

Мне тоже было невыносимо думать, что Китти уезжает, но не из-за «дикарей» или мужчин, хотя последние и вызвали изрядное беспокойство.

Нет, мне было невыносимо, что Китти уезжает на другой конец света – и без меня.

– Я переписываюсь с Норой, – призналась я.

Китти сначала обиделась, но потом ее глаза загорелись:

– Она ведь там, на островах?

– Да, она хотела, чтобы я тоже туда приехала.

Китти ухмыльнулась:

– Она тратит время не на ту девушку.

– Возможно, – тихо согласилась я.

Я подумала о свадьбе, которая должна была случиться через несколько недель. Представила все до малейших деталей, как в кино. Мое платье, французский шелк. Голубая подвязка. Пятиярусный торт с помадкой. Салфетки. Букеты подружек невесты. Белые пионы и бледно-лиловые розы. Я содрогнулась. Как я могу выйти замуж, если рядом не будет Китти?

Я выпрямилась и кивнула:

– Я поеду с тобой.

Китти просияла:

– Анна! Нет, не может быть. А как же свадьба? Нам придется уехать на той неделе, и как минимум на девять месяцев, а то и на более долгий срок.

Я пожала плечами:

– Им ведь нужны медсестры?

Китти, всхлипывая, кивнула:

– Да. Вербовщик сказал, обстановка на островах накаляется, и им очень нужны медсестры.

Я улыбнулась:

– Что я за подруга, если я отпущу тебя одну в такое приключение?

Китти обняла меня, и мы просидели на тротуаре всю следующую песню, а потом еще одну. Казалось, праздничная музыка доносится из другого мира – в каком-то смысле так оно и было. Живая изгородь из подстриженных лавров стала границей между определенностью и неизвестностью.

– Герард меня никогда не простит, – сказала Китти. – Я похитила его невесту прямо перед свадьбой.

Я покачала головой:

– Чепуха. Ты же меня не насильно тащишь. Я сама захотела.

Я обернулась и посмотрела на праздничный вечер. Разумеется, мое решение приведет к серьезным последствиям. Мама выйдет из себя. Папа будет против. И Герард... *Герард*. Я вздохнула. Ему придется непросто – невеста отправится в район боевых действий, а он будет сидеть в

домашнем уюте. Я знала, что он обидится, и это беспокоило меня сильнее всего. Но сейчас я не могла об этом думать. Если он любит – действительно любит меня, – он подождет, а если нет – значит, оно того не стоит.

Моя решимость росла с каждым мгновением. Я должна поехать с Китти на Тихий океан. Почему? Ответ был ясен не до конца. Одно я знала точно: на этот раз я не буду просто играть роль.

Глава 3

Китти толкнула меня локтем в бок, и я застонала, подняв отяжелевшие веки.

– Посмотри в окно, – восхищенно воскликнула она, – мы почти на месте!

От острова, куда мы прибыли на корабле, было сорок пять минут лету. Меня укачивало все четыре дня пути, и я мечтала снова ступить на твердую землю. Я оглядела салон маленького самолета. Мир мужчин. Хотя сейчас, помимо пилотов в кабине и одного солдата – высокий, неуклюжий парень с рыжеватыми светлыми волосами, одетый в свежую униформу, возвращался с продолжительного лечения, – самолет был полностью заполнен медсестрами.

– Смотри! – воскликнула Китти, схватившись за сердце. – Ты когда-нибудь видела такую красоту?

Я перегнулась через подругу, выглянула в маленькое окошко и изумленно вздохнула, увидев пейзаж внизу – невероятно светлая голубая вода, белый песок и сочные, изумрудно-зеленые холмы. Я не ожидала такого восхитительного зрелища. Конечно, Нора, которая теперь направлялась на корабле в Штаты, писала об очаровании островов, но газетные статьи говорили совсем о другом – безжалостной тропической жаре, нищете и мучениях, которые преследовали мужчин, воевавших среди кишящих москитами болот. Считалось, что это был настоящий ад. Но вид из окна совсем не совпадал с этими описаниями. Нет, этот остров был совсем другим.

Я вспомнила Герарда, его взгляд, когда я садилась на самолет, – печальный, неуверенный, испуганный. Когда на следующий день после вечеринки я сообщила ему о своих планах, он отреагировал прекрасно. Но в глазах читалась тревога.

Конечно, он попытался меня отговорить, но, в конце концов, взял за руку и натянуто улыбнулся.

– Буду ждать твоего возвращения. Это ничего не изменит, – заверил он.

После долгих обсуждений мы решили перенести свадьбу на год. Обескураженная новостью мама убежала плакать в спальню. Реакция папы оказалась менее однозначной. На следующий вечер после вечеринки у Годфри я дождалась того часа перед ужином, когда он пил виски в кабинете. После моего сообщения он опешил. На его лбу проступили

капельки пота.

– Ты уверена, детка?

– Да. Чувствую, что так *правильно*, вот и все.

Папа зажег сигару, выпуская дым в открытое окно. Его глаза блестели.

– Мне бы твоё мужество.

– Папа...

– Ну, ничего не поделаешь, – вдруг сказал он и выбросил в пепельницу сигару, а вместе с ней – все эмоции. – Не будем пропускать ужин. Максин приготовила *горячие сэндвичи*.

Но все же тем вечером папа почти ничего не ел.

Я расправила платье. Почему оно так измялось, когда наряд Китти выглядит свежевыглаженным? Я нахмурилась. Может, я зря поехала? Спрятав руки в подол, я разглядывала пейзаж внизу – мой новый дом как минимум на большую часть года.

Констанция Гильдебрандт, старшая медсестра и наш руководитель на острове, вышла вперед и грозно посмотрела на группу молодых сестер. Это была дородная женщина с седыми волосами, строго убранными под форменный чепец, приколотый так туго, что смотреть было больно. Если в сестре Гильдебрандт и присутствовала мягкость, она была запрятана глубоко внутри.

– Мы практически прибыли, – начала она. В самолете было так шумно, что мне приходилось читать по губам, хотя она кричала. – Не обманывайтесь красотой острова, это не роскошный курорт. Предстоит тяжелая работа. Жаркий климат суров. Влажность удушлива. Если до вас не доберутся москиты, то доберутся туземцы. Те, что живут на побережье, дружелюбны, но дальше соваться не стоит. Неподалеку от базы еще существуют колонии каннибалов.

Я посмотрела на девушек, сидящих через проход, они испуганно хлопали глазами. Сестра Гильдебрандт прочистила горло:

– Я знаю, вы устали, но нас ждет работа. Найдите свои казармы и сходите в душ, я буду ждать в лазарете к двум часам. И еще одно предупреждение: за вашим появлением будут наблюдать множество мужчин, многие из них очень долго не видели женщин, кроме *вахини*. Не смотрите мужчинам в глаза. Ведите себя так, чтобы рядом с вами они были джентльменами.

Одна из девушек достала косметичку, напудрила нос и накрасила губы ярко-красной помадой.

Китти с улыбкой наклонилась ко мне.

– На острове две тысячи мужчин, – прошептала она, – а нас сорок

пять.

Я строго посмотрела на подругу. Как она могла думать о мужчинах после ужасных предостережений сестры Гильдебрандт?

– Как думаешь, там правда есть каннибалы?

– Нет, – уверенно отмахнулась Китти, – она нас просто пугает.

Я надеялась, что Китти права.

– К тому же, – добавила я, – в письмах Нора ничего не говорила о москитах.

Китти согласно кивнула.

– Мередит Льюис – ну, знаешь, сестра Джиллиана, – тоже была на острове, неподалеку отсюда. Она приехала с первыми отрядами и говорит, что истории про каннибалов – полная чушь.

Слова Китти не успокоили меня, а напротив – пронзили сердце, словно острый осколок. Мередит Льюис училась с Герардом в одном классе. Она стояла с ним рядом на выпускной фотографии. От этих воспоминаний сразу захотелось домой. Неопределенность тревожила, но все забылось, когда самолет начал вздрагивать и трястись.

Мы с Китти держались за руки, когда машина со стуком приземлилась на взлетно-посадочную полосу, расположенную пугающе близко к океану. В какое-то мгновение нам показалось, что мы вот-вот катапультируемся в воду, словно летящая торпеда. Я украдкой перекрестилась и прочла молитву.

– Ну, вперед, – тихо произнесла я несколько минут спустя, направляясь к выходу вместе с другими девушками.

На мое плечо опустилась рука Китти.

– Спасибо, что поехала со мной, – прошептала она, – ты не пожалеешь, обещаю.

Мы друг за другом спускались на аэродром. Дул легкий бриз, теплый, соленый и влажный, дышать было с непривычки тяжеловато. У медсестры, которая пудрила нос перед посадкой, на лице проступила испарина, а по щеке медленно поползла капля пота. Я удержалась от искушения достать из сумки косметичку, напомнив себе, что помолвлена, и теперь моя внешность важна только для жениха.

Осмотревшись, я увидела, что сестра Гильдебрандт права – во всяком случае, насчет мужчин. Военные в темно-зеленых униформах столпились внизу, словно шершни. Самые наглые свистели, остальные просто смотрели, покуривая сигареты.

– Такое впечатление, что они никогда не видели женщин, – прошептала Китти, поглядывая на солдата в переднем ряду. Тот

приосанился и смотрел на нас с уверенной улыбкой.

– А он милый, – сказала Китти немного громче, чем следует.

Сестра Гильдебрандт снова к нам повернулась.

– Дамы, позвольте представить вам полковника Донехью, – сказала она, поворачиваясь к мужчине в форме. На его груди красовалось не меньше дюжины медалей и знаков отличия. Когда он пересекал площадку, его подчиненные построились. Все затихло, и медсестры восхищенно наблюдали за его приближением. Полковнику было около сорока, может, немного больше. Загорелый, темные с проседью волосы, изумительные глаза. В военной форме он выглядел могущественно и, как мне показалось, немного пугающе.

– Сестра Гильдебрандт, дамы, – поздоровался он, взявшись за шляпу, – рад официально приветствовать вас на острове Бора-Бора. Благодарим вас за службу нашей стране, и, уверяю вас, все мужчины на острове, включая меня, говорят вам сердечное спасибо за ваш труд.

Он повернулся к мужчинам и крикнул:

– Вольно!

Все зааплодировали.

– Истинный джентльмен, – прошептала Китти, не спуская глаз с полковника.

Я пожала плечами. Солнце жгло все сильнее. Я сначала и не заметила, как сильно припекают его лучи, отражаясь от раскаленного бетона. Китти медленно покачивалась рядом со мной. Сначала мне показалось, что она пританцовывает под песню Эллы Фицджеральд, доносившуюся из джипа, но, повернувшись к ней, я увидела, что у подруги побледнели щеки, и она вся как-то обмякла.

– Китти, – забеспокоилась я, схватив ее за руку, – с тобой все в порядке?

Китти часто заморгала, и вдруг у нее подкосились ноги. Я успела ее подхватить, но спасла нас именно сумка, набитая слишком нарядными для острова платьями – они уберегли голову подруги от безжалостного бетона. Теперь Китти лежала на горячем цементе взлетного поля, словно мятая тряпка, ее голова покоилась у меня на коленях.

– Китти! – закричала я, инстинктивно одернув подол ее голубого платья.

– Нюхательную соль! – скомандовала сестра Гильдебрандт, проталкиваясь сквозь столпившихся вокруг девушек. Она поднесла к носу Китти пузырек из зеленого бутылочного стекла.

– Это все солнце, – спокойно объяснила она. – Привыкнет со

временем.

Рядом с сестрой Гильдебрандт появился полковник Донехью.

– Принесите носилки! – распорядился он. – Быстрее!

– Полковник Донехью, – вмешалась сестра Гильдебрандт, – это просто тепловой удар. Все обойдется.

Он осмотрел Китти собственническим взглядом:

– Я хочу убедиться в этом лично.

– Как вам угодно.

Вскоре появилось двое мужчин с носилками и положили на них Китти – она уже пришла в сознание, но все еще была очень слаба.

– Анна, что случилось? – спросила у меня Китти.

Прежде чем я успела что-то ответить, подскочил полковник Донехью.

– Самые красивые девушки всегда падают в обморок в тропиках, – с улыбкой произнес он.

Мне его тон не понравился, но Китти просияла:

– Мне очень неловко... Надолго я отключилась?

Полковник широко улыбался. Вокруг нас собралась такая толпа, что я уже ничего не видела.

– Достаточно долго, чтобы прослушать, что сегодня вечером будут танцы в честь вашего приезда, – ответил Донехью, словно танцы проводились лично для Китти.

Китти одарила полковника улыбкой – слишком игривой для его чина.

– Танцы? – вяло пробормотала она.

– Да, танцы, – подтвердил он и повернулся к толпе: – Все слышали? Сегодня, в восемь часов.

– Спасибо, – не переставая улыбаться, ответила Китти.

– Очень рад, – галантно ответил полковник, – только у меня будет к вам одна просьба.

– Конечно.

– Подарите мне один танец.

– С удовольствием, – мечтательно пробормотала она, пока двое мужчин уносили ее, пробираясь сквозь толпу.

Китти всегда умела эффектно обставить свое появление.

Толпа задвигалась. Я посмотрела на свой чемодан и огромную сумку Китти и застонала. Солдаты куда-то исчезли, и мне предстояло нести все это добро самой.

– Ты поверила? – спросила меня какая-то девушка сзади. Я обернулась и увидела одну из медсестер. Золотисто-каштановые волосы, лежащие мягкими волнами, напоминали Риту Хейворт из журнала «Лайф», но на

этом сходство заканчивалось.

– Простите? – переспросила я, не понимая, что она имеет в виду.

– Твоя подружка разыграла неплохую сцену, чтобы привлечь внимание полковника, – с ухмылкой заявила она. Над верхней пуговицей ее платья виднелось кружево. Вероятно, не случайно.

Через секунду появилась другая медсестра, с блестящими темными волосами и мягкой улыбкой, и с согласием посмотрела на подругу.

– Вы же не хотите сказать, что Китти сделала это специально?

– Именно это я и имею в виду, – ответила девушка с каштановыми волосами, видимо, лидирующая в этой паре. – Такие вещи случайно не происходят. Она все разыграла.

– Разумеется, нет, – запротестовала я, – вы просто завидуете.

Темноволосая медсестра открыла рот, а вторая просто пожала плечами:

– Однажды ты скажешь нам спасибо.

– За что? – с подозрением спросила я.

– За предупреждение. Твоя подружка на многое способна. Я бы не стала ей доверять и подпускать к своим мужчинам.

Я покачала головой и пошла вперед – быстро, насколько это получалось с двумя тяжелыми, большими сумками.

– Как-то неловко... – будто опомнилась девушка с каштановыми волосами. Но ожидаемого извинения не последовало. – Я чуть не забыла представиться. Стелла, а это Лиз, – сообщила она, указывая на брюнетку.

Я упорно продолжала свой путь.

– А тебя как зовут?

– Анна, – буркнула я, не оборачиваясь.

* * *

Наши комнаты в казармах медсестер были очень простыми, если не сказать, бедными – две грубо сколоченные кровати, туалетный столик и один шкаф на двоих. Тонкие хлопковые занавески, выжженные солнцем до бледно-желтого цвета, казалось, не могли скрыть нас от солнца или взглядов мужчин. Зайдя в комнату, я обнаружила, что Китти забралась на кровать и ковыряет ногтем стену.

– Как ты думаешь, можно повесить здесь картину? – спросила она, наклонив голову. – Но, честно говоря, я хотела повесить фотографию родителей.

Я со вздохом опустила на пол ее сумку и вытерла лицо.

– Можно, – вяло согласилась я, – вижу, тебе уже лучше.

– Да, милая, спасибо, – отозвалась она. – Мне неудобно, что пришлось там тебя бросить. Но полковник Донехью настоял.

Меня начинало передергивать от имени *полковника*, но виду я не подала.

– Я рада, что все в порядке.

Китти вскочила и начала порхать по комнате, словно весенняя пташка. Она щебетала о том, как мы здесь устроимся. Запасная простыня послужит отличным балдахинном, а еще мы сможем поставить журнальный столик для чая. *Ага, конечно*. И какого замечательного, спокойного цвета стены! Да, бежевые, как в лазарете, – очень успокаивает.

Мне же комната показалась сырой и какой-то странной. Два голых матраса, голубых в белую полоску, были изрыты вмятинами. На каждом лежала аккуратная стопка изношенного белья. Мне очень не хватало Максина, хотя от этих мыслей я почувствовала себя ребенком. Она бы, конечно, тут же прибежала бы и застелила кровати, вручив нам по чашке расслабляющего чая.

Теперь я все делала сама.

– Анна, поверить не могу, сегодня будут танцы! Танцы! И полковник Донехью будет танцевать со мной!

Опять это имя. Почему оно на меня так действует? Я не доверяю этому человеку? Или я просто раздражена? Я помнила, что Лиз и Стелла сказали мне на аэродроме. Они завидовали. Меня пугала мысль, что я, возможно, тоже завидовала своей подруге.

Я никогда не научусь держаться с мужчинами так, как Китти. Я вспомнила о Герарде и покрутила на опухшем от жары пальце помолвочное кольцо.

– Да, будет здорово! – подхватила я, изо всех сил стараясь изображать веселье.

– Надену желтое платье, – сообщила Китти и бросилась к чемодану. Ей очень шел желтый цвет. Это платье она уже надевала раньше – в последний раз вокруг ее талии крепко сомкнулись руки мистера Гельфмана. Забавно – когда мы уезжали из Сиэтла, сердце Китти было разбито, но, похоже, остров уже стер все воспоминания о былой любви. Я поклялась себе, что у меня все будет иначе.

Китти смотрелась в зеркало, прижимая к себе платье, разглаживая складки, которые вскоре расправил влажный воздух острова.

– Даже не знаю, может, лучше надеть голубое, которое мы купили во

«Фредерик и Нельсон» прошлой весной? Оно более строгое.

Я покачала головой, вспомнив Лиз и Стеллу:

– Нет.

Я хотела доказать себе, что не завидую, и старалась быть для Китти самой лучшей подругой. Ведь именно поэтому я здесь.

– Надень желтое. В нем ты выглядишь сногшибательно.

На танцах Китти будет самой красивой. Она чудесно проведет время, и я за нее порадуюсь.

* * *

Лазарет, белое здание с красным крестом над входом, издавал запах мыла, ипекакуаны и немного – медицинского спирта. Мы с Китти пришли последними и устроились среди девушек, наблюдавших, как сестра Гильдебрандт демонстрирует на руке одной из медсестер искусство перевязки в условиях тропиков. Она рассказала, что повязки нужно накладывать против часовой стрелки, не слишком пережимая, но достаточно туго, чтобы остановить кровь.

– Рана должна дышать. Если воздуха будет слишком много или же, наоборот, мало, может возникнуть инфекция. – Она замолчала, глядя в окно, на дальние холмы. – Особенно в этом богом забытом месте.

Остальную часть времени мы провели, скручивая бинты в маленькие тугие свертки и упаковывая их в ящики из самолета. Я выкладывала на стол большие рулоны темно-серого полотна, стараясь не думать о ранах, к которым оно однажды прикоснется. Китти начала с одного конца, я с другого. Через час заболели пальцы.

Мы работали молча, главным образом из страха перед сестрой Гильдебрандт – нам всем хотелось поговорить. Но когда она вышла по делам в столовую, девушки начали щебетать.

– Какая строгая эта сестра Гильдебрандт, – сказала наша соседка слева. На несколько лет старше нас с Китти, с соломенными волосами, веснушками на носу и большими, дружелюбными глазами. Улыбаясь, она сжимала губы, безуспешно пытаясь скрыть неровные зубы.

– Да, – согласилась я. – Не понимаю, раз она так ненавидит это место, зачем пошла добровольцем?

– Ее прошлое связано с этим местом, – ответила девушка.

– Что ты имеешь в виду?

– Мне рассказывала другая сестра, еще на континенте, – она перешла

на шепот, – она бывала здесь раньше, очень давно. И случилось нечто ужасное.

– Что?

– Точно не знаю, какой-то скандал.

– Ты же не хочешь сказать, что она преступница! – воскликнула Китти. Наша собеседница пожала плечами.

– Кто знает? Но я бы не рискнула с ней конфликтовать. Я Мэри, – представилась она, кивнув нам с Китти.

– Я Анна.

– А я – Китти.

Мэри положила в ящик очередной свернутый бинт.

– Что вас сюда привело?

Китти раскрыла рот, но я заговорила первой:

– Долг перед родиной.

Мэри ухмыльнулась:

– Ну да, все так говорят. Но почему вы *на самом деле* здесь? Все мы откуда-то бежим или чего-то ищем. Расскажите, что привело вас сюда.

Она посмотрела на мое кольцо – возможно, потому что я его теребила. Но на этот раз первой заговорила Китти.

– Анна была помолвлена, – начала она, но я тут же вмешалась:

– Я и *сейчас* помолвлена.

– Да, Анна помолвлена, но она отложила свадьбу, чтобы поехать со мной. – В знак благодарности Китти прижалась ко мне плечом. – Перед отъездом у меня была ужасная неразбериха в личной жизни. Мне нужно было сбежать.

– Мне тоже, – ответила Мэри, поднимая левую руку, – мой жених расторг помолвку. Просто пришел однажды и сказал, что не любит меня. Как же он сказал? – Она посмотрела на потолок, словно перебирая воспоминания. – Да. Сказал: «Дорогая, я люблю тебя, но не *влюблен*». Но и этого ему было мало – он заявил, что женится на моей лучшей подруге. Оказалось, что они уже несколько месяцев встречаются. Честно говоря, девочки, я чуть в психушку не загремела. Когда я немного пришла в себя и стала думать, что делать дальше, то поняла, что мне нужно уехать. Я была готова бежать на край света, лишь бы приглушить боль. Наша свадьба должна была состояться осенью, в отеле «Картрайт», в Сан-Франциско. Это было бы грандиозно, – вздохнула Мэри и опустила взгляд.

– Мне очень жаль, – посочувствовала я.

– Спасибо, – ответила она и начала работать над новой повязкой. – Сейчас мне уже гораздо легче об этом рассказывать. Мы планировали

переехать в Париж, он собирался – то есть собирается – работать дипломатом. Мне не следовало в него влюбляться, – печально покачала она головой. – Мама была права: он для меня слишком красив. – Мэри пожала плечами. – И вот я здесь. А ты? – Она обратилась ко мне: – Любишь своего будущего мужа?

– Конечно, – решительно ответила я.

– Тогда почему ты здесь, а не с ним?

Почему я здесь, а не с ним? Так ли легко ответить на этот вопрос? Я ненадолго задумалась. Может, ищу приключений, как Китти? Или послушалась совета Максина и пытаюсь дождаться чего-то – или, боже упаси, кого-то, – прежде чем решить свою судьбу? Я покачала головой, отгоняя такие мысли. Нет, я здесь ради Китти. Все просто и понятно.

– Ради подруги, – ответила я, сжав руку Китти.

– Здорово, – восхитилась Мэри, – вам повезло, что вы вместе. У меня нет таких подруг.

Китти, щедрая душа, тепло улыбнулась Мэри:

– Мы можем ими стать.

Очаровательная улыбка Мэри обнажила ее неровные зубы.

– С удовольствием, – сказала она, укладывая в коробку очередной бинт. Мы успели сделать не меньше сотни. Подвиг невелик, но я гордилась нашим достижением. Гора бинтов в наш первый день на Бора-Бора. Мы *что-то* делали. Мы действительно жили.

* * *

В столовой, простом здании с длинными рядами столов, медсестрам было выделено два отдельных места. По мнению сестры Гильдебрандт, нам не следовало есть вместе с мужчинами. Но мы все равно следили за каждым их движением, а они – за нашим. Они сверлили нас взглядом, пока мы ели консервы и бобы.

– Отвратительная еда, – содрогнулась Мэри, насадив на вилку зеленую фасоль и подняв ее к свету. – Смотрите, просто какая-то окаменелость.

– Зато вернемся домой стройными, – улыбаясь, отметила оптимистка Китти.

Стелла и Лиз сели напротив нас, но после разговоров насчет Китти я делала вид, что их не замечаю.

– Так-так, – выразительно начала Стелла, указывая на угловой столик, где сидели трое мужчин, – вы только посмотрите!

Мэри и Китти, не зная о моей неприязни, повернулись посмотреть, в чем дело.

– Вылитый Кларк Гейбл^[3], – согласилась Китти. – Интересно, кто он?

– Его зовут Эллиот, – поделилась Стелла. – Капрал, который помог мне донести сумку, нас представил. Разве не прелесть?

– Точно, – кивнула Мэри, с трудом проглатывая консервы.

– Дело плохо, – сообщила Стелла, – говорят, в родном городе у него есть любимая женщина. Но она замужем.

Мы округлили глаза.

– А ведь мог бы иметь здесь успех. Но, по слухам, он часами сидит на койке и пишет дневник, мечтая о ней.

– Как романтично, – мечтательно протянула Китти.

Я кивнула:

– Мужчина, который так любит женщину, – большая редкость.

– Или большой дурак, – отрезала Стелла. Она продолжала болтать о своем плане завоевания Эллиота, пока я ковырялась в тарелке.

Я снова посмотрела на столик, за которым сидел этот парень, Эллиот. Он действительно напоминал Кларка Гейбла – симпатичный, с карими глазами и густыми черными волосами, кудрявившимися надо лбом. Но мое внимание привлек его сосед слева. Высокий, но не такой мускулистый, со светлыми, легкими волосами, загорелой кожей и веснушками.левой рукой он ел, а в правой держал книгу: он был поглощен чтением. Перевернув страницу, он поднял глаза. Наши взгляды встретились, и он улыбнулся. Я быстро опустила голову. Что на меня нашло? Я тут же пожалела, что нарушила приличия.

Я с трудом проглотила кусок тушенки, чувствуя, как горят щеки, и пытаюсь подавить рвотный рефлекс. Стелла заметила наши взгляды и с насмешкой на меня посмотрела, но я отвернулась, заставив себя сохранять выдержку.

* * *

Тропические ночи оказались приятнее, чем дни, несмотря на москитов. После заката воздух стал мягче. С моря тянулась прохладная дымка, соленый влажный ветер не иссушал кожу, а звезды в небе цвета индиго светили так ярко, что казалось – протяни руку и сможешь достать любую.

Мы с Китти отправились по дорожке из гравия в центр лагеря, чтобы

присоединиться к вечернему веселью: она в желтом платье, я – в красном. Китти уговорила меня надеть что-нибудь поярче, и я в последний момент согласилась.

Идти было недалеко, примерно пять городских кварталов, но на каблуках расстояние казалось непреодолимым. Мы прошли лазарет, внутри горел свет. Сестра Гильдебрандт сейчас там? Мы быстро пронеслись мимо. Проходя казармы солдат, мы с Китти сделали вид, что не слышали свиста курящих снаружи мужчин.

Отойдя на безопасное расстояние, Китти дернула меня за руку.

– Смотри, – указала она на большой зеленый куст, усыпанный великолепными цветами.

– Они прекрасны. Как называется это растение?

Китти сорвала красный цветок.

– Гибискус, – ответила она, засунув цветок за правое ухо и протянув мне другой. – Во Французской Полинезии, если сердце занято, цветок носят за левым ухом, а если нет – за правым.

– Откуда ты это знаешь?

Китти улыбнулась:

– Знаю, и все.

Я посмотрела на огромный цветок, на измятые лепестки насыщенного темно-красного оттенка.

– Значит, положу за левое, – ответила я, послушно заправляя цветок за левое ухо.

– Какая прелесть, – восхитилась Китти, указав на импровизированный танцпол, – китайские фонарики!

Над танцполом были протянуты нити с маленькими белыми фонариками. Мужчины толпились по краям, перешептываясь, пока группы медсестер пересекали газон. Пять музыкантов вышли на сцену и начали настраивать инструменты, пока ведущий проверял микрофон.

– Хочу поприветствовать на нашем маленьком острове корпус медсестер, – начал он, – парни, окажите достойный прием!

Все закричали и захлопали, музыканты заиграли, но в первые секунды никто не двинулся с места.

– Что нам делать? – прошептала Китти. Ее дыхание коснулось моего плеча.

– Ничего, – ответила я, жалея, что не осталась в комнате. Лучше бы я почитала.

Стелла и Лиз сделали несколько шагов вперед, и за ними последовало двое мужчин с нагловатым видом.

– Вы подарите мне этот танец? – обратился к Стелле солдат с южным акцентом и развязной походкой. Второй робко подошел к Лиз. Обе девушки согласились.

– Ты посмотри, – сказала я Китти, – как быстро!

Но Китти была слишком растерянна. Я знала, кого она ждет. Вдруг к нам приблизился парень – вернее, к Китти. Я узнала его, он был утром на аэродроме.

– Я увидел ваш цветок, – заговорил он, манерно поклонившись. В присутствии Китти мужчины часто превращались в болванов. – Я Ланс, – представился он, протягивая ладонь, и Китти уступила, позволив ему запечатлеть на своей руке игривый поцелуй.

Я закатила глаза. Он был высокий и накачанный, с волосами каштанового оттенка, резкими чертами лица и жеманной улыбкой, которая сразу мне не понравилась.

– Я Китти.

Подруга явно была польщена. Ланс улыбнулся:

– Хочешь потанцевать?

Китти кивнула, и он увлек ее на танцпол. Я осталась одна. Музыканты играли неплохо – для такой-то дыры! Когда кларнет заиграл вступление к первой песне, у меня по руке побежали мурашки. Последний раз я слышала эту мелодию Гленна Миллера на лужайке у Годфри. На нашей помолвке. Я вздохнула, ощутив острый приступ одиночества. Мне было неловко и очень грустно. Я поправила платье, вытащила из волос выбившуюся шпильку и прикрепила ее на место. Где Мэри? Я огляделась, но вокруг были только странные мужчины, глазающие на меня. *Слава богу, цветок в нужном месте.*

Но один парень все-таки приблизился ко мне, не обратив внимания на кольцо и код цветка. Его рубашка была измята, и я услышала запах алкоголя, прежде чем он открыл рот.

– Потанцуем?

– Спасибо, – вежливо ответила я, – но нет. Думаю, я пропущу этот танец.

– Вы слишком красивы, чтобы стоять в стороне, – возразил он, – к тому же я устал от вахینی. Хочу наконец потанцевать с американкой.

Он схватил меня за руку и потащил на танцпол.

– Знаете, – сказала я, испугавшись напора, – мне не хочется танцевать.

– Ерунда, – с улыбкой отмахнулся он. В его дыхании чувствовался кисловатый запах пива. Он явно перебрал.

Он прижался ко мне щекой, я почувствовала подбородком короткую

щетину.

– Ты хорошенькая, – сказал он, когда оркестр заиграл вновь. *Только не медленная песня.* Его горячие, влажные руки легли на мое платье, а объятия были удушливы, но я заставила себя терпеть – мне не хотелось устраивать сцен. Придется дождаться конца песни.

Но, к моему ужасу, когда закончилась музыка, к нам приблизился другой мужчина, вероятно, друг моего партнера. Заиграла быстрая мелодия, и я оказалась зажатой между ними. Они вращали меня, передавая друг другу. Я скакала туда-сюда, словно мяч на резинке. Я в отчаянии пыталась найти глазами Китти и увидела ее в объятиях Ланса. Она выглядела счастливой и веселой. *Не устраивать сцен.* Я почувствовала на груди чью-то руку. Чью? Я оцепенела, хотя ноги продолжали двигаться. Другая рука схватила меня за талию, на этот раз – увереннее. Все вокруг завертелось, а может, вертелась я. Меня окружили мужчины. Разгоряченные, потные от густого, влажного воздуха. Я хотела крикнуть, но не смогла. А потом началась драка, послышался глухой удар. Кто-то упал на землю. Музыка остановилась, вокруг моего первого партнера собралась толпа. У него из носа текла кровь. Он потерял сознание.

Я пробралась сквозь толпу и вышла с танцпола, смущенно опустив голову. Я чувствовала себя виноватой, хотя не сделала ничего плохого. Я не хотела, чтобы меня преследовали, и бросилась по тропинке обратно к женскому корпусу, ускорив шаг, когда проходила мимо мужских казарм. Я вот-вот готова была расплакаться, ветер свистел в пальмовых ветвях над головой. Одиноким, чуждым, странным звук. Я скучала по ореховому дереву. По Сиэтлу.

Испугавшись шороха в кустах, я инстинктивно повернула к лазарету. Слабо освещенная тропа и ночной остров казались невероятно опасными без Китти. *Kimmi!* Я переживала, что ее бросила. Но скорее всего с ней все будет в порядке: Ланс выглядел надежным парнем. Или я в этом себя убедила.

Внутри горел свет, и я думала, что увижу за столом сестру Гильдебрандт. Но там сидел парень, тот самый, которого я видела за обедом в столовой.

Он улыбнулся, и я испуганно улыбнулась в ответ.

– Привет, – поздоровался он, – не пугайся. Мне просто нужна повязка. Думал, что найду здесь, но вижу, вы все как следует припрятали.

Я бросила взгляд на его кровоточащую руку и кинулась к коробке с бинтами, скрученными накануне.

– Вот, – сказала я, – давай, помогу.

Мне не следовало стесняться. Ведь я медсестра. А он пациент. Вокруг темнота, а я наедине с мужчиной. Но не стоит смущаться.

– Что произошло? – спросила я, прикладывая к ране марлю с медицинским спиртом.

Он вздрогнул, но продолжал улыбаться:

– А ты что, не видела?

– Что?

– Я не мог смотреть, как Ренди Коннорс обращался с тобой на танцполе.

– Ренди Коннорс? Обращался со мной? Прошу прощения...

– Что? Да он тебя всю залапал.

Он сказал правду, и я от стыда опустила голову. Солдат взял меня за подбородок и приподнял мое лицо.

– Поэтому я ему врезал как следует.

Я улыбнулась.

– Ах, – выдохнула я, пытаюсь держать себя в руках. Он заметил слезы в моих глазах? – Так это был ты. Я тебе очень благодарна.

– Не обижайся на парней, – ответил он. – Они месяцами не видели девушек вроде тебя, а кое-кто и подольше. Мы уже давно торчим на этом камне.

Я вспомнила слово, сказанное солдатом, – *вахини*. В его устах оно прозвучало грязно и грубо.

– А ты не знаешь, что такое вахини?

В его глазах мелькнул огонек:

– Знаю. Так называют женщин на *таитянском*.

Я кивнула:

– Эти мужчины могли не видеть женщин хоть целый век, не важно. Это не оправдывает их варварство.

– Не оправдывает. Поэтому я здесь сам по себе. Вокруг не так уж и много порядочных ребят. Тебе следует научиться вести себя иначе. Дома можешь прикидываться скромницей, рассчитывать на благородство и хорошие манеры. Здесь – нет. Тропики будят дикарей в каждом из нас. Остров ослабляет внутренние тормоза. Он меняет каждого. Вот увидишь.

– Ну, – пренебрежительно ответила я, накладывая на костяшки его пальцев повязку, как учила сестра Гильдебрандт, – я не верю, что человека может что-то изменить, если он сам этого не захочет. Ты когда-нибудь слышал о свободе воли?

– Конечно, – с веселым видом ответил мой собеседник, – я просто хотел сказать, в этом месте открываются наши скрытые стороны – то, что у

нас внутри, наше истинное «я».

Я закрепила повязку алюминиевой скобкой и выдохнула.

– Не знаю, насколько хорошо, но я все сделала.

– Я Уэстри, – протянул он перевязанную ладонь. – Уэстри Грин.

– Анна Келлоуэй, – ответила я, осторожно пожав его руку.

– Еще увидимся.

Он направился к двери.

– Увидимся, – ответила я и вдруг заметила в его левой руке что-то красное. Когда за ним закрылась дверь, я потянулась к уху. Гибискус исчез.

Глава 4

– Во сколько ты вчера вернулась? – спросила я у Китти на следующее утро. Я рано проснулась и читала уже часа два, дожидаясь, пока она расшевелится.

Она посмотрела на часы и снова уронила голову на подушку.

– Поздно, – ответила она приглушенным голосом.

– Уже почти девять, – сообщила я, подумав, что нам очень повезло, что мы приехали на остров в пятницу, накануне выходного дня. – Я не позволю тебе проспать наш единственный выходной. Давай, одевайся!

Она зевнула и села на кровати.

– Неужели уже девять?

– Да, соня, – ответила я, направляясь к шкафу. Я хотела сходить сегодня на пляж, нужно надеть что-нибудь полегче.

Китти быстро вскочила.

– Надо поторопиться, – заявила она. – Ланс обещал свозить меня в город.

Я сразу расстроилась, и Китти это заметила.

– Поехали с нами, – предложила она. – Он пригласил и тебя.

– Быть третьей лишней? Ну, уж нет. Езжай одна.

Китти покачала головой, расстегнула ночную рубашку, и та упала на пол, обнажив две идеальные полусферы грудей.

– Поехали с нами, Стелла и Эллиот тоже едут. Ланс возьмет джип.

– Что? – изумилась я. – Как она его затащила?

– Не она. Ланс.

Я закрыла шторы, чтобы спрятать нагое тело Китти от жадных взглядов.

– А еще кто-нибудь поедет?

Я подумала о Уэстри.

– Думаю, нет, – ответила Китти, заглядывая в шкаф. – Погоди, у тебя кто-то есть на примете?

Она как будто меня поддразнивала. Я покачала головой:

– Просто я вспомнила о Мэри.

Китти не отрывалась от шкафа.

– Я ее вчера не видела, а ты?

– Я тоже, – ответила она, вытаскивая зеленовато-голубое платье с коротким рукавом. – Как тебе это?

– Красивое. – Наряды Китти волновали меня куда меньше, чем безопасность нашей новой знакомой. – Может, поговорить с сестрой Гильдебрандт и убедиться, что с Мэри все в порядке?

Китти пожала плечами, разглядывая пару желто-коричневых туфель на каблуке.

– Да или нет?

– Нет, надень голубые. Потом скажешь мне спасибо.

Она застегнула бюстгальтер и скользнула в белую шелковую комбинацию, а потом начала натягивать платье.

– Расскажи о Лансе, – осторожно попросила я, помогая ей с застежкой. – Он тебе нравится?

– Да, – ответила Китти, хотя в ее голосе мне послышалась нотка сомнения. – Он замечательный.

– Ты вчера танцевала с полковником? – поинтересовалась я, вытаскивая из шкафа простое коричневое платье.

Китти кивнула:

– Да, это было чудесно. Ланс был не слишком доволен, но не мог спорить со старшим по званию.

Я посмотрелась в зеркало на стене. От утренней жары мои щеки порозовели, а волосы казались тусклыми. Влажность победила. Я пожала плечами и закрепила их на затылке. Все равно надену шляпу.

– Готова? – спросила Китти, хватая сумочку.

Я оглядела подругу. Щеки в отличие от моих не покраснели, а лишь слегка порозовели. Волосы вились пуще прежнего – Китти элегантно заколола их набок.

Тропики были ей к лицу.

– Готова, – ответила я, направившись за ней к двери.

* * *

Ланс вел машину слишком быстро. Но это мало заботило Китти – она с радостным видом расположилась впереди, а Стелла, Эллиот и я теснились сзади, словно огурцы в одной из банок Максина. Мои бедра стали влажными от горячего тряпичного сиденья, я придерживала шляпу, а Ланс все давил на газ. Неровная, засыпанная гравием дорога, опоясывающая остров, была не для слабонервных. Поднялась густая пыль, и я жалела, что не захватила шарф.

– Сначала в центр, – объявил Ланс, словно заправский гид, – а потом –

на пляж.

Китти восторженно взвизгнула, а Стелла посмотрела на Эллиота, чей взгляд был сосредоточен на дороге.

– Ты часто бываешь в городе? – ласковым голосом спросила она.

Он не ответил.

– Я СПРАШИВАЮ, – повторила Стелла на этот раз громче, пытаясь перекрыть мотор, – ТЫ ЧАСТО БЫВАЕШЬ В ГОРОДЕ?

Эллиот посмотрел на нас, сначала испуганно, потом смущенно, словно не мог понять, которая из нас к нему обратилась и почему мы так кричим.

– Нет, не часто, – коротко ответил он и снова уставился на дорогу.

Стелла надулась и скрестила руки на груди. В воздухе витал неизменный запах соли, а также влажной после дождя земли вперемешку с каким-то незнакомым сладковатым цветочным ароматом.

– Вон, видите? – произнес Ланс, указав на огороженный забором участок слева. Он замедлил ход, и я была рада отпустить шляпу хоть на несколько мгновений – рука уже начинала болеть.

– Плантации ванили. Почти всю ваниль в мире производят на этом острове.

Я сомневалась в правдивости этих слов, подозревая, что Ланс просто пытается произвести впечатление на Китти, но возможность увидеть настоящую, действующую плантацию ванили была весьма увлекательной. Я подумала о Максин. Счастлива ли она, проживая день за днем в Уиндермире, редко слыша от моих родителей что-либо кроме «спасибо, Максин» или «больше ничего, Максин»?

– Плантацией владеет американец, – продолжил Ланс, – он женился на островитянке.

Стелла сделала страшные глаза:

– Я думала, они все каннибалы.

Эллиот оторвался от дороги и многозначительно посмотрел на меня, прежде чем снова уйти в себя.

Ланс двинулся дальше. По краям дороги под сочными зелеными пальмами стояли деревянные домишки. Периодически мы замечали петуха, или курицу, или голого ребенка перед одним из строений, но взрослых видно не было – а мне не терпелось посмотреть на аборигенов, о которых говорила сестра Гильдебрандт.

Дорога вилась вдоль северной части острова, мимо маленькой бирюзовой бухты с кораблем, стоявшим на якоре. Он словно сошел со страниц «Робинзона Крузо». Вскоре Ланс съехал на обочину.

– Приехали, – объявил он.

Я ступила на пыльную землю и взгляделась в оживление, царившее впереди – никогда и не скажешь, что в нескольких милях от берега идет война. Здесь тянулись ряды столов, заставленных экзотическими фруктами и овощами, украшениями ручной работы, пачками сигарет и бутылками кока-колы. Едва одетые продавцы с оливковой кожей и загадочными глазами со скучающим и сонным видом сидели за столиками, а солдаты сновали вокруг, тратя заработанные нелегким трудом деньги на всякие безделушки.

– Смотрите, – изумилась Стелла и указала на направляющуюся к нам аборигенку. Волосы, заплетенные в косу, покоились между голых грудей. Отрезок зеленой материи, намотанный на бедра, держался угрожающе свободно. Я заметила за ее левым ухом цветок. Она подошла к нам, словно мы были знакомы. Я попыталась отвести взгляд, но груди с темными сосками магическим образом приковали мое внимание. Такой же эффект ее присутствие произвело на Стеллу, Китти и особенно – на Ланса.

– Мистер Ланс, – поздоровалась девушка, опуская на землю свою сумку. Голос с сильным акцентом оказался нежным и мягким. На вид ей было лет восемнадцать, может, даже меньше. Грудь соблазнительно качнулась, она наклонилась к сумке и достала упаковку «Лаки Страйк».

– Ваши сигареты, – сказала она, протягивая ему пачку.

Откуда Ланс знает эту девушку, скорее даже девочку?

– Спасибо, – поблагодарил Ланс. Китти наблюдала, как он засовывает пачку в карман рубашки.

– Только Атея удастся раздобыть мои любимые «Лаки Страйк». Каждый четверг она откладывает для меня пачку.

Атея с гордым видом стояла рядом, ничуть не стыдясь своей нагой грудью. Ее глаза сияли. Она не видела никого, кроме Ланса.

– Ты сегодня придешь? – спросила она, словно не замечая неловкости ситуации.

– Не сегодня, Атея, – ответил Ланс, отпуская ее самоуверенным кивком. – Будь хорошей девочкой, постарайся раздобыть мне еще. Я вернусь через несколько дней.

Он вложил в ее руку монету и взял Китти за руку.

– Пойдем, посмотрим рынок.

– Странное дело, – заметила Стелла, наклонившись ко мне.

Странное, но я не собиралась обсуждать это с ней, особенно когда нас могла услышать Китти.

– Что странного в том, что Ланс покупает сигареты у женщины?

Стелла ухмыльнулась и отправилась дальше, к столу с яркими бусами.

– Все в порядке? – спросила я у Китти, пока Ланса не было рядом.

– Конечно, – заверила она. – А в чем дело?

Хорошо. Происшествие ее не расстроило. Значит, и мне нечего об этом задумываться.

– Ни в чем, просто хочу убедиться, что ты нормально переносишь жару.

Она глубоко вдохнула влажный воздух острова и улыбнулась.

– Все просто чудесно, – радостно сообщила подруга.

* * *

Стелла разложила на песке одеяло, заняв место рядом с Эллиотом.

– Есть хочется, а тебе? – попыталась она завладеть его вниманием, но он только улыбнулся и пробормотал:

– Я хорошо позавтракал.

Потом он прислонился к большому куску древесины, выброшенному на берег, и пресек продолжение беседы, положив на лицо шляпу.

Мы поехали на другую сторону острова, неподалеку от базы. Наша компания расположилась на пикник в тени пальмы, но песок все равно обжигал ноги. Китти достала хлеб, яркую связку маленьких бананов и кусок сыра – наш импровизированный обед, купленный на рынке.

Сначала мы ели молча, наблюдая, как волны бьются о берег. Потом Китти показала на море и озвучила наши общие чувства:

– Сложно поверить, что где-то там война. Этот уголок слишком прекрасен.

Я кивнула и потянулась за очередным бананом. На вкус они были совсем другие, чем дома, – немного кислее, с привкусом лимона.

– Но война все-таки продолжается, – прозаично заметила я.

– И весьма серьезная, – добавил Ланс. – Только вчера японцы подстрелили три наших самолета.

Стелла заволновалась:

– Думаешь, боевые действия могут развернуться и здесь, на острове?

– Думаю, могут, – серьезно подтвердил Ланс, – но полковнику Донехью так не кажется. Дурак. Говорю вам – мы все будем спать на койках, когда прилетят японцы и забросают нас бомбами в самый неожиданный момент.

Китти испуганно посмотрела на него, потом покачала головой:

– Полковник Донехью защитит остров.

Ланс пожал плечами.

– Как скажешь, – ухмыльнулся он и добавил: – Я бы справился с ситуацией лучше даже с завязанными глазами.

Слишком хвастливое заявление для двадцатипятилетнего парня, но на Китти, очевидно, его заносчивость произвела впечатление – она положила голову ему на колени. Судя по улыбке, он был доволен.

Эллиот захрапел. Стелла скучала.

– Пойду, прогуляюсь, – сказала я, поднимаясь. Китти прикрыла глаза, изображая дремоту. Я поправила шляпу и сбросила обувь.

– Скоро вернусь.

Вряд ли кто-нибудь обратил внимание на мое обещание.

Я прогуливалась по пляжу, время от времени останавливаясь, чтобы разглядеть камень или ракушку или полюбоваться пальмами, наклонившимися в сторону моря. С годами ветер и тропические штормы нагнули их стволы, но мне нравилось думать, что они выгибаются, потому что их зовет море. Мне вспомнились слова Уэстри о том, что остров меняет людей. Смогу ли я противостоять его силе?

Я ускорила шаг. После рыночной суеты было приятно оказаться наедине со своими мыслями и тихим шумом волн. Одиноким пляж, казалось, уходит в бесконечность. Я подошла поближе к воде, наслаждаясь прохладным, влажным песком. Каждый шаг оставлял глубокие следы.

Раздался крик морской птицы, сидящей на камне, и вскоре я заметила еще одну цепочку следов – уже менее четких, но относительно свежих. Чьих?

Глупо идти по незнакомым следам, подумала я. Что, если это следы аборигена? Каннибала? Я покачала головой. Я одна. Нужно идти назад. И все же следы манили, они тянулись вдоль пляжа и дальше, за поворот. Еще несколько шагов.

Следы закончились у мягкого бежевого покрывала, закрепленного на песке книгой. Я сразу узнала ткань – такое же одеяло лежало на моей кровати в женской казарме. Но кто здесь?

В густом кустарнике под пальмами у кромки пляжа послышалось шуршание, я резко обернулась.

– Привет, – поздоровался парень, появившись словно из ниоткуда. Большой пальмовый лист скрывал его лицо, но когда он отодвинул лист в сторону, я увидела, что это Уэстри.

– Привет, – откликнулась я немного удивленно, но с облегчением: мне удалось избежать более угрожающей встречи.

– Ты меня преследуешь? – шутливо спросил он.

Я почувствовала себя глупо, потом рассердилась.

– Разумеется, нет! – гордо выпалила я. Нельзя допустить, чтобы он думал, будто я за ним бегаю. – Я гуляла, и, кстати, мне пора идти. Меня ждут друзья.

Уэстри улыбнулся.

– Не уходи, – попросил он, воткнув пальмовую ветвь в песок и усевшись в ее тени. – Смотри, отличное укрытие. Может, присядешь? Хоть на минутку?

Перед его улыбкой было не устоять. Я замешкалась, потом почувствовала, как уголки моего рта сами ползут вверх.

– Хорошо, – согласилась я с невольной улыбкой, – на минутку.

– Отличный денек, – сказал он, откидываясь на локти.

– Вполне, – подтвердила я, натягивая на ноги подол.

– Что привело тебя на мой пляж?

– Твой пляж?

– Да, – невозмутимо отозвался он, – я его нашел.

Я засмеялась:

– Впечатляет.

– Это девственное побережье, – объяснил он. – Конечно, здесь хозяева аборигены, и пляж всегда будет принадлежать им. Но остальному миру он неизвестен. И сейчас это мой личный кусочек рая... Ну, хорошо, наш. Дарю тебе половину.

– Очень щедро с твоей стороны, – подыграла я.

– Знаешь, чем я собираюсь заняться, когда кончится война?

– Чем?

– Куплю этот пляж, – убедительно заявил Уэстри, – хотя бы несколько квадратных метров. Построю дом и заведу семью, прямо здесь. Мы с женой будем каждый день любоваться закатом прямо с крыльца, а каждую ночь – слушать, как волны бьются о берег.

– Невероятно романтично, но, по-моему, ты не совсем искренен. Неужели ты действительно захочешь жить здесь после того, как закончатся военные действия? – Я указала на океан, где в любую минуту могли появиться японские корабли. – После этого всего? После войны?

Уэстри кивнул:

– Конечно. Здесь просто рай.

Был рай, подумала я.

– Разве дома тебя ничего не ждет?

– Нет, – не раздумывая, ответил он. – А тебя ждет.

Это было утверждение, а не вопрос. Он видел кольцо на моем пальце.

– Да, – честно призналась я.

– Любишь его?

– Что за вопрос?

– Простой вопрос, – с усмешкой ответил Уэстри – Итак, каков вердикт?

– Конечно, люблю, – ответила я, отводя глаза. Почему он так на меня смотрит?

– Он хороший человек?

Я кивнула:

– Я бы не согласилась выйти замуж за плохого.

Волны подбирались все ближе к одеялу, заставив Уэстри встать, я последовала его примеру.

– Придется немного передвинуть лагерь, иначе старик океан нас проглотит.

Я улыбнулась:

– Мне действительно пора. Меня ждут друзья.

Уэстри кивнул:

– Я провожу тебя.

На обратном пути берег выглядел иначе – возможно, теперь я смотрела на него глазами Уэстри. Я представила себе его жизнь на острове много лет спустя, с домом, женой и двумя или тремя босоногими детишками, и улыбнулась.

– Как рука? – поинтересовалась я.

Он поднял ее, и я взяла ее в ладони, почувствовав глубоко внутри трепет, на который приказала себе не обращать внимания.

– Думаю, выкарабкаюсь, – усмехнулся он.

– Запачкалась, – проворчала я. – Когда вернемся, нужно будет поменять повязку. Есть опасность инфекции.

– Да, сестра, – последовал игривый ответ.

Вскоре Уэстри указал на густые заросли пальм. Мы подошли поближе и остановились там, где заканчивался пляж и начинались деревья. Под тенистым покровом зеленых растений и огромными листьями пели птицы и кричали животные – именно так я всегда представляла джунгли.

– Видишь?

– Что?

– Присмотрись.

– Нет, – прошептала я, – ничего не вижу.

Уэстри протянул мне руку, и я взяла ее, потому что боялась засады. Мы прошли несколько шагов вглубь, и я наконец увидела: бамбуковая

хижина с соломенной крышей, прямо в чаще. Она была построена небрежно, как дома вдоль дороги, но с каким-то особенным шармом. В стене были прорезаны окна, из которых открывался вид на океан. Маленькая дверь раскачивалась от малейшего сквозняка и тихонько поскрипывала.

– Может, не стоит сюда заглядывать? – прошептала я.

– Почему бы нет? – с озорной улыбкой возразил Уэстри. – Раз мы ее нашли, давай посмотрим, что внутри.

Я не успела ничего возразить, а Уэстри уже ступил на маленькую ступеньку у двери. Дерево скрипнуло под его ботинком, перепугав меня, и я сразу отпрыгнула назад.

Он снял болтающуюся дверь с единственной петли и поставил ее на песок, а потом взгляделся внутрь и подмигнул мне:

– Все чисто.

Уэстри помог мне войти, и мы молча оглядели домик. Внутренние стены были сделаны из плетеных пальмовых веток карамельного оттенка, образующих красивый узор. Они служили отличным фоном для стула из красного дерева и маленького стола с выдвижным ящиком. Уэстри открыл его и достал книгу, французские монеты и счета, а также лист бумаги, пожелтевший и закрученный от влажности. Он протянул его мне.

– Умеешь читать по-французски?

Я покачала головой:

– Нужно было лучше заниматься в школе.

– Мне тоже, – отозвался он, опуская бумагу обратно в ящик.

Одноместная кровать выглядела аккуратно, несмотря на толстый слой пыли – словно обитатель проснулся утром и заправил белье, рассчитывая вернуться, но так и не возвратился.

Я окинула взглядом комнату, а потом посмотрела на Уэстри. Я, помолвленная девушка, оказалась в спальне, наедине с почти незнакомым солдатом.

Но задумчивость улетучилась, как только из-под стола выполз паук величиной с ладонь и поспешил к открытой двери, заставив меня в ужасе вскочить на кровать.

– Ты видел? – завизжала я, ожидая, что в любую минуту появится еще один.

– Они безвредны, – с ухмылкой сообщил Уэстри, – к тому же едят москитов, так что их стоит поблагодарить.

Я осторожно спустилась с кровати.

– Как думаешь, кто здесь жил?

Уэстри смотрел на море.

– Самое правдоподобное? – Он повернулся, внимательно осмотрев бунгало. – Моряк, потерпевший кораблекрушение.

Я кивнула. Похоже на правду.

– А что стало с кораблем?

– Может, утонул.

– А где тогда он взял бумагу и... – я открыла ящик стола и достала книгу с темно-коричневым кожаным переплетом, – и эту книгу?

Уэстри прикоснулся указательным пальцем к подбородку, словно обдумывая судьбу несчастного моряка.

– Может, у него был рюкзак с самым необходимым. – Он указал на лампу, стоящую на столе. – Фонарь, эта книга, банка с печеньем. А может быть, он в море нашел обломок дерева, чтобы добраться до острова.

– Книга бы намокла.

– Может, она и намокла, – предположил Уэстри, – а он высушил ее на солнце. Видишь?

Он пролистнул страницы, они действительно были в разводах.

– Но куда он направлялся? Он явно был французом.

– И к тому же бедным, – добавил Уэстри, указывая на скудный запас монет в шкафу.

– Может, он пират?

Уэстри покачал головой:

– Вряд ли пират стал бы так обустривать свой дом.

Я оглядела истрепанные занавески на стенах, сохранившие насыщенный бордовый цвет – словно ткань погрузили в вино.

– Хорошо, это был бедный французский моряк, который потерпел кораблекрушение и любил читать.

– И пить, – добавил Уэстри, подняв пыльный сосуд из зеленого стекла с запечатанной пробкой. – Красное вино.

– И ценил искусство, – отметила я, убрав кусок мешковины с картины над кроватью. На полотне был изображен изумительный пейзаж – бунгало, очень похожее на то, где мы находились, притаившееся среди роскошного пейзажа: невероятно голубой воды и ярко-желтого куста гибискуса. Вдалеке виднелись две фигуры.

– Боже мой, – ахнул Уэстри, – как красиво.

Я кивнула:

– Ты разбираешься в искусстве?

– Немного, – ответил он. – Дай, посмотрю поближе. – Он забрался на кровать и принялся разглядывать рисунок. – Мне она что-то напоминает.

Мама гордилась, что учила меня разбираться в живописи французских импрессионистов, но я все равно боялась, что мои познания в искусстве удручающе поверхностны. Но я тоже почувствовала, что мы сделали настоящее открытие.

– Думаешь, художник жил здесь?

– Возможно, – ответил Уэстри, не отрывая взгляд от картины. – В каком году издана книга?

Я проглядела первые страницы книги в поисках даты.

– Нашла. 1877 год.

– Это мог быть кто-то из импрессионистов.

– Не может быть, – благоговейно изумилась я.

– Почему же? Все возможно, – с улыбкой ответил Уэстри. – Я почти уверен, что видел в альбомах этот рисунок или что-то очень похожее. А все эти острова были очень популярны среди французских художников. Возможно, здесь побывал кто-то из великих. – Его глаза заблестели от восторга. – Надеюсь, ты понимаешь, что это значит?

– Что?

– Мы должны сохранить это место.

– Но как?

– Мы его восстановим.

– Здесь нужно как следует прибраться.

– И поставить новую дверь.

– И занавески совсем истрепались, – добавила я. – Я сделаю новые.

– Так ты в деле? – Он посмотрел на меня озорным взглядом.

Почему нет? Так я смогу скоротать часы, пока Китти проводит время с Лансом.

– В деле, – ответила я. – Но будет ли у нас время? И как мы будем сюда добираться?

– Пешком, – просто ответил он, – до базы меньше полумили по берегу. Иногда можно ускользнуть, и никто даже не заметит твоего отсутствия. Здесь есть тропинка к дороге, инструменты и древесину я, разумеется, привезу на джипе. Придется все как следует обдумать, но мы справимся.

Уэстри направился к двери, и слабая половица заскрипела и прогнулась под его ногой. Он опустился на колено и вытащил ее, открыв маленькую нишу.

– Вот, – сказал он, – это будет наш почтовый ящик. Я буду оставлять тебе письма, когда буду приходить сюда один, а ты можешь отвечать мне.

Мое сердце зашло от восторга – бунгало, художник, спрятанные под половицами письма, и особенно – этот человек!

Уэстри завернул картину в мешковину и осторожно засунул ее под кровать.

– Еще одно условие.

– Какое?

– Мы никому не расскажем про это место.

Мне очень не хотелось скрывать столь великолепную находку от Китти, но я не могла представить ее в этом бунгало, которое уже стало для меня особенным, даже священным местом – всего лишь за несколько минут. Я прикоснулась к булавке Китти и почувствовала укол совести. Я не права, что хочу утаить это местечко для себя, особенно после того, как мы поклялись не держать друг от друга секретов.

– Что скажешь? – продолжал Уэстри.

Я кивнула.

– Честное слово, – пообещала я, пытаюсь убедить себя, что Китти не нужно об этом знать, во всяком случае пока. – Я никому не скажу.

– Отлично. Тебя проводить?

– Да, – ответила я, – наверное, они решили, что я утонула.

– Или тебя съела акула, – засмеялся Уэстри.

Красота острова не ограничивалась бирюзовыми водами и изумрудными холмами. Это была только поверхностная красота. Истинная прелесть заключалась в историях. А они скрывались за каждым поворотом береговой линии.

Глава 5

– Уэстри такой милый, – сказала Китти, глядя мне в глаза, когда мы вернулись тем вечером в свою комнату.

– Нормальный, – безучастно ответила я, сняв шляпу и положив ее на верхнюю полку шкафа.

– Откуда он?

– Не знаю. Мы с ним много не разговаривали. Он любезно проводил меня.

Я почувствовала ухмылку Китти, даже не поднимая глаз, и поспешила сменить тему:

– Похоже, вы с Лансом неплохо поладили.

– Да, – согласилась Китти, откинувшись на спинку кровати, – он мне нравится. Очень. Только... – Она осеклась и покачала головой. – Мне, конечно, не важно, как он отзывается о полковнике Донехью, но тебе не кажется, что ему следовало бы проявлять побольше уважения к старшему по званию?

Я пожала плечами. Еще неясно, кто представляет для Китти большую опасность: самонадеянный солдат или его властный начальник.

– Ну, – продолжила Китти, – думаю, это мелочи. У Ланса столько положительных качеств.

Ага. Бравада. Интрижки с местными девушками. Самовлюбленность.

– Да, – признала я, – очень много.

– Анна, – немного смущенно начала Китти, – я не успела тебе рассказать. Тем вечером, на танцах, полковник Донехью...

Мы испуганно подняли взгляд, услышав громкий, настойчивый стук в дверь.

– Да, – ответила я, повернув ручку.

Снаружи стояла запыхавшаяся Лиз.

– Мэри, – сказала она, – в лазарете. Скорее.

Мы поспешили за Лиз по ступенькам, вышли из казармы и быстро пошли по тропинке. Лазарет находился недалеко, но мы ворвались туда, тяжело дыша.

Сестра Гильдебрандт склонилась над койкой Мэри вместе с доктором Ливингстоном, врачом среднего возраста, с редющей шевелюрой и в очках. Мэри была неестественно бледна. Глаза закрыты, но, судя по неглубокому покачиванию груди, она все еще дышала.

– Господи, – прошептала я, – что с ней?

Доктор взял шприц и ввел Мэри в руку прозрачную жидкость. Она даже не вздрогнула, когда игла проткнула ей кожу.

– Одна из девушек нашла ее в комнате, – сказала сестра Гильдебрандт, – она лежала без сознания возле кровати. Она пробыла там минимум шестнадцать часов. Малярия. Должно быть, заразилась в первый же день.

– Малярия, – повторила я. Слово звучало экзотично, но болезнь была прямо здесь, перед нами, и пыталась забрать жизнь замечательной девушки, с которой мы только познакомились. Она приехала на острова с намерением начать свою жизнь сначала, а вовсе не умирать.

– У нее лихорадка, – сказал доктор Линвингстон, – боюсь, ослаблено сердце. Единственное, что нам остается – ждать.

Мои руки дрожали.

– Но она же справится, вытянет. Она должна вытянуть.

Доктор Ливингстон отвел взгляд.

Я подумала о Мэри, бедняжке Мэри. Высокая, даже слишком. Неровные зубы. Разбитое сердце. Жених бросил ее, она осталась одна. *Нет, я не позволю ей умереть в одиночестве.*

– Китти, ты не могла бы сбегать в казармы, принести мне очки и что-нибудь почитать? Хоть чертов «Военный вестник», что угодно.

Китти кивнула.

– Будем дежурить. Можно поставить койку с ней рядом? – спросила я у сестры Гильдебрандт.

Та согласно кивнула.

* * *

Китти вернулась с двумя журналами, тремя книгами – двумя от Лиз и одной от Стеллы – экземпляром «Военного вестника» и на всякий случай учебником медсестер.

– Отлично, – сказала я, изучая книгу с потрепанным корешком, – будем читать по очереди. Пока она не придет в себя, или...

Китти взяла меня за руку.

– Анна, ты не сможешь спасти ее, если она...

– Я не позволю ей умереть в одиночестве, – сказала я, смахивая слезу, – никто не заслуживает такой участи.

Китти внимательно посмотрела на меня.

Я положила книгу и взяла журнал «Вог» с фотографией Риты Хейворт на обложке. Перевернула первую страницу и начала читать рекламное объявление: «Почему бы не позаботиться о прекрасной фигуре к весне? Если вы хотите недорого одеваться и с шиком носить стандартные размеры, начните избавляться от набранных за зиму килограммов прямо сейчас. Благодаря ночным «Байл Бинс»^[4] вы сможете худеть во сне, безопасно и постепенно...»

Я читала четыре часа, каждую страницу, до последнего слова, пока не потемнело в глазах. После меня за дело взялась Китти. Когда солнце село, она включила маленькую лампу на столике возле койки и вновь передала мне эстафету. Ее голос охрип.

Мы прочли почти все, когда окна лазарета осветили первые утренние лучи, и ресницы Мэри задрожали.

Она медленно подняла веки, потом опустила снова, и мы с волнением замерли на несколько минут, пока она не пошевелила рукой, потом ногами, потом снова заморгала, открыла глаза и посмотрела на меня.

– Где я? – слабым голосом спросила Мэри.

– В лазарете, – ответила я, заправляя ей за ухо прядь соломенных волос. – Милая, тебя подкосила малярия, – продолжила я, сдерживая слезы, – но теперь все будет в порядке.

Мэри оглянулась вокруг, посмотрела на Китти, потом вновь на меня.

– Мне снился такой странный сон. Я пыталась идти к яркому свету и постоянно слышала голос. Он звал меня обратно.

– Ты повернула обратно?

– Я не хотела. Я хотела идти дальше, но с каждым шагом голос все сильнее манил меня.

– Ну и хорошо, – сказала я и поднесла к ее губам стакан воды, а потом спрятала холодные руки под одеяло. – Дорогая, у нас полно времени, чтобы об этом поговорить, но сейчас тебе нужно отдохнуть.

* * *

Наша забота о Мэри не воодушевила сестру Гильдебрандт на похвалу за профессиональное мастерство, но она освободила нас от работы на день, и мы с радостью воспользовались возможностью отдохнуть.

Я проспала до полудня и проснулась от того, что в столовой звонили на ланч. Желудок урчал от голода, но утомление пересиливало: вылезать из кровати совсем не хотелось.

– Китти? – позвала я. – Ты проснулась?

Я повернула тяжелую голову, ожидая увидеть, что она крепко спит, но вместо этого обнаружила аккуратно натянутое покрывало и две взбитые подушки в изголовье.

Где она? Я села, потянулась и заметила на туалетном столике записку:

«Анна,

Не хотела тебя будить. Я ушла в 10 кататься на лодке с Лансом. Вернусь ближе к вечеру.

С любовью,

Китти».

Кататься на лодке с Лансом. Разумеется, это совершенно нормально, но мне стало как-то не по себе. Нам дали выходной всего несколько часов назад, когда же она успела договориться с Лансом? Я вспомнила про бунгало и поняла, что нашу маленькую спальню уже переполняли секреты.

Прозвучал еще один звонок на ланч – второй и последний. Если быстро одеться и побежать, еще можно успеть. Но я увидела на тумбочке блестящее красное яблоко и придумала кое-что получше.

* * *

Я повесила за плечо рюкзак, положив туда яблоко, хлеб, который Китти принесла из столовой, и наполненную водой флягу, проскользнула мимо входа в лазарет и на секунду заглянула в открытое окно – там работали Стелла, Лиз и несколько других девушек. Судя по их виду, им было скучно. Несколько человек суеилось вокруг перегоревшей лампочки, некоторые склонились над единственным в здании пациентом – молодым человеком с ободранной коленкой. Он выглядел очень довольным.

Я ожидала совсем иной военной жизни, но впереди нас ждали перемены. По слухам, полковник Донехью планировал крупную операцию. Я гадала, как это повлияет на нашу работу и нашу жизнь.

Я пошла по тропинке, ведущей к пляжу. Уэстри говорил, бунгало всего в полумиле от базы. Я надеялась, что так оно и есть.

Я шла быстро, несколько раз оглянулась. Что обо мне подумают, если увидят, как я улизнула с базы, да еще одна? Это было совсем не похоже на Анну Келлоуэй.

Сразу за поворотом посреди чащи показалась соломенная крыша

бунгало. Подойдя ближе, я услышала звук пилы.

Мое сердце заколотилось. *Уэстри* здесь.

– Привет, – поздоровалась я, чинно постучавшись в то место, где когда-то болталась дверь. – Есть кто-нибудь дома?

Уэстри поднял глаза, стер с лица пот и стряхнул с рук пыль от пилы.

– О, привет, – отозвался он. – Ты реальность или мираж? Я провел здесь все утро без воды и теперь не знаю: у меня галлюцинации или в дверях действительно стоит красивая девушка. Пожалуйста, скажи, что второе.

– Не галлюцинации, – с улыбкой сообщила я, доставая из рюкзака флягу. – Вот, попей.

Уэстри сделал долгий глоток, шумно выдохнул и протянул мне флягу.

– Я почти привел дверь в порядок. Она не входила в раму. Должно быть, покособилась из-за влажности. Пришлось отпилить дюйм с этой стороны. Видишь? Я раздобыл на продовольственном складе старые петли. – Он с гордостью, словно дорогое сокровище, продемонстрировал мне старые железные петли. – В нашем бунгало должна быть хорошая, надежная дверь.

Я просияла. Мне понравилось, что он говорил о бунгало, что оно *наше*. Потом достала из сумки коробку чистящего порошка и старые тряпки.

– Приберусь тут как следует.

– Рад, что ты смогла присоединиться к работам, – сказал *Уэстри*, снова взявшись за пилу.

К трем часам пол сиял такой чистотой, что с него можно было есть, а *Уэстри* поставил дверь на место.

– Чуть не забыл! – воскликнул он и достал из сумки медную дверную ручку. – Минутку, сейчас поставлю.

Я наблюдала, как *Уэстри* устанавливает круглую ручку, осторожно вкручивая винты. Потом он достал маленький блестящий предмет.

– Наш ключ. Надо только придумать, куда его спрятать.

Я осмотрела пустые оконные проемы.

– Но любой сможет забраться внутрь через окно.

– Конечно. Но скоро мы вставим стекла. В любом доме должен быть исправный замок. Главный вопрос – куда спрятать ключ.

Мы вышли из хижины и оглядели входную ступеньку.

– Может, там? – предложила я, указывая на песок. – Можем закопать.

Уэстри покачал головой:

– Там будут искать в первую очередь. Это как коврик у двери – каждый

вор знает.

Он запнулся, словно ему в голову пришла потрясающая идея.

– Погоди-ка, – продолжил он, бросился в бунгало и вернулся, достав из сумки книгу, – используем вот что.

– Книгу?

– Да, – ответил он, вытаскивая ленту, прикрепленную к корешку. Обычно она служила в качестве закладки, но у Уэстри были другие планы. Он надежно примотал ленту к ключу и спрятал его между страниц.

– Вот, – объявил Уэстри, – наш тайник.

Волны с шумом бились о берег.

– Наступает прилив. Пойдем, посмотрим?

– Мне, наверное, уже пора, – засомневалась я. Я не оставила Китти записки и беспокоилась, что она будет волноваться.

– Да ладно. Задержишься всего на несколько минут.

– Хорошо, – сдалась я, – только недолго.

– Вон, – указал он на выброшенный волнами кусок дерева, – наша жердочка.

Уэстри взял найденную в бунгало бутылку вина, достал из рюкзака жестяную кружку и сел рядом со мной на песок. Мы положили головы на гладкую, отполированную песком древесину.

– Тост! – провозгласил Уэстри, наливая старинное вино в кружку. – За хозяйку нашего бунгало, пьем столетнее вино!

Он протянул мне кружку, и я сделала осторожный глоток, невольно скривив лицо.

Вдалеке пела птица, а мы сидели рядом, зачарованные волнами.

– Я про тебя ничего не знаю, – внезапно сказала я.

– А я – про тебя, – парировал он.

– Ты первый.

Уэстри кивнул:

– Я родился в Огайо, но мы прожили там недолго. Мама умерла от скарлатины, и мы с отцом уехали на запад, в Сан-Франциско. Он был инженером, работал на железной дороге. Я мотался с ним, менял школы каждый месяц.

– Не самое правильное образование, – заметила я.

Уэстри пожал плечами.

– Получше, чем у многих. Я посмотрел страну. Знаю железные дороги.

– И что теперь? Ты говорил, что, когда все кончится, хочешь вернуться сюда, на остров, но наверняка у тебя есть другие стремления и планы?

Я посмотрела в глаза Уэстри – они сияли и были полны оптимизма.

– Я еще не знаю, – уклончиво ответил он. – Может, продолжу учиться, стану инженером, как папа. А может, поеду во Францию, буду брать уроки живописи, как великие импрессионисты. А может, просто останусь здесь. – Он мотнул головой в сторону бунгало.

– Ну, уж нет, – возразила я, – тут тебе же будет так одиноко!

– Почему же одиноко? У меня будет все необходимое. Крыша над головой. Кровать. Самый красивый пейзаж на свете. Просто рай.

Я вспомнила, что он хотел поселиться на этом пляже вместе со своей семьей.

– Но как же общение? – немного застенчиво спросила я. – Как же... любовь?

Уэстри улыбнулся:

– Тебе легко говорить. У тебя это уже есть.

Я опустила взгляд и воткнула носок ботинка в песок, такой горячий, что тепло чувствовалось сквозь кожу обуви.

– Ну, – продолжил он, – надеюсь, я ее найду. Где-нибудь.

– А если нет?

– Найду, – уверенно улыбнулся он.

Я быстро отвернулась.

– А теперь давай поговорим о тебе.

Я теребила веревку на рюкзаке, пока молчание не стало гнетущим.

– Мне особенно нечего рассказывать.

– Уверен, это не так. У каждого есть история.

– Я родилась в Сиэтле. Жила там всю жизнь. Получила диплом медсестры, и вот я здесь.

– Вот так, – иронично заметил мой собеседник, – вся жизнь уложилась в три предложения.

Я почувствовала, что краснею.

– Прости. У меня не такая интересная жизнь, как у тебя.

– Думаю, ты лукавишь, – заявил он, оценивающе посмотрев на меня. – А почему, – продолжил он, указывая на мою руку с кольцом, – ты не вышла замуж до отъезда?

Как он смеет задавать такие вопросы?

– Потому что...

Я замялась и предпочла промолчать. Перебрала все рациональные причины: я не хотела торопиться, мама хотела устроить большой праздник в отеле «Олимпик», и еще... Но ни одна из причин не показалась мне достаточно весомой. Если бы я захотела, то отправилась бы прямиком в Городской совет, как предлагал Герард, и узаконила наши отношения. Я

могла стать миссис Герард Годфри, не строя препятствий в виде годового путешествия на южные острова. *Но я этого не сделала.*

– Вот видишь, – проговорил Уэстри, – у тебя точно есть история.

– Ты преувеличиваешь.

Уэстри подмигнул:

– Посмотрим.

* * *

Я вернулась вечером, но Китти еще не было дома, и, когда прозвонили на ужин, я отправилась в столовую одна, заскочив по дороге в лазарет, чтобы провести Мэри. К счастью, она уже сидела и пила апельсиновый сок через соломинку.

– Привет, Анна, – пробормотала она. Голос был еще слабый, но более живой. В нем появилась сила, которой не было утром.

– Привет. Я иду ужинать. Может, тебе чего-нибудь принести? Ты, наверное, устала от жидкой диеты.

– Да, – призналась она, – мечтаю о булочке с маслом.

– Будет сделано, – улыбнулась я.

Я вернулась на тропу, ведущую в лазарет, прошла мимо куста гибискуса, где мы с Китти рвали цветы в первый вечер, и продолжала идти вперед, пока не увидела пристань. Дюжина привязанных веревками лодок болталась на воде, ожидая выходных дней, когда солдаты отправятся на них в океан. Мало кто на это решался, хотя остров был относительно безопасен, враг еще ни разу не атаковал его.

Я подошла поближе и заметила, как из лодки вылезают двое. Взъерошенные кудряшки могли принадлежать исключительно Китти, но ей помогал выбраться из лодки вовсе не Ланс. Я ахнула, различив лицо *полковника Донехью*. Китти мило улыбалась ему, пока он укладывал весла в лодку. Потом они рука об руку вернулись к лужайке, где попрощались, и Китти заспешила к женским казармам.

Догнать ее? Я решила этого не делать: в конце концов, она обманула меня насчет свидания, скорее всего испугавшись, что я буду ее осуждать, *и я ее действительно осуждала*. Но подруга не должна думать, будто я за ней шпионю. Придет время, и она сама все расскажет. Я вернулась в столовую и попросила кухарку приготовить поднос для Мэри.

– Как Ланс? – игриво спросила Стелла у Китти за завтраком. Она тоже видела ее с полковником?

– Хорошо, – ответила Китти, ковыряясь в яичнице, напоминающей резину. – Мы встречаемся сегодня вечером.

Стелла завистливо покачала головой. В день нашей встречи это меня насторожило, но я быстро поняла, что у нее просто такой стиль общения.

– Как же тебе везет с мужчинами, – сказала она и обреченно вздохнула. – Я больше не хочу думать об Эллиоте. Его мысли целиком заняты той женщиной. Он все время один, либо фотографирует, либо сидит в казарме, пишет ей стихи. Вчера вечером я познакомилась с летчиком. Его зовут Уилл, неплохой парень.

Лиз подошла и поставила поднос на наш столик.

– Как там Мэри, поправляется?

– Слава богу, да, – ответила я. – Сегодня ей уже гораздо лучше.

Лиз пристально посмотрела на конверт, который держала в руке.

– Сегодня ей пришло письмо, – осторожно сказала она, – и я невольно обратила внимание на имя отправителя. Она, кажется, говорила, что ее бывшего жениха зовут Эдвард?

Я кивнула:

– Дай посмотреть.

Я подняла конверт к свету, но не обнаружила ничего особенного, лишь то, что письмо действительно отправил Эдвард. Эдвард Нотон из Парижа.

– Анна! – возмутилась Китти. – Ты не должна читать ее почту. Это личное.

– Но придется, если это может помешать ее выздоровлению. Этот человек бросил ее практически у алтаря и вверг в такое отчаяние, что она сбежала на далекий остров. Представь, как это письмо может на нее подействовать.

Остальные согласно закивали, и Китти смягчилась.

– Я же не собираюсь его читать, просто уберу, пока она не придет в себя. Ее сердце разбито. Ей нужно набраться сил. Не хочу, чтобы письмо снова подорвало ее здоровье.

– Хорошо, – согласилась Китти, – но, когда дело касается любви, вмешиваться не стоит.

Она предупреждает меня, намекая на себя?

Я недовольно сморщила нос и засунула письмо в карман платья.

– Я и не вмешиваюсь, – прямо ответила я Китти, – это касается здоровья Мэри.

Китти отодвинула тарелку в сторону.

– Девочки, боюсь, я больше не смогу съесть ни кусочка этих пережаренных яиц. Пойду работать. Сестра Гильдебрандт говорила, что сегодня к нам поступит пациент.

* * *

Всю дорогу в лазарет я переживала из-за слов Китти, но сразу забыла об этом, когда узнала, что с соседнего острова к нам направляют раненого пилота. Пилот был нашим первым настоящим пациентом, не считая Уэстри, которого лечила я.

Летчика привезли в четверть одиннадцатого. Ситуация была серьезной, насколько мы вообще могли себе это представлять – осколки попали в голову. Китти, которая привезла солдата на операцию, работала вместе с доктором, твердой рукой удаляя покрытые кровью осколки металла и выбрасывая их на поднос. Лиз с извинениями вышла из комнаты – ее стошнило, но Китти не дрогнула. Она проделала все с таким умением и легкостью, что доктор попросил ее остаться еще на час и ассистировать при уходе за пациентом. Она сразу же согласилась.

Когда закончилась наша смена, я вернулась к казармам, мечтая отдохнуть от стерильности лазарета в уютном бунгало. Я собрала небольшую сумку, положив туда ножницы, иголку, нитки и кусок бледно-желтой ткани, найденный неподалеку от лазарета. Я решила, что материал отлично подойдет для занавесок.

Когда я пришла в бунгало, Уэстри там не было. Вспомнив о нашем тайнике, я достала из книги ключ, отперла дверь и положила сумку на стул.

Я сразу принялась работать над занавесками – измерила ширину окон, подсчитала длину и ширину каждого отрезка, разложила все на полу и, отпугнув маленькую ящерицу, начала разрезать ткань. Подшивая шторы, я слушала пение птиц. У меня не было утюга, чтобы погладить ткань, но я надеялась, что мягкий, влажный воздух со временем выпрямит неровности занавесок.

За шитьем я думала о Уэстри, таком непосредственном и энергичном, совсем не похожем на последовательного, уравновешенного Герарда. Почему Герард не может вести себя свободнее и жизнелюбивее? Пропуская нитку с иголкой сквозь ткань, я поняла, что здесь, в тропиках, мои

переживания по его поводу только усилились. Особенно меня задевало, что он остался в стороне от войны. Почему он не пошел против воли отца и не повел себя более достойно?

Когда я вставляла прут в первый комплект штор, то вспомнила о картине под кроватью. Картина, конечно, привлекала меня, но в первую очередь мне был интересен автор.

Кто мог здесь жить? Мужчина вроде Уэстри, любитель приключений? Я представила, как Уэстри поселится на острове. Может, женится на аборигенке вроде той, которую мы с Лансом и Китти встретили на рынке. Как же ее звали? Кажется, Атея. Но будет ли он счастлив с такой женщиной? Я ухмыльнулась. В каком-то плане определенно – да, но не заскучает ли он с ней? Ведь ее интеллект явно не дотягивал до интеллекта Уэстри. Страсть стихает, но любовь бессмертна. Я надеялась, Китти когда-нибудь это поймет.

Вдруг в бунгало стало темно. Я выглянула в окно – на небе разрослись пухлые серые облака, готовые вот-вот разразиться дождем. Я оглядела пляж, надеясь увидеть Уэстри, и вдруг вспомнила про почтовый ящик, вернее, про скрипучую половицу в углу. Я подошла, приподняла ее, заглянув внутрь, и сразу увидела белый конверт:

«Дорогая миссис Клео Ходж,

Думаю, тебе интересно узнать, кто такая Клео Ходж. Что ж, милая моя, – это ты. Нам нужны кодовые имена на случай, если нас раскроют. Не будем забывать: мы живем в военное время. Итак, ты будешь Клео. Я Грейсон. Как тебе? Я думал о фамилии Квакенбуш, но, боюсь, каждый раз, обращаясь друг к другу, мы будем покатываться со смеху, а дальше дело не пойдет. Так что будем Ходж, если у тебя нет идеи получше.

Искренне твой,

мистер Ходж.

P. S. Загляни в ящик стола. Там сюрприз».

Улыбаясь, я открыла ящик и нашла там апельсин. Его блестящая, неровная кожица великолепно смотрелась на фоне темного дерева ящика. Я поднесла плод к носу и вдохнула цитрусово-цветочный аромат, а потом перевернула листок и написала послание Уэстри:

«Дорогой мистер Грейсон Ходж,

Сегодня я как следует потрудились над шторами, надеюсь, тебе понравится. Как думаешь, нам нужен ковер? Какой-нибудь восточный? Как

насчет книжной полки и места, где можно присесть – помимо кровати? Может, нам повезет, и волны выбросят на берег диван. Спасибо за апельсин: он великолепен.

Искренне твоя,
миссис Ходж.

P. S. Ты большой выдумщик. Как ты вообще додумался до фамилии Квакенбуш? Я едва не лопнула от смеха».

Я засунула записку под половицу и заперла за собой дверь. Поднялся ветер, тучи над головой стали совсем темными. Я поспешила по пляжу домой, откусывая дольки апельсина.

Вдруг, к моему ужасу, в кустах у пляжа, неподалеку от бунгало, послышался шорох. У меня внутри все замерло. Что это? Кто-то меня преследует?

Я сделала несколько шагов в сторону джунглей и замерла. Опять этот звук. Шуршание, тихие голоса. Я подкралась поближе, притаившись за стволом большой пальмы, и вгляделась в чащу. Две фигуры стояли в тени сочной зелени джунглей – мужчина и женщина. Я разглядела рукав армейской рубашки и обнаженную женскую ногу, снова юркнула за пальму, на цыпочках вернулась на пляж и ускорила шаг почти до бега, оглядываясь на каждом повороте.

Вернувшись, я расстроилась: Китти опять не было дома.

Глава 6

– Подумать только, мы здесь уже два месяца! – изумлялась порозовевшая Мэри. Она снова стала прежней. Мэри настояла, чтобы сестра Гильдебрандт позволила ей посещать утренние смены, отменив постельный режим. Несмотря на периодическое дрожание рук, Мэри с каждым днем набиралась сил и с большим желанием вызвалась помогать мне с вакцинацией этим утром.

– Я понимаю, о чем ты. Иногда кажется, что мы приехали только вчера. – Я умолкла, пересчитывая бутылочки с вакцинами, которые мы собирались вводить солдатам после завтрака. – Но сколько всего уже произошло! Похоже, я уже не та девушка, что вышла из самолета.

Мэри кивнула:

– Я тоже. Уже трудно представить себе другую, прошлую жизнь.

Я вздохнула.

– Я почти забыла голос Герарда. Ужас, правда?

– Ерунда. Ты его по-прежнему любишь.

– Конечно, – с особым нажимом подтвердила я, почувствовав укол совести за то, что ему так и не написала.

– А я почти забыла голос Эдварда, – поделилась Мэри. – Но в этом точно нет ничего ужасного.

Она улыбнулась, и я согласно кивнула, вспомнив о письме, которое скрывала от нее. *Она уже готова? Я слушала, как она напевает, раскрывая упаковки вакцин и выкладывая их на подносы. Письмо может все испортить.*

– Где Китти? – спросила Мэри. – Мне казалось, я видела ее здесь с утра.

– Где-то здесь, мы вместе пришли.

– Нет, – проворчала сестра Гильдебрандт, – она сказала, что ей нехорошо, и я отпустила ее обратно в казарму.

Странно. Утром она выглядела нормально. Я старалась об этом не задумываться, но Китти вела себя подозрительно с тех самых пор, как мы приехали на остров: говорила, что идет куда-то – и оказывалась в совершенно другом месте, обещала встретиться за завтраком или обедом – и пропадала. Она редко упоминала полковника Донехью, а я так и не сказала, что видела их в лодке. Похоже, он остался в прошлом, но теперь Китти проводила слишком много времени с Лансом. Вчера их не было до

полуночи. Я глянула на часы сквозь сон, когда она, наконец, пришла и рухнула в кровать.

– Наверное, поймала вирус, – предположила Мэри, – говорят, сейчас ходит ужасная желудочная инфекция.

Я не верила, что у Китти инфекция. Нет, дело в чем-то другом. Работа в лазарете не оставляла времени для долгих бесед, с соседних островов привозили все больше раненых – там шли активные бои. Они поступали не так часто, но почти все случаи были тяжелыми. Ножевые ранения. Пули в животах. Только вчера пришлось срочно ампутировать почти оторванную ногу. Безрадостная работа занимала все наши дни, и, когда заканчивались смены, мы, как мыши, разбегались по укромным местам. Но куда бежала Китти?

Я подумала о других медсестрах. Стелла проводила долгие часы в зале для отдыха: ее новым увлечением стал шаффлборд, вернее Уилл, который любил шаффлборд. Лиз, конечно, покорно последовала за ней. Мэри уставала после смен в лазарете и возвращалась в казарму, где проводила время за книгой или написанием писем друзьям. Я же ускользала в бунгало. Иногда я встречала там Уэстри, иногда – нет, но я всегда надеялась с ним увидеться.

– Почта! – вдруг крикнула одна из сестер.

Я оставила Мэри и поспешила к деревянному ящику с письмами и посылками. Почта приходила редко, поэтому писем обычно было много. Часть корреспонденции высыпалась на пол, когда я подвинула ящик поближе к столу.

Стелла получила сразу пять писем, Лиз три, а Китти всего два – оба от матери. А потом я увидела письмо, адресованное мне, и почувствовала знакомую тяжесть в груди, узнав почерк. Герард.

Я, отвернувшись, осторожно открыла конверт: мне не хотелось читать его при других сестрах:

«Любовь моя,

Листья меняют цвет, и я очень по тебе скучаю. Зачем же ты уехала?

Сиэтл все такой же, как в день твоего отъезда, только без тебя здесь одиноко. Мне кажется, война и одиночество тесно взаимосвязаны. Все только об этом и говорят. Я очень беспокоюсь за тебя. В Тихом океане будут активные действия, и я молюсь, чтобы они не затронули твой остров. Военные умы, с которыми мне удалось поговорить, считают, что он безопасен. Я молюсь, чтобы так и было.

Война забрала лучших. «Кабана Клуб» опустел, ты бы его не узнала.

Все здоровые мужчины записались добровольцами или были призваны в армию, и хочу сообщить тебе – даже после всего, что отец сделал для моей безопасности, я постоянно задумываюсь, что тоже должен отправиться на фронт. Это будет правильный выбор. Корабли со следующими отрядами отправляются 15 октября, я хочу аннулировать свое освобождение и поехать с ними. Две недели мы проведем в тренировочном лагере в Калифорнии, а потом направимся в Европу.

Пожалуйста, не волнуйся обо мне. Я буду часто писать, рассказывать о своих делах и мечтать о дне нашей встречи.

Люблю тебя всем сердцем и думаю о тебе чаще, чем ты можешь предположить.

Искренне твой,
Герард».

Я приложила письмо к груди, у меня замерло дыхание. Я восхищалась патриотическим порывом жениха, но пришла в ужас от опасности, поджидающей его даже в недолгий промежуток времени между отправкой и получением письма. А вдруг он сейчас на поле боя? А вдруг его?..

Я плюхнулась на стул, привалившись на спинку и изо всех сил стараясь не разрыдаться, но почувствовала, как кто-то положил мне на плечо руку.

– Что случилось, дорогая? – мягко спросила Мэри.

– Герард. Похоже, он на фронте.

Мэри гладила меня по спине, а на измятый лист бумаги катились слезы, превращая красивый почерк Герарда в грязные черные пятна.

* * *

– Как думаешь, каково быть женой военного? – спросила меня Китти тем вечером, укладываясь в постель. Она сидела на койке в розовой хлопковой ночной рубашке и расчесывала свои светлые кудри. Ее недоумение явно прошло.

Я опустила книгу, которую держала в руках.

– Ты ведь пока не собираешься выходить за Ланса, правда?

Китти промолчала, продолжая расчесывать волосы.

– Думаю, в таком союзе есть свои преимущества, – заявила она. – Все эти путешествия и приключения...

– Китти, вы ведь только познакомились.

Теперь мы разговаривали только по вечерам – если Китти не гуляла с Лансом.

Китти положила расческу на столик, залезла в кровать, натянула одеяло и повернулась ко мне.

– Анна, – проговорила она детским, наивным, робким голосом, – ты всегда знала, что Герард – тот самый?

Вопрос обескуражил меня, хотя в Сиэтле такого бы не случилось.

– Да, конечно, – ответила я, вспомнив о полученном письме. Моя привязанность к жениху явно возросла. – Знала.

Китти кивнула.

– Похоже, я чувствую то же самое, – ответила она и отвернулась к стене, прежде чем я успела что-то спросить. – Спокойной ночи.

* * *

Уэстри провел тридцать дней на другом острове, и 27 ноября, в день его возвращения, я ждала его возле мужских казарм, делая вид, что собираю гибискус. Была среда, канун Дня благодарения, и все говорили только о двух вещах: индейке и клюквенном соусе.

– Эй, сестра! – крикнул один из солдат с третьего этажа. – Как думаешь, будет птичка?

– Я что, похожа на кухарку? – с иронией спросила я.

Солдат, парень лет девятнадцати, ухмыльнулся и исчез. Мне понадобилось несколько месяцев, чтобы привыкнуть к мужчинам и к войне. Я перестала стесняться, лихо отбрасывала тех, кто пытался меня обидеть, и научилась подобающим образом отвечать на непристойные замечания. Мама была бы вне себя от моего поведения.

Прошло уже минут двадцать, а Уэстри так и не появился, и я вернулась в казармы с наполненной цветами сумкой и тяжелым сердцем.

– Пришло письмо, – сообщила Китти, бросая на кровать конверт, – от твоей мамы.

Я пожала плечами и спрятала конверт в карман платья, а Китти заглянула в сумку, оставленную у двери.

– Какая красотища, – восхитилась она, – давай их поставим.

Она достала из сумки цветки и поставила их на столик в стакан с водой.

– К утру завянут, – посетовала я, – гибискус очень плохо стоит.

– Я знаю. Но *сейчас* они прекрасны, правда?

Я кивнула. Жаль, я не умею ценить красоту момента, как Китти. Это настоящий дар.

Она отошла назад и полюбовалась импровизированной вазой, наполненной яркими цветами, которые утратят свою красоту уже через несколько часов. Потом бросила взгляд на прикроватный столик.

– Чуть не забыла, – спохватилась она, – мне тоже пришло письмо. От папы.

Китти вскрыла конверт и достала письмо. Сначала подруга читала письмо с улыбкой, потом ее лицо стало озадаченным, и наконец – потрясенным. По ее щекам медленно потекли слезы.

– Что такое? – забеспокоилась я. – Что случилось?

Она повалилась на кровать, зарывшись лицом в подушку.

– Китти, – не отставала я, – скажи мне.

Не дождавшись реакции, я подняла разлетевшиеся по полу страницы письма и прочитала, что написал отец Китти:

«Должен тебе сообщить, любовь моя, что в сентябре мистер Гельфман уехал на войну в Европу и, боюсь, погиб. Я знаю, тебе будет нелегко пережить эту новость. Мама просила меня не рассказывать, но, думаю, ты должна знать».

Я положила письмо в ящик столика Китти. Чертова почта. Почему она не дает нам покоя? Все было нормально, пока не стали приходить письма.

– Китти, – прошептала я, прижавшись к ней лицом, – мне очень жаль.

– Просто оставь меня одну, – тихо попросила она.

– Я принесу тебе ужин, – предложила я, услышав звонок в столовой.

– Не хочу, – пролепетала она.

– Все равно принесу.

* * *

Положив себе картофельного пюре, я с позволения кухарки взяла еще одну тарелку для Китти, добавив туда тертую морковь и вареную ветчину, скрученную и высушенную под палящим солнцем. Ну, хоть не консервы. И на том спасибо.

Стелла и Мэри помахали мне со столика медсестер, я подошла к ним.

– Я зашла взять подносы для нас с Китти, мы будем есть в комнате. Китти получила плохое письмо из дома.

Мэри нахмурилась.

– Очень жаль. Но, может, присядешь на минутку? Будет непросто дотащить оба подноса по тропинке, вдруг споткнешься? Поешь с нами?

Я подумала и согласилась, устроившись рядом с Мэри.

– Говорят, в казармах сегодня была драка, – приглушенным голосом сообщила Стелла. – Жизнь на острове изматывает мужчин.

– Как и всех нас, – ответила я, пытаюсь отрезать кусок ветчины тупым ножом.

Стелла кивнула.

– Я вчера видела на рынке Ланса. Он обнимал ту девушку, туземку.

Я была рада, что Китти не с нами. Сегодня она пережила достаточно потрясений.

– Атею, – уточнила я. – У нее есть имя.

Меня раздражало, что Стелла так презрительно относится к коренному населению острова.

– Я помню, как ее зовут. Между ней и Лансом явно что-то есть.

– Брось, Стелла, – засомневалась Мэри, – если он покупает у нее сигареты, это еще не значит, что у них интрижка.

– Я просто рассказала, что видела, – пожала плечами Стелла.

Бедная Китти. Я ей не скажу. Не сейчас. Ей нужно время.

– Ладно, девочки, – сказала я, поднимая поднос с едой для Китти, – я пойду.

– Доброй ночи, – попрощалась Мэри.

Стелла кивнула и принялась за печенье.

Я отправилась домой по тропинке и на мгновение остановилась возле мужских казарм, напрасно надеясь увидеть в окне Уэстри. Он живет на втором или на четвертом? Я оглядела окна второго этажа, и мой взгляд остановился на открытом окне в центре здания. Оттуда слышался шум и какая-то возня. Драка.

– Да, сэр! – послышалось из окна. – Пожалуйста, сэр!

Это был голос Уэстри.

Боже! Он ранен. Его бьют. Я поставила поднос на скамейку и направилась ко входу в казармы. Я должна ему помочь. Но как? Женщинам нельзя входить внутрь. Я в отчаянии стояла на ступенях, прислушиваясь к звукам ударов и хрусту мебели. Это может кончиться бедой.

Вскоре все стихло. Хлопнула дверь, в коридоре и на лестнице послышались тяжелые шаги. У меня перехватило дыхание, когда в дверях показался полковник Донехью, держась за кровоточащую руку. Я спряталась за гибискус и наблюдала, как он направляется в сторону

лазарета.

У меня екнуло сердце.

– Уэстри! – в панике закричала я. – Уэстри, – прокричала я еще громче.

Но стояла мертвая тишина, и я испугалась худшего.

Побежав в столовую, где еще ели мужчины, я отыскала за столиком у входа Эллиота. Мы встретились взглядом, и я знаком попросила его подойти.

– Что случилось, Анна? – спросил он, снимая с шеи салфетку.

– Уэстри, – вполголоса затараторила я, – его избили. Полковник Донехью. Он у себя в комнате. Возможно, без сознания.

Эллиот переменился в лице.

– Я пошел, – ответил он, рванул двойные двери и бросился к казармам.

Мне довольно долго пришлось прождать у казарм, то шагая, то посматривая на второй этаж и пытаясь что-нибудь разглядеть. Наконец, открылась дверь, и вышел Эллиот.

– Здорово его отделали, – сообщил он. – Рваную рану на лице, похоже, придется зашивать.

– Почему он не спустится?

– Не может.

– Не понимаю. За что полковник Донехью его побил?

– Он не станет об этом говорить, – ответил Эллиот, поглядывая в сторону, куда скрылся полковник, – но, вероятно, случилось что-то плохое. Что-то гадкое.

Я провела рукой по лбу.

– Можешь остаться с ним? Убедиться, что все в порядке, попытаться отвести его в лазарет?

Эллиот кивнул.

– Я постараюсь, – пообещал он, направляясь к двери.

– Спасибо. Эллиот, и еще...

– Да?

– Передай ему, что я скучаю.

Эллиот улыбнулся:

– Он обрадуется.

* * *

Когда я вернулась в комнату, обед Китти уже остыл, но это уже не

имело никакого значения. Она отказывалась есть.

– Милая, могу я чем-то помочь? – спросила я, поглаживая ее мягкие кудри.

– Нет, – кротно ответила она. – Мне просто нужно побыть одной.

– Хорошо, я понимаю.

Солнце село, но луна ярко освещала пространство. Я посмотрела на свой рюкзак. *Бунгало*. Мне нужно туда – так подсказывало сердце.

– Китти, – мягко сказала я, пряча в рюкзак книгу, – я ненадолго отлучусь.

Она промолчала, но я на нее не обижалась.

– Скоро вернусь, – пообещала я, закрывая за собой дверь.

Ветер дул сильнее, чем обычно, и волосы мои растрепались, пока яковыляла по песку к бунгало. Я отперла дверь и повалилась на кровать. Новое лоскутное одеяло, которое я нашла на верхней полке нашего шкафа и принесла сюда на прошлой неделе, успокаивало и согревало уставшее тело. Я не стала проверять почтовый ящик. Уэстри вернулся совсем недавно, а теперь избитый сидел в казармах. Меня передернуло при мысли о жестокости полковника Донехью. Почему он так его избил? В любом случае, я уверена – Уэстри такого не заслужил.

Я положила под голову подушку и достала из кармана письмо от матери:

«Дорогая Анна,

Пишу тебе с тяжелым сердцем, ведь именно мне придется сообщать тебе печальные новости. Я долго сомневалась, написать ли тебе или дожидаться твоего возвращения. Но думаю, ты должна знать.

Я ухожу от твоего отца. Обстоятельства слишком серьезные, чтобы писать о них в письме, скажу только, что, несмотря на наше расставание, я буду любить тебя так же сильно, как и всегда. Когда ты вернешься домой, я все объясню.

Надеюсь, твой брак с Герардом будет счастливее, чем мой с твоим отцом.

Очень тебя люблю и надеюсь, тебя не слишком расстроит мое письмо.

С любовью,

мама».

Глаза защипало от слез. Она уходит от папы. Бедный папа. Как она могла? «Надеюсь, твой брак с Герардом будет счастливее, чем мой с твоим отцом». Что за ерунда?

Снаружи послышался шорох, скрипучая дверь бунгало медленно распахнулась. Я с облегчением увидела лицо Уэстри.

– Я подумал, что ты можешь быть здесь, – с улыбкой произнес он.

– Боже, что с тобой! – воскликнула я и, забыв о приличиях, бросилась к нему, машинально протянула руку и погладила по щеке.

– Почему тебя избил полковник Донехью?

– Послушай, – твердо сказал он, – давай-ка все проясним. Ты сегодня не видела никакого полковника.

– Но я...

– Нет. Не видела.

– Но, Уэстри, почему?

Он казался огорченным.

– Пожалуйста, больше никогда об этом не вспоминай.

Я нахмурилась:

– Не понимаю.

– Так надо. Однажды ты поймешь.

На его лицо упал свет, и я разглядела раны.

– Пойдем в лазарет.

Уэстри коварно улыбнулся:

– Зачем, если у меня есть собственная сестра?

Я с улыбкой полезла в рюкзак.

– У меня здесь где-то должна быть аптечка.

Перерыв сумку, я отыскала белый чемоданчик с медицинскими принадлежностями и извлекла оттуда набор для обработки ран. Открыв белый пакет, я достала пропитанный спиртом кусочек марли.

– Будет немножко жечь.

Я взяла его за руку, почувствовав уже знакомый трепет, и отвела к кровати. *Что такого, если мы здесь сядем?*

– Теперь не дергайся, – предупредила я.

Эллиот оказался прав. Рана на лбу Уэстри оказалась очень глубокой, и я сомневалась, что смогу ее зашить.

– Выглядит неважно, – сообщила я, промакивая рану смоченным в спирте бинтом. Уэстри поморщился, но промолчал. – Знаешь, – нервно продолжила я, – в лазарете есть обезболивающая мазь. Пойдем туда. Тебе будет не так больно.

Я попыталась встать, но Уэстри взял меня за руку и посадил на место.

– Я не хочу. Я хочу остаться здесь.

Он посмотрел на меня настойчивым, нежным взглядом. Я кивнула и взяла прибор для зашивания.

– Хорошо, сейчас я попробую зашить, но будет немного больно.

Уэстри устался на стену, пока я сшивала края раны. Трех стежков оказалось достаточно. Я как следует закрепила нить и отрезала концы.

– Готово. Не так уж и страшно, да?

Уэстри покачал головой.

– Ты прирожденная медсестра, Клео Ходж, – игриво заявил он, с беспокойством глядя в мои глаза. Я улыбнулась и быстро отвернулась.

– Ты плакала. Почему?

Я вспомнила о мамином письме.

– Печальные новости из дома.

– Что случилось?

Я замешкалась.

– Мне написала мама. Она, – мне едва удавалось сдерживать слезы, – она уходит от папы.

Он притянул меня к себе, обхватив меня руками за спину, и прижал лицом к своей груди. Я почувствовала защищенность и покой.

– Мне очень жаль.

Его слова повисли в воздухе посреди маленького бунгало – ни один из нас больше не сказал ни слова.

Я подняла лицо и посмотрела на Уэстри. Он был здесь. Со мной. Сейчас. И только это имело значение.

Он провел ладонями по моим плечам, шее и щекам и притянул мое лицо к своему. Я почувствовала, как внутри просыпается что-то новое. Уэстри очень осторожно приложил губы к моим губам – это был совершенный поцелуй. Он прижал меня к себе, подавив слабое сопротивление.

Он бережно держал меня на руках. 27 ноября. Незначительная дата, просто цифры на календаре. Но в этот день изменилась вся моя жизнь. В этот день я полюбила Уэстри.

Глава 7

Безжалостно пекло солнце, что казалось совершенно несправедливо в канун Рождества. Дома мама наряжает огромную елку у входа. Я почти ощущала запах хвои, хотя понимала, что это всего лишь игра воображения – вокруг росли одни пальмы, от океана тянуло солью и водорослями, а мама уехала из дома. Судя по последнему письму, она сняла квартиру в Нью-Йорке.

Я вспомнила, как любил это время отец – он всегда угощал людей, которые ходили от дома к дому, распевая песни, большими кружками горячего сидра, обедался печеньем и выпечкой Максина. *Максин*. Я удивлялась, почему она мне не пишет. Почта приходила редко, но каждый день мы нетерпеливо ждали писем, высматривая на лужайке джип специальной доставки.

Больше всего меня беспокоило отсутствие новостей от Герарда. В каком-то смысле его молчание было мне даже на руку, оно не мешало развиваться крепнувшим чувствам к Уэстри. Но я думала о нем каждый день, представляя его на далеком холодном фронте, в борьбе за Америку. За меня.

Китти со временем смирилась со смертью мистера Гельфмана, хотя до сих пор не могла об этом говорить. Похоже, теперь подруга целиком посвятила себя Лансу. Она часто уходила с ним гулять и задерживалась до позднего вечера. Но как я могла судить?

И вот наступил канун Рождества. У меня было время сходить на пляж до вечерней службы в часовне, и я улизнала, пока сестра Гильдебрандт не успела нас заставить разбирать недавно поступивший провиант.

К моему разочарованию, в бунгало никого не было. За последний месяц Уэстри трижды отправляли на задания, и мы виделись очень редко. Я проверила почтовый ящик под половицей и очень обрадовалась, обнаружив там конверт:

«Дорогая Клео,

С Рождеством, милая! Прости, что мало видимся в последнее время. Похоже, мой военачальник окончательно превратился в рабовладельца. Я надеялся застать тебя утром, когда смог сюда вырваться, но мне не повезло. Так что оставлю рождественский подарок здесь. Может, однажды мы встретим Рождество вместе.

Твой
Грейсон».

Я перечитала последнюю строчку, и на глаза навернулись слезы. «Может, однажды мы встретим Рождество вместе». *Может?* Мысль была пугающей и восхитительной. Мои пальцы быстро развязали красную ленту на маленькой коробочке. Я подняла крышку и обнаружила овальный золотой медальон на тонкой цепочке. Внутри было пусто, но сзади красовалась надпись: *Грейсон и Клео*.

Я улыбнулась, гордо закрепив цепочку на шее, и достала из сумки блокнот и ручку:

«Дорогой Грейсон,

Спасибо за медальон. Я в восторге. Знаешь, за 21 год у меня ни разу не было медальона. Я всегда мечтала о таком и буду носить его с гордостью. Наверное, я никогда его не сниму. Меня переполняют идеи, что положить внутрь. Тебе придется помочь мне с выбором.

Я ужасно скучаю, но в бунгало становится легче. Даже если мы не вместе, здесь ты все равно со мной. В этих стенах всегда ощущается твое присутствие, и оно согревает меня.

С Рождеством!

С любовью,

Клео».

* * *

Почта пришла тем же вечером, перед рождественской службой. Я посмотрела на ящик с опаской и подозрением, особенно после последнего письма матери – неожиданного и неприятного. Уйти от папы без объяснений. Конечно, тут было что-то не так.

– Для тебя только одно, дорогая, – сообщила Мэри, вручив мне нежно-розовый конверт.

Розовый. У меня отлегло от сердца. *Точно не Герард*. Я ненавидела себя за эти мысли. Не то чтобы я *не хотела* получить от него известие. Все было сложнее. Я посмотрела на аккуратный, идеальный почерк и обратный адрес. Максин. Я засунула конверт в карман платья и собралась уходить. Но когда вдалеке послышался звон колоколов из часовни, замешкалась, увидев, что сестра Гильдебрандт по-прежнему сидит за столом, поглощенная

работой. Что она будет делать одна в канун Рождества на этом странном острове? Она никогда не упоминала о семье, и, если девушки говорили правду, у нее было непростое прошлое. Ей, наверное, очень одиноко. Да, она редко улыбалась, и мы слышали от нее одни приказы. Но на дворе Рождество. Никто не должен оставаться один. Ее не позвали на службу?

Я тихо подошла к сестре Гильдебрандт.

– Простите, сестра Гильдебрандт, – осторожно начала я, – я ухожу. Сегодня канун Рождества...

– Я в курсе, – отрезала она.

Я покорно кивнула.

– Я просто хотела спросить...

– Да говорите уже, сестра Келлоуэй. Вы не видите, что я занята?

– Да, – ответила я, – простите. Я просто хотела уточнить, знаете ли вы о сегодняшней службе. Подумала, может, вы захотите прийти.

Она отвлеклась от бумаг и посмотрела на меня – долгим, тяжелым взглядом. В нем читалось изумление и, возможно, замешательство.

– Идите же, сестра Келлоуэй, – быстро сказала она. – Ваша смена окончена.

Я кивнула и направилась к двери, пытаясь скрыть разочарование. *Ну и что?*

* * *

Китти обещала пойти со мной на службу, но, когда я вернулась в комнату, ее нигде не было. Прождав пятнадцать минут и не найдя никакой записки, я направилась к шкафу, чтобы переодеться. Желтое платье Китти отсутствовало – то самое платье, что сидело на ней, пожалуй, слишком вызывающе. *Куда она отправилась в таком наряде?* Я выбрала простенькое голубое и достала письмо Максина:

«Дорогая Антуанетта,

Как ты? Боже, как я скучаю. Без тебя дома все иначе. Здесь стало одиноко, как-то безжизненно.

С тех пор как ты уехала, многое изменилось, даже не знаю, с чего начать. Мы были всегда честны друг с другом – а потому начну с правды. Наберись терпения, тебе будет нелегко принять мои слова.

Дорогая, знай: я очень давно люблю твоего отца. Я боролась с этой любовью всеми силами разума и души. Но любовь побороть невозможно.

Теперь я это точно знаю.

Я никогда не хотела, чтобы эта любовь разрушила твою семью. Долгие годы я успешно скрывала свои чувства, запрятав их так глубоко, что сумела обмануть даже себя. Но когда я узнала, что чувства взаимны, все, что скрывалось так долго, вновь вырвалось наружу. Все изменилось.

Не знаю, захочешь ли ты теперь со мной разговаривать, сможешь ли на меня смотреть, но я молюсь, чтобы ты нашла в своем сердце силы меня простить. Твоему отцу и мне не нужно ничего, кроме твоего благословения.

После войны мы отправимся во Францию, чтобы пожениться. Возможно, это звучит странно и неожиданно. Но дай нам время, милая Антуанетта. Я молюсь, чтобы со временем мы снова стали семьей.

С любовью,
Максин».

Страницы вывалились у меня из рук и упали на кровать, а я все смотрела на них, разглядывая почерк Максин. Почему она так странно выписывает петли в букве «у»? А эта почтовая бумага с тисненными краями – мамина. *Кем она себя возомнила? Хозяйкой дома?*

Максин и папа. Невозможно представить. Они любили друг друга всю жизнь? И мама знала? Неудивительно, что она так жестоко относилась к Максин – папиной возлюбленной, живущей с ней под одной крышей. Бедная мама! Как я не замечала? Почему была так наивна?

Собрав страницы, я смяла их в плотный шар и выбросила в корзину. Я не буду это перечитывать. Не хочу даже видеть. Выйдя в коридор, я сама удивилась, как сильно хлопнула дверью.

Раз Китти нет, пойду на службу одна. Не хочу сидеть в канун Рождества в казарме и представлять, как Максин с папой жарят дома каштаны. Я покачала головой и спустилась в холл. Но, не успев выйти наружу, остановилась и подняла голову. Кто-то сверху поймал радиоволну, сигнал шел из-за океана, с далеких берегов, – передавали нежную, красивую, чистую песню «О, святая ночь»^[5] в исполнении Бинга Кросби. Я слушала налетевшие, словно бриз, звуки музыки – они утешали меня, напоминая о рождественских днях в Сиэтле. С сидром. С огромной елкой у входа. Папа курит у окна. Мама озабочена подготовкой подарков. Максин готовит сладости, к которым у меня теперь, похоже, пропал вкус. И, конечно, Герард. Я не могла забыть Герарда.

– Наводит на сентиментальные мысли, правда?

Я повернулась, услышав голос Стеллы.

– Да.

Если бы ты знала.

Ее лицо казалось мягче в слабом свете холла. Изменил ли ее остров?

– Все какое-то неправильное. Нет снега. Нет даже елки. Я впервые скучаю по дому. Очень скучаю.

– Я тоже, – согласилась я, взяв ее за руку. Мы подождали до конца песни, и радиоволна сбилась – навеки утраченный миг, проглоченный океаном.

– Идешь на службу? – спросила Стелла.

– Да. Я приходила за Китти. Мы собирались пойти вместе.

– Ох, чуть не забыла тебе сказать, – спохватилась она.

– Что?

– Китти просила передать извинения. Ланс приготовил для нее особое рождественское свидание, и она не сможет пойти на службу.

– Свидание? В канун Рождества?

– Тебе лучше знать. Похоже, они проводят вместе кучу времени, не так ли? Каждый раз, когда я встречаю Китти, она говорит, что идет к Лансу. Ланс то, Ланс это. Но, по-моему, он ее не достоин. Он опасен.

– Опасен?

– Да, – ответила она. – Все знают, что он крутит шашни с местными девушками. Похоже, у него темперамент, как у линкора «Миссури».

Я вспомнила, как на него смотрела Атея, вспомнила собственные ощущения по поводу этого человека. Но всегда видела его спокойным. Мог ли он быть *опасен*?

– Возможно, у него грязные намерения, но это дело Китти. Я пыталась поговорить с ней об этом мужчине. Поверь – бесполезно.

– Ты хорошая подруга, Анна, – сказала Стелла, глядя на меня с восхищением.

Я подумала о своих секретах.

– Но не настолько.

– Не хочешь пойти в часовню вместе? – спросила она, посмотрев на стенные часы. Была четверть седьмого. – Мэри и Лиз уже там. Пойдем к ним.

– С удовольствием, – с улыбкой согласилась я.

Когда мы вышли наружу, радиосигнал восстановился, и на каком-то незнакомом языке слабо зазвучала мелодия песни «Тихая ночь»^[6]. Я почувствовала себя потерянной.

Когда мы вошли в маленькую часовню, расположенную рядом со столовой, у меня вырвался вздох изумления. Рядом с фортепьяно красовалась рождественская ель.

– Где они ее раздобыли? Елку? Среди тропиков?

– Это был наш большой секрет, – улыбнулась Мэри. – Социальный комитет спланировал все за несколько месяцев. Один из пилотов доставил ее на прошлой неделе вместе с припасами. Об украшениях никто не подумал, так что пришлось проявить изобретательность. Солдаты заслужили елку на Рождество.

Слева от нас начал распеваться хор, а я все смотрела на елку, украшенную мишурой, сделанной из тонко нарезанной фольги, и красными яблоками. Некоторые девушки, видимо, одолжили свои ленты для волос – на дереве было минимум две дюжины белых сатиновых бантов.

– Какая прелесть, – восхитилась я, смахивая слезу.

Мэри обняла меня.

– Анна, все в порядке?

Хор – группа солдат-волонтеров под руководством лейтенанта, который до войны был учителем музыки, – начал петь «О, придите все верующие»^[7], и по коже побежали мурашки. Я закрыла глаза, и передо мной возникло лицо Герарда, он улыбался доброй, доверчивой улыбкой. Максин и папа тоже появились в моем воображении, они молили о прощении, вдалеке махала рукой Китти. А в центре стоял Уэстри. Он замер на пляже в ожидании.

Мои ноги ослабли, тело обмякло, и Мэри подтолкнула меня к скамье.

– Тебе нужно присесть, – забеспокоилась она, обмахивая меня сборником церковных гимнов, – ты неважно выглядишь. Стелла! – выкрикнула Мэри. – Принеси воды.

Комнату заполнил туман, хор, казалось, пел одну и ту же строчку. *Давайте же преклонимся пред Ним, давайте же преклонимся пред Ним, давайте же преклонимся пред Ним...*

Кто-то дал мне кружку, и я отпила воды.

– Простите, – смущенно пробормотала я, – не пойму, что случилось.

– Ты слишком много работаешь, – ответила Мэри, – вот что случилось. Я поговорю об этом с сестрой Гильдебрандт. Посмотри на себя – бледная, худая. Ты сегодня ужинала?

Я покачала головой.

Мэри порылась в сумке и нашла шоколадку.

– На, съешь.

– Спасибо.

Начали заходить солдаты, снимая в дверях фуражки, потом к нам подсели Стелла и Лиз. Во время службы я обернулась посмотреть, не пришла ли Китти, но вместо нее увидела сестру Гильдебрандт. У нее в руке был носовой платок, но, встретившись со мной глазами, она быстро спрятала его в карман платья.

Вскоре после того, как загорелись свечи и хор запел «Внемли! Ангелы поют»^[8], сзади поднялась какая-то суматоха, и я вновь повернула голову. Хлопнула дверь. Все забеспокоились. Медсестра, сидящая за нами, громко ахнула.

– Что происходит? – прошептала я Стелле, не в состоянии разглядеть происходящее сквозь толпу.

– А вот что, – самодовольно проговорила она, указывая на центральный проход.

К нам направлялась Атея – красавица Атея с голой грудью, по ее лицу катились слезы. Она была изумительна, как и в тот день на рынке, но на этот раз ее лицо исказило горе.

– Где он? – закричала она, оглядываясь вокруг, всматриваясь в лица солдат. – Почему не здесь?

Один из солдат поднялся и взял ее за руку.

– Вы не видите, что прервали Рождественскую мессу, мадам?

Она вырвала руку.

– Не трогай меня! Где он? Он вратъ. Я найти его. Сказать всем.

Солдат снова схватил ее, на этот раз сильнее, и потянул в сторону двери. Атея закричала.

– Стой, – крикнула я, замахав руками. Мне было нехорошо, но я поднялась, держась за скамейку. – Я знаю эту девушку и хочу с ней поговорить.

Никто не возражал, и я направилась к Атее с теплой улыбкой. Ее покрасневшие от плача большие карие глаза внимательно смотрели на меня.

– Давай выйдем отсюда? – предложила я, не обращая внимания на пристальные взгляды окружающих.

Она кивнула и вышла за мной на улицу. Мы молча пошли по дорожке из гравия, ведущей к пляжу. Поднялся сильный ветер, но нам было все равно.

На пляже Атея подвела меня к бревну, и мы сели.

– Я страх, – сказала она.

– Ты хочешь сказать, что боишься?

Она кивнула.

– Чего, милая? Чего ты боишься?

– Его, – просто ответила она.

Ланс. Мои щеки загорелись от гнева. Стелла была права.

– Что он с тобой сделал, Атея?

– Сделал больно, – сказала она, указывая на черные синяки, покрывающие запястье и предплечье.

– Мне очень жаль, – сказала я. – Но зачем ты пришла в часовню?

В ее глазах блеснули слезы.

– Я всем сказать, что он сделал, и тогда он не сделает мне больше больно.

– Атея, ты должна уйти с этой базы. Если он захочет тебе навредить, то найдет способ это сделать. Уходи и держись отсюда подальше.

Она растерялась.

– Куда я пойду?

– У тебя кто-нибудь есть? Мать? Бабушка? Тетя?

Атея покачала головой.

– Нет, – ответила она, – никого, кроме Титы.

– Кто такая Тита?

– Старейшая женщина на Бора-Бора. Она обо всех нас заботится.

Я кивнула. Собственные проблемы вдруг показались мне незначительными.

– Здесь ты оставаться не можешь, – повторила я.

Казалось, она в чем-то сомневается.

– Что делать, когда он придет?

– Что ты имеешь в виду?

– Он придет.

Я погладила ее по руке.

– Видишь белое здание вон там? Окно на углу второго этажа, рядом с пальмой?

– Да, – робко ответила она.

– Это моя комната. Можешь меня позвать, если тебе что-то понадобится или ты испугаешься. У нас всегда открыто окно. Я услышу.

Она посмотрела на меня большими, доверчивыми глазами.

– А если тебя не будет?

– Беги туда, – ответила я, указывая на береговую линию. – Примерно в полумиле отсюда есть бунгало, маленькая хижина в нескольких шагах от пляжа. Дверь заперта, но ключ можно найти в книге под ступеньками. Никто о нем не знает. Там ты будешь в безопасности.

Атея испуганно распахнула глаза.

– Дом художника?

Я растерянно покачала головой.

– Не совсем понимаю, о чем ты.

– Дом художника. Туда никто не ходит. Тита говорит, он проклят.

– *Проклят?*

– Да.

– Ты в это веришь?

– Возможно. Но если придется, я туда пойду, – пожала плечами Атея.

– Отлично.

Атея улыбнулась.

– С тобой ничего не случится, – заверила я. – Все будет хорошо. Я прослежу.

– Правда?

Она заглянула мне в глаза. Такая красивая, невинная и напуганная. Я поклялась защищать ее. Я поговорю с Уэстри о Лансе. Надо убедиться, что больше он никогда ее не обидит.

– Правда, – заверила я.

Он глубоко выдохнула и поднялась, чтобы уйти.

– Атея, и еще. Если увидишь Ланса, не говори ему, что была на базе или говорила со мной. Его это только разозлит.

Она удивленно посмотрела на меня, но кивнула.

– Доброй ночи, – попрощалась я.

– Таото майтай, – отозвалась она и исчезла в ночи.

Глава 8

Тем утром ярко светило солнце – его лучи струились сквозь стекло с такой силой, что пробивались сквозь шторы и плясали на двери туалета. Мы с Китти наблюдали за утренним светом с кроватей.

– Можешь представить такое яркое утро в Сиэтле – в январе? – повернулась я к Китти.

– Нет, – отозвалась она. – Я скучаю по холоду. Устала от этого дурацкого солнца.

– Не знаю, смогу ли я когда-нибудь от него устать, – призналась я, села и потянулась за халатом, повешенным в изголовье. – Китти? Можно тебе довериться?

– Да.

– Я беспокоюсь.

– Беспокоишься из-за чего?

Глаза подруги были усталыми, и не только из-за раннего утра. На лице лежала печать изможденности. Мы не говорили о Лансе с Рождества, когда я передала Китти слова Атеи. Я ее предупредила, но, похоже, новости мало волновали ее. Между ними все было кончено, во всяком случае, так казалось. С каждым днем Китти становилась все более тихой и замкнутой, а я беспокоилась все сильнее. Ланс обидел ее так же, как и Атею?

– Из-за того, как нас изменил этот остров.

Китти посмотрела как-то сквозь меня, на стену за моей спиной.

– Да, *изменил*, – просто ответила она.

– Китти... – начала я, но в дверь вдруг постучали.

– Кто там? – спросила я.

– Мэри.

Я поправила халат и открыла дверь, за которой стояла цветущая, веселая Мэри.

– Доброе утро, милые, – поздоровалась она, заглянув в комнату и пытаясь поймать взгляд Китти – безуспешно.

Мэри полностью восстановилась после малярии и пела за работой песенки, даже когда остальные ворчали. Стелла рассказала, что Мэри встречается с парнем по имени Лу, хотя сама Мэри об этом пока не говорила. Хотелось надеяться, что это правда. Мэри заслужила счастье.

Я почувствовала укол совести. Письмо. *Письмо Мэри, от бывшего жениха*. Я посмотрела на обувную коробку под тумбочкой, вспомнив, что

спрятала письмо там, пообещав себе, что отдам его, когда она окончательно придет в себя. Я сняла крышку, и последнее письмо Герарда упало на пол. Я покраснела и поспешно убрала его прочь. Как может встретиться с прошлым Мэри, если даже я не готова встретиться со своим?

– Я хотела пригласить вас на небольшую вечеринку, – продолжила Мэри. Ее глаза блестели, как у влюбленного человека. – Мы хотим отправиться сегодня на пляж и устроить пикник. Стелла, Лиз, несколько других медсестер, и кое-кто из мужчин. Грузовик будет ждать в половине восьмого, поедem на пляж Леатра. Анна, я думаю, что Уэстри тоже поедет.

Она выразительно посмотрела на меня, но я сделала вид, что его не заметила. Мы с Уэстри не виделись уже три недели, и столь продолжительная разлука начинала меня пугать. Разумеется, его не отпускал командир. Ни на секунду. Но он почти не появлялся в бунгало даже по выходным.

Пляж Леатра. Рукой подать до бунгало. Нашего бунгало. Внутри меня все сжалось. *О чем я волнуюсь?* Конечно, никто его не найдет. Никто ничего не знает, только Уэстри и я. Порой казалось, что маленькая хижина видна только нам. Мы обсуждали это, когда встретились там в последний раз и заметили на обычно безлюдном пляже солдата. Услышав насвистывание, я замерла от страха. Он заметит бунгало? Увидит нас? Я осознала, насколько сильно полюбила наш маленький мир и как хотела его сберечь от чужих глаз.

– Кто-то идет, – в панике прошептала я Уэстри.

Мы наблюдали в окно, как солдат ковыляет по белому песку. Возможно, пьяный. Солдаты много пили, и жара лишь усиливала действие алкоголя.

– Все чисто, – вскоре объявил Уэстри, – он нас не заметил.

Почему не заметил? Бунгало совсем рядом с пляжем, его прикрывает лишь несколько пальмовых листьев. Любой, хоть немного любопытный человек обнаружит хижину если не с первого, то со второго взгляда. Почему ее никто не нашел? Никто не заметил за все эти годы, хотя неподалеку располагается военная база на двести человек? Все это заставило меня усомниться – не было ли бунгало вымыслом. Нашей фантазией, миражом, лично подаренным нам с Уэстри солнцем Французской Полинезии.

– Ну что, – нетерпеливо спросила Мэри, – вы придете?

Я посмотрела на Китти, далекую и безучастную.

– Я – да, – с сомнением начала я, – но только если пойдет и Китти.

Китти казалась напуганной.

– Ну, нет, – покачала она головой, – я не могу.

– Почему?

Китти молчала. Я сложила руки на груди и заставила себя улыбнуться.

– Вот видишь? У тебя даже нет предлога. Мы идем, – сообщила я Мэри.

– Отлично, – ответила она, – встречаемся на парковке в семь тридцать.

* * *

Китти присоединилась ко мне с большой неохотой. Перед уходом я посмотрела на нее внимательным, долгим взглядом. Что в ней изменилось? Да, со щек сошел румянец, а непослушные волосы стали еще растрепаннее, чем обычно. Уходя, она даже не задержалась перед нашим маленьким овальным зеркалом. Но если бы она на себя и посмотрела, сомневаюсь, что заметила бы перемену – не только в волосах, но и в фигуре. На прошлой неделе я слышала, как Стелла прошептала Лиз в столовой, когда Китти взяла вторую порцию пюре: «Она придет домой на пятнадцать фунтов тяжелее». Китти действительно прибавила в весе, но ее растрепанные волосы, бледные щеки и располневшая фигура по-прежнему были притягательны. Китти всегда красива, несмотря ни на что.

– Отлично выглядишь, – сказала я, когда мы вышли из казарм.

– Нет, – ответила она. Мне не понравился ее упаднический тон.

– Прекрати, – оборвала ее я, – начинай бороться со своим настроением. Я скучаю по старой подруге.

Внезапно Китти остановилась, и я поняла почему. К нам приближался полковник Донехью. Он приподнял фуражку, но ничего не сказал. Мне стало нехорошо – я вспомнила случай с Уэстри. С тех пор я невзлюбила полковника, но теперь, когда он так обошелся с Китти, не сказал даже: «Привет, Китти! Как дела?» – особенно после интереса, проявленного к ней, когда мы приехали на остров, – я была просто в ярости. Говорят, его видели с одной из других сестер – тихой, с темными волосами и отменной фигурой. *Как ему не стыдно?*

Когда полковник отошел на безопасное расстояние, я повернулась к Китти:

– Он мне никогда не нравился.

Китти как будто расстроилась, и я испугалась, что сказала что-то не то.

– Я не хотела...

Она сжала мою руку.

– Все в порядке, Анна. Не извиняйся. Просто...

Она замолчала, словно пытаюсь собраться с мыслями или забеспокоившись, что кто-то может нас услышать. Мы приближались к казармам мужчин.

– Ничего.

– Расскажи мне, – попросила я. – Ты расстраиваешься из-за новой подружки полковника? Стелла говорит, она полная дура. Или из-за Ланса? Китти, что-то случилось? Он тебя обидел?

Она покачала головой:

– Анна, прошу, не надо.

– Хорошо. Расскажешь потом?

Китти кивнула, но я побоялась, что это – лишь пустое обещание.

Наконец, впереди показалась компания девушек и парней, они садились в фургон. Там были Стелла с Уиллом, и Лиз, и Мэри со своим новым кавалером – Лу.

Мы с Китти залезли внутрь.

– Привет, – поздоровалась я, садясь рядом с Мэри. Она просияла:

– Я так рада, что вы пришли. Лиз уговорила кухарку нам помочь, только взгляни на добычу!

Мэри указала на сундук со льдом, в котором лежали курица, картофельный салат и кукуруза для жарки. Другой сундук был заполнен бутылками с пивом. Я украдкой оглядела фургон, стараясь не встречаться взглядом с мужчинами. Было много незнакомых лиц, заинтересованных лиц. В том числе Ланс с какой-то блондинкой. Как ее зовут? Ах да, Лела. Меня передернуло при мыслях об Аtee, бедной Аtee. Ланс ее использовал, причинил боль. Возможно, и Китти тоже. Я надеялась, Китти не видит, как он разговаривает с этой девушкой, как флиртует с ней.

Я не хотела на них смотреть, я искала глазами Уэстри. Он здесь?

Мэри словно прочла мои мысли.

– Похоже, он не смог, – прошептала она, – прости.

– Ерунда. – Я пожала плечами, теребя помолвочное кольцо. – Между нами ничего нет. Ничего.

Я держалась за Китти, пока фургон трясся по неровной дороге. Казалось, каждая выбоина подтверждала мои мысли: как я, помолвленная девушка, могла завести отношения с Уэстри? Я его едва знаю. Что остров сделал с моим рассудком? Китти смотрела вперед. Несколько минут спустя, когда фургон остановился, заехав на пляж, встали все, кроме Китти.

– Китти, – поторопила я, – пойдем.

Она послушно кивнула и встала, но как будто с большим трудом. Ланс

помог Леле выйти из фургона, взяв ее на руки и опустив на песок. Она захихикала и взмахнула ресницами. Китти быстро отвела взгляд. *Зачем я привела ее сюда?* Мне и самой тут не слишком нравилось.

Мэри повела всех на пляж, командуя, где разложить покрывала. Нужно было развести огонь, сложить припасы и радиоприемник. Когда младший капрал по имени Шон достал серое радио и вытащил антенну, слышались восторженные восклицания. Даже Китти улыбнулась. Никто не устоял перед силой музыки.

– Секунду, – сказала Мэри, когда все уселись на покрывалах, – я попытаюсь поймать волну.

Она принялась крутить ручку настройки и на мгновение остановилась, когда услышала слабый звук мужского голоса с австралийским акцентом. Он сообщал военные новости и говорил так быстро, что мне стало не по себе:

«Японские бомбардировщики иштурмовали сегодня северный берег, оставляя смерть и разрушения. Потери исчисляются тысячами, погибло много женщин и детей».

Мэри быстро повернула переключатель. Через несколько секунд помехи исчезли, и зазвучал чистейший сигнал из-за океана. Мягкая, нежная, чарующая мелодия.

– Как странно, – удивилась Мэри, – мы поймали французскую радиостанцию.

Слова были непонятны, мелодия незнакома, но музыка зачаровала меня, как и все остальных. Стелла прижалась к Уиллу. Лу взял Мэри за руку и пригласил на танец. Несколько других девушек образовали пары с незнакомыми мне солдатами, даже Лиз. И Китти не возражала, когда к ней подсел какой-то парень. Она даже улыбнулась, с аппетитом вгрызаясь в початок кукурузы. Мелодия вызвала в моем сердце тоску, которую я пыталась прогнать, – тоску по Уэстри. Я посмотрела на океан, на полосу прибоя, что вела к бунгалу. Темнело. Нет. Его все равно там нет. Но музыка играла, бунгало притягивало все сильнее, и я, наконец, не смогла сопротивляться. Я встала и тихо направилась туда. Я могу ускользнуть на полчаса. Никто не узнает. Никто меня не хватится.

Я шла быстро, периодически оглядываясь назад – чтобы убедиться, что никто меня не преследует. Я скользнула в чащу и направилась ко входу в бунгало. Вот оно. Наше бунгало. Его вид меня успокоил. Я села на колени и принялась ощупывать ступени в поисках книги и ключа, как вдруг скрипнула дверь. Я подняла взгляд. В вечернем полумраке передо мной стоял Уэстри.

Слабая тень подчеркивала его подбородок, влажные волосы и расстегнутую рубашку – видимо, он ходил плавать. Он улыбнулся:

– Я надеялся, что ты придешь. Смотри, какая луна!

Я кивнула, подняв взгляд в небо, где низко, над самым берегом, на горизонте появилась полная оранжевая луна.

– Никогда такого не видела.

– Заходи, – сказал он, взяв меня за руку, – у меня есть кое-что для тебя.

Он закрыл за нами дверь, и я села на кровать. Я чувствовала, как вибрирует воздух, он будто искрился от электричества. И я знала, что Уэстри испытывает то же.

– Смотри, – сказал он, взяв в руки радио, – я поймал сигнал.

Он повернул переключатель, и снова послышалась та прекрасная, чарующая, далекая мелодия.

– Послушай. Это французский.

Я закрыла глаза и растворилась в музыке.

– Знаешь эту песню? – спросил он.

Я внимательно прислушалась и покачала головой.

– Это «Жизнь в розовом цвете^[9]».

Я приподняла бровь:

– Откуда ты знаешь?

– Слышал ее незадолго до отъезда на войну. Мой друг работает в студии звукозаписи. Эту песню еще никто не знает – во всяком случае, дома. Они тестируют ее на радио, прежде чем записывать пластинку. Но она станет большим хитом. Точно говорю. Да ты послушай!

Он сел рядом со мной. Наши руки соприкоснулись, я почувствовала тепло его тела.

– О чем она? – спросила я. Уэстри пристально смотрел на меня. А я смотрела вперед, на радиоприемник.

Он вздохнул.

– Там поется: «Прижми меня к себе и крепко обними / Ты даришь волшебство; Это жизнь в розовом цвете; / Когда ты целуешь меня, вздыхают небеса; / Я закрываю глаза и вижу жизнь в розовом цвете; / Когда ты обнимаешь меня, я попадаю в новый мир; / В мир, где цветут розы; / А когда ты говоришь, ангелы поют на небесах».

– Как красиво, – восхитилась я, все еще не в силах взглянуть на него. У меня задрожали руки, и я засунула их под колени.

Уэстри встал.

– Потанцуешь со мной?

Я кивнула, взяв его за руку.

Он прижал меня к себе, и мы закачались в такт музыке, его руки лежали на моей талии. Я прижалась щекой к его груди.

– Уэстри, – прошептала я.

– Ты хотела сказать, Грейсон?

Я улыбнулась:

– Мой дорогой Грейсон.

– Да, Клео?

– Так и есть. Я Клео, ты Грейсон. Но это лишь фантазия? Или реальность? Почему, когда мы здесь, все кажется таким правильным, таким идеальным? Но когда...

– Когда мы там, – прервал он меня, указав на окно, – все меняется?

– Да.

– Так уж вышло, – просто ответил он. – Здесь наш рай. А там все сложнее.

– Так и есть. Сегодня я сомневалась, стоит ли сюда приходить, потому что испугалась, что ты отдаляешься. Та история с полковником Донехью – почему ты ничего не рассказываешь о ней?

Он приложил палец к моим губам.

– Ты согласишься, если я скажу, что защищал тебя?

Я удивленно на него посмотрела:

– Защищал меня? От чего?

– Там, за окном, сумасшедший мир, Анна. Война. Ложь. Предательство. Печаль. Вот что нас окружает. – Он заключил мое лицо в ладони. – Следующий раз, когда забеспокоишься, что я отдаляюсь, приходи сюда. Приходи в бунгало, и ты почувствуешь мою любовь.

Любовь. *Уэстри любит меня.* Остальное не важно. Я прижалась к нему еще крепче, и у меня внутри пробудилось нечто, похожее на голод, незнакомая тоска, которой мне не приходилось испытывать с Герардом. Страсть. Об этом говорила Китти?

Уэстри сделал шаг назад.

– Только посмотри, – восхитился он, – ты просто видение. Я тебя сфотографирую.

Он достал из рюкзака фотоаппарат и попросил меня прислониться к стене.

– Готово, – объявил он, щелкнув вспышкой. – Великолепно.

– Теперь ты, – попросила я, взяв фотоаппарат у него из рук. – Хочу твое фото. Хочу запомнить этот вечер, это мгновение.

Он не стал спорить и тоже прислонился к стене. Я посмотрела ему в глаза сквозь линзу, надеясь запомнить этот миг навсегда, и нажала на

кнопку.

Я положила камеру на стол. Уэстри взял меня на руки и опустил на кровать, в его объятьях я почувствовала себя легкой, как перышко. Я провела ладонями по его рукам, сильным и крепким. Его губы прикоснулись к моим, и сердце забилося сильнее, я вдохнула знакомый аромат его кожи: он словно опьянил меня. Я расстегнула рубашку и коснулась его груди. От моих прикосновений его мускулы вздрогнули, и он улыбнулся. Когда он дотронулся до молнии на платье, я затрепетала. Он раздевал меня с нежностью и любовью, лаская и страстно целуя мое тело, и я подумала: мечтал ли он об этом мгновении тысячу раз, как мечтала я?

Наши тела словно были созданы друг для друга. *Предназначены друг для друга.* Я закрыла глаза, пытаюсь запомнить каждую секунду, каждый вдох, каждое прикосновение, а когда все кончилось, мы нежно обнялись, крепко прижавшись друг к другу. Наши сердца бились в унисон, как волны на берегу возле бунгало.

– Уэстри, – прошептала я.

– Да, любимая?

– Что будет, когда все это кончится?

– После войны?

– Да. Когда мы вернемся домой.

– Хотел бы я знать, – вздохнул он, целуя меня в лоб.

Я почувствовала прохладу помолвочного кольца и инстинктивно отодвинулась от Уэстри.

– Вспомнила о нем, да?

Я вздохнула:

– Все так сложно.

– Но не в том случае, когда любовь очевидна.

Для Уэстри все было просто. Мы друг друга любили. И точка. Но я уже дала слово Герарду, который, возможно, прямо сейчас сражается на фронте за свою жизнь. Герард, который ждет, когда я стану его женой. *Как я могла с ним так поступить?*

Я подняла взгляд на Уэстри. Заглянув ему в глаза, я окончательно убедилась, что люблю этого человека всей душой. Я нежно поцеловала его и положила голову ему на плечо. Мы долго слушали по радио французские песни, позабыв обо всем – о людях, о местах, даже о времени, и, наконец, мои веки отяжелели.

Не знаю, сколько прошло минут или часов, но я вскочила с кровати, услышав, что снаружи захрустели ветки. Я поспешно оделась и выглянула в окно, застегивая молнию на платье. На пляже виднелась какая-то тень.

– Как думаешь, кто это? – прошептала я Уэстри, который быстро встал, надел брюки и рубашку. Не застегивая пуговиц, он открыл дверь. Я пошла за ним, осознав, что совсем потеряла счет времени. Китти и остальные, должно быть, в панике.

– Кто там? – окликнул Уэстри отдаленную фигуру.

– Это я, – слышался знакомый голос, – Китти.

Мы вышли из чащи, и луна осветила ее лицо. Она явно была напугана.

– Анна? Это ты?

– Да, – ответила я, вдруг забеспокоившись из-за растрепанных волос. Я полностью застегнула платье? Что она подумает, увидев полуодетого Уэстри?

– Ой, – воскликнула она, заметив рядом со мной Уэстри, – я не хотела мешать. Мы просто собрались уезжать и нигде не могли тебя найти.

– Прости, Китти, – смущенно извинилась я, – я потеряла счет времени.

Китти не могла увидеть бунгало, и это меня успокаивало.

– Мне пора, – сказала я, повернувшись к Уэстри. Боже, как он был хорош. Мне так не хотелось уходить! Хотелось остаться с ним навеки. – Спокойной ночи, Уэстри.

– Спокойной ночи, Анна, – ответил он, загадочно улыбаясь.

Мы с Китти молча пошли по пляжу, но она все-таки заговорила:

– Любишь его, да?

– Китти!

Она взяла меня за руку.

– Все в порядке, – сказала она, – мне не важно, кого ты любишь. Я просто хочу, чтобы ты была счастлива. Ты счастлива?

Я посмотрела на луну, сияющую над нами, и обернулась на пляж, ведущий к бунгало.

– Да, – ответила я, – я никогда не была так счастлива, как сейчас.

На обратном пути никому из нас не было дела до неровной дороги. Ни Стелле, уютно положившей голову на колени Уиллу, ни Мэри, увлеченной беседой с Лу, ни задумчивой Китти, ни тем более мне – ведь мое сердце переполняла истинная, безупречная любовь. Но вместе с ней пришла и огромная тяжесть – мне предстояло принять решение. Причем скоро.

Глава 9

– Вы слышали? – спросила за завтраком Лиз. – Мужчины уезжают. Почти все. На острове, к югу отсюда, какое-то крупное сражение. Дело серьезное.

Я встретила взглядом с Мэри. В ее глазах читалась тревога за Лу. Интересно, догадалась ли она, как я переживаю за Уэстри.

– Полковник Донехью выводит их вечером, – спокойно сказала Китти, словно зачитав выдержку из «Военного вестника».

– Вы знаете, кто поедет? – спросила я, стараясь не показывать паники.

– Да, – ответила Стелла, вынимая носовой платок. – Иди, посмотри список. – Она указала на доску объявлений возле столовой. – Я уже нашла там имя Уилла.

– Стелла, мне очень жаль, – посочувствовала Лиз.

Я повернулась к Мэри:

– Пойдем, посмотрим?

Она кивнула, и мы понуро отправились на улицу, к доске. Да. Его имя, посередине списка, черными чернилами. Уэстри Грин. Как и имя Лу. Мэри вздохнула, и мы крепко друг друга обняли.

– Нужно их найти, – забеспокоилась Мэри, – попрощаться, пока не...

– Паниковать нельзя, – сказала я, – мы должны верить в лучшее. Ради них.

– Анна, – пролепетала Мэри, – я не вынесу потери.

– Не говори так, милая. Это не к добру.

Я уже отработала утреннюю смену в лазарете и со спокойной совестью ускользнула после завтрака к мужской казарме, где нашла взглядом окно Уэстри. Комната, во всяком случае та ее часть, что была видна со скамейки, казалась пустой – аккуратно застеленная кровать и пустой крючок возле двери. Он уже уехал? Лиз говорила, что рота уже выдвинулась. Уэстри тоже?

Я попрощалась с Мэри и быстро пошла на пляж, а после поворота перешла на бег. Может, он ждет меня в бунгало. Если я поспешу, мы еще успеем увидеться до отъезда. Мои ботинки наполнились песком, он казался необыкновенно тяжелым. Он пытается задержать меня, не пускает к Уэстри? Я споткнулась о кусок древесины и потеряла ушибленную коленку, а потом снова встала и возобновила бег. Быстрее. Беги быстрее. На счету каждая секунда.

Я продралась сквозь кусты, подбежала ко входу в бунгало. Утреннее солнце заливало лучами пальмовые стены. Я взялась за дверную ручку, молясь, чтобы было открыто, чтобы внутри был Уэстри. Но раздался лишь громкий щелчок. Закрыто. Уэстри тут нет. Я опоздала.

Я вытащила ключ и все равно зашла, в растерянности опустившись на стул. В маленькой комнатке мне сразу стало уютно. Я чувствовала присутствие Уэстри, ведь он обещал, что так и будет. Пытаясь вспомнить его слова, я поняла, что они отпечатались в моем сердце: «Следующий раз, когда забеспокоишься, что я отдаляюсь, приходи сюда. Приходи в бунгало, и ты почувствуешь мою любовь». Да, я чувствовала его любовь. Она окутывала меня.

Я приподняла половицу, и на сердце стало теплее – меня ждало письмо:

«Дорогая Клео,

Мне нужно ехать, любовь моя. Я отправляюсь на Гуадалканал, где, по словам командира, нас ждут «серьезные сражения». Никто не знает, что там будет. Но, в конце концов, мы и так слишком долго беспечно просидели на этом острове и уже почти поверили, что приехали сюда на каникулы. Настало время исполнить свой долг. Настало время сражаться.

Сегодня утром я подошел к лазарету, чтобы попрощаться, но ты была занята, и мне не захотелось тебя отвлекать. Я стоял и наблюдал, как ты работаешь. Как же ты красива! Как ты двигаешься. Разговариваешь. Я никогда никого не любил так, как тебя.

Не знаю, как долго меня не будет. Может, несколько дней. Может – месяцев. Но я молюсь, чтобы ты сохранила в сердце память о последней ночи, как и я. Молюсь, чтобы вспоминала и ждала меня. Потому что я вернусь, и мы снова будем вместе. А после войны мы не расстанемся никогда.

Помни меня, *la vie en rose*, мое сокровище.

Навеки твой,

Грейсон».

Я промокнула глаза и выбежала на берег – над головой пролетела эскадрилья самолетов. Я послала в небо воздушный поцелуй.

Он вернется. Иначе и быть не может.

Долго не было вообще никаких вестей. Те солдаты, которые остались на острове, казались очень занятыми и нервными – наверное, чувствовали вину, что они не на фронте, или стыд, что их не выбрали для такого важного задания.

В океане шли бои с японцами. Как объяснила Лиз, решающие битвы за Новую Зеландию. Лиз знала о войне больше других. Она сказала, что японцы хотели колонизировать Новую Зеландию, грабить и убивать. И хотя союзникам удалось взять Гуадалканал, в том районе остались разрозненные войска противника. Нужно победить. Никто не говорил, что будет, если случится иначе, но эти мысли очень нас тяготили.

С каждым днем из самолетов выгружали все больше раненых. Некоторых приносили на носилках, оглушенных и истекающих кровью, онемевших, словно увиденное лишило их голоса и рассудка. У других были такие тяжелые раны – оторванные ноги и руки, осколки в глазах, – что они молили о морфии, и мы старались вводить его как можно скорее в их изувеченные тела.

Из-за постоянного потока солдат мы проводили в лазарете все время, гадая, все ли на полях сражений идет по плану. Сестра Гильдебрандт командовала нами с холодной четкостью, почти механически. «Лиз! – кричала она. – Отправляйся на склад и принеси еще бинтов. Ты не видишь, они почти закончились? Стелла! Иди сюда, помоги мне подготовить пациента к операции. Китти! Солдату на девятой койке нужен морфий. Быстрее».

Она отдавала строгие приказы, словно сержант, и была права. Никому из нас еще не приходилось работать в таком темпе. Не стихало и эмоциональное напряжение. Как только в лазарет доставляли очередного солдата, к нему сбегались медсестры, чтобы проверить, не их ли это знакомый.

Однажды утром, в начале апреля, на входе поднялась суматоха, и какой-то мужчина закричал:

– Нужна медсестра, срочно!

Я увидела, что в дверях стоит пилот и держит на руках раненого солдата.

– Не было времени дожидаться носилок, я принес его сам. Он истекает кровью. Не знаю, можно ли ему помочь, но действовать надо быстро. Он отличный парень.

Я подвезла ко входу каталку и помогла пилоту уложить раненого. Я сразу его узнала, хотя лицо и шея были залиты кровью. Боже, это же Уилл. Возлюбленный Стеллы.

– Я его забираю, – сказала я. – Спасибо, лейтенант.

– Скоро придут другие, – мрачно сообщил он, – передавали по радио. Там дело плохо. Много погибших.

Оцепенев от ужаса, я повезла Уилла в операционную, где мыл руки доктор Уилер.

– Доктор! – крикнула я. – Нужна ваша помощь!

Я подозвала Мэри.

– Там Уилл, – прошептала я, указывая на операционную, – он тяжело ранен. Где Стелла?

Подруга указала на дальний угол лазарета, где Стелла помогала сестре Гильдебрандт накладывать на ногу солдата шину. Парень застонал, когда они вывернули его колено, чтобы вправить вывих.

– Надо ей сказать.

– Нет. Она нужна нам. Сейчас каждая сестра на вес золота. Лейтенант сказал, привезут еще раненых. Может, это будет Лу. Может, Уэстри. Мы должны продолжать работу. Нет времени горевать.

Она задумчиво кивнула:

– Я постараюсь ее не подпускать.

– Спасибо. Я за ним посижу. Если будут изменения, позову Стеллу.

Через час доставили еще двадцать три человека, а потом еще девять, и еще одиннадцать. Трое умерли. Состояние других нам удалось стабилизировать и отправить их на самолетах домой, поскольку здесь, на острове, мы не могли обеспечить раненым должный уход.

– Сплошное кровавое месиво, – пробормотала Лиз, промакивая глаза платком. Напряжение давало о себе знать.

– Ты в порядке? – спросила я, погладив ее по спине. – Хочешь, я поговорю с сестрой Гильдебрандт, чтобы тебя отпустили отдохнуть?

– Нет, – сказала она, расправляя белую форму. – Нет, я справлюсь. Я должна.

Я посмотрела на Китти. Она лихорадочно обрабатывала раны вновь прибывшего солдата вместе с другой сестрой. Судя по подготовленным бинтам, его ранили в голову. И серьезно. Пальцы Китти быстро протирали лоб пациента спиртом. Он вздрогнул. Она наложила ему на голову бинт и немного покачнулась. Что-то было не так. Потом у Китти подогнулись ноги, как в первый день на аэродроме. Она упала на пол, но на этот раз падение уже не смягчила сумка.

Я подбежала к ней и принялась обмахивать лицо.

– Китти, Китти! очнись. Что с тобой?

Лиз подала пузырек с нюхательной солью. Я поднесла его к носу

Китти, и вскоре она открыла глаза.

– Простите меня. Какой стыд! Здесь столько солдат, которым действительно нужна помощь, а я даже не могу встать.

– Ты должна отдохнуть, – сказала я. – Я помогу тебе дойти до комнаты. Сестра Гильдебрандт поймет.

– Хорошо, но я дойду сама. Ты нужна здесь. Я дойду.

– Договорились, но будь осторожна.

Китти вышла на улицу, и я вернулась к рядам раненых, которые ждали помощи: перевязки, операции или просто смерти.

– Мы должны ей сказать, – слышался за моим плечом голос Мэри. – Доктор говорит, он может не вытянуть.

Я кивнула:

– Пойдешь со мной?

Мы подошли к Стелле, которая что-то искала в шкафу.

– Что за бардак, – проворчала она, вставая. – Вы не знаете, где йод?

– Стелла, – начала Мэри, – сядь, пожалуйста.

– Сесть? – Она недоуменно покачала головой. – Зачем?

– Уилл, – сказала я, усаживая ее на стул, – он ранен. Серьезно ранен.

Стелла ахнула и прикрыла рот рукой:

– Нет. Не верю. Где он?

Мэри указала на операционную:

– С ним доктор Уилер, но не знаю, выживет ли Уилл.

Стелла бросилась к операционной, мы последовали за ней.

– Уилл! – закричала она. – Уилл, это я! – Она упала перед каталкой, положив руку ему на грудь. – Я, Стелла.

Уилл не двигался и едва дышал.

– Доктор, вы ведь его спасете? Вы должны его спасти.

И вдруг Уилл открыл глаза, поморгал и вновь опустил веки.

– Уилл! – крикнула Стелла. – Уилл, вернись ко мне!

Он снова открыл глаза, а потом ответил слабым голосом:

– Я здесь, Стелла. Я здесь.

Доктор Уилер снял очки.

– Ну и ну, – пробормотал он, – пришел в сознание. Этот парнишка выкарабкается.

Не обращая внимания на текущие по щекам слезы, Стелла схватила Уилла за руку:

– Ты справишься. Ах, Уилл!

Она прислонилась лицом к его шее.

Мы с Мэри вытерли слезы. Уиллу повезло. Но что с Лу и Уэстри? Что

с другими ребятами? Им тоже повезет? Нам повезет?

* * *

Смена заканчивалась в одиннадцать вечера. И даже тогда многие – в том числе и я – не хотели уходить. Что, если у дверей лазарета окажется Уэстри? Что, если я его пропущу? Но сестра Гильдебрандт запретила нам оставаться в лазарете.

– Вы слишком устали и становитесь невнимательны.

Она была права. Лиз забыла дать пациенту лекарство, а я сообщила доктору Уилеру неверную информацию о ранениях сержанта. Ранение в голову на девятнадцатой койке, а не в ногу на седьмой – вот что требовало внимания. Девятнадцать. Семь. Двадцать три. Четыре. Кровати, номера, солдаты – все смешалось, а когда я закрывала глаза, то видела только кровь.

Открыв дверь казармы, я поняла, что ни разу не вспомнила о Китти. *Как она?* Я бросилась наверх, в комнату. Китти спала.

– Китти, – прошептала я, – как ты, дорогая?

Она повернулась и посмотрела на меня:

– Все хорошо. Как солдаты? Как там дела?

– Сумасшествие. Привезли Уилла, он тяжело ранен. Но, похоже, все будет хорошо.

– Слава богу. А Уэстри? Есть новости?

– Пока ничего, – ответила я, пытаюсь сдержать слезы.

– Пришла почта. Я положила письмо тебе на кровать.

– Спасибо. Доброй ночи, Китти.

Я взяла конверт и подошла к окну, чтобы прочитать имя отправителя, не тревожа Китти. *Герард*.

«Любовь моя,

От тебя никаких вестей, и вчера – не хочу об этом даже упоминать – меня охватил страх. Я почувствовал: что-то не так. Конечно, я не хочу в это верить, но сердце вдруг отчего-то сжалось. Что-то случилось? Пожалуйста, напиши, как у тебя дела.

Я во Франции, в 101-й воздушной дивизии, так далеко от дома, так далеко от тебя... Условия здесь нелегкие, как, впрочем, и везде. Вокруг гибнут люди. Но я ношу в кармане открытку, которую ты мне подарила, ту самую, с красным сердечком. Я верю, она приносит удачу. Я вернусь к тебе, Анна. Обещаю.

Искренне твой,
Герард».

Я со слезами положила письмо обратно в конверт и достала свой канцелярский набор, светло-голубой, с вышитыми инициалами – АЭК. Анна Элизабет Келлоуэй. Я собиралась часто писать домой – маме, папе, Максин и особенно Герарду, но маленький набор почти не пригодился. Мне стало стыдно. Я села и принялась сочинять письмо, хотя толком не знала, что написать:

«Дорогой Герард,
Хочу сообщить тебе, что со мной все хорошо. Здесь были перебои с почтой, и я только теперь получила твои письма».
Я остановилась, придумывая ложь. Ложь во спасение.
«Я очень занята, иначе писала бы чаще. Когда мы не работаем, мы спим; когда не спим – работаем».
Еще одна ложь.
«Я часто думаю о тебе и скучаю.
С любовью,
Анна».

* * *

– Знаете, чем можно заниматься в свободное время? – спросила Стелла однажды утром в начале мая.
– Чем? – изображая интерес, отозвалась Мэри.
– Давайте организуем кружок вязания.
– Тебе легко говорить. Твой Уилл уже здесь, цел и невредим. Ты думаешь, нам сейчас до пряжи?
Ее слова задела Стеллу.
– Прости, – опомнилась Мэри, – я не хотела.
– Все в порядке. Я просто подумала, что по вечерам у нас появится занятие. А то мы только новости по радио слушаем.
– Неплохая идея, – вставила я.
– Уверена, местным пригодятся одеяла, – добавила Мэри. – Для детей. Мы можем им помочь.
– Я с вами, – сказала Китти.
– И я, – присоединилась Лиз.

– Можем начать сегодня, после смены, – предложила Мэри.
Стелла улыбнулась:
– Отлично. Я раздобуду все необходимое. Встретимся в зале для отдыха.

* * *

Стелла оказалась права. Следующие недели нас поддерживало именно вязание. Мы связали первое одеяло, потом второе. За третьим и четвертым уже планировали пятое: зеленая и желтая пряжа, узор из пальм в середине.

– Интересно, кто будет ими укрываться? – спросила Лиз, проводя рукой по первому одеялу. – Приятно сделать что-то для обитателей острова, пусть даже такую ерунду.

Мы все закивали.

– А как вы думаете, что местные жители думают о происходящем? – продолжила Лиз. – Их мирный оазис посреди океана за один день превратили в эпицентр жестокой войны.

– Это ужасно, – согласилась Мэри. – Я бы хотела помочь им не только одеялами.

– Но это уже кое-что, – ответила Лиз.

Я подумала об Атее. Совсем одна, возможно, еще в беде. Одеяло может ей пригодиться – или она поможет их пристроить.

Я оглядела девушек, дружно работающих спицами.

– Я могу передать их местной женщине, она найдет применение, – предложила я. – Отнесу их завтра на рынок.

* * *

– Сестра Гильдебрандт?
– Что такое? – резко спросила она, не отрываясь от дел.
– Вы позволите мне отлучиться на время обеда?
– А что вы собираетесь делать?
– Мы с сестрами связали одеяла, это помогало нам отвлечься по вечерам от переживаний...

– Переходите к делу, сестра Келлоуэй, – сурово приказала она.

– Да, простите. Я хочу отнести сегодня одеяла на рынок, отдать их местным жителям.

– Одеjala? – несколько насмешливо переспросила она.
– Да, мадам. Одеjala.
Она покачала головой, потом пожала плечами:
– Что же, не вижу ничего дурного. Но в половине третьего ты должна быть здесь. Нам доставят провизию, и понадобится много рук.
Я улыбнулась:
– Спасибо, сестра Гильдебрандт. Я успею.

* * *

На рынке было тише, чем обычно, практически безлюдно. Большинство солдат отправились на фронт, и торговать пришло гораздо меньше островитян, чем обычно, но я надеялась встретить Атею. Нужно было поговорить.

Я не видела ее несколько месяцев, с того зловещего предрождественского происшествия в часовне, и очень беспокоилась. Одеjala скорее были предлогом встретиться, чтобы убедиться, что с ней все в порядке.

– Простите, – обратилась я к беззубой женщине с ребенком, торгующей бананами и какой-то пыльной зеленью, – вы не видели Атею?

Женщина бросила на меня недоверчивый взгляд.

– Ее здесь нет, – пренебрежительно ответила она.

– Ясно, – сказала я, доставая одеjala. – Я хотела передать ей вот это.

Это сразу изменило отношение туземки. Она смягчилась и указала на холм неподалеку:

– Она с Титой. Зеленый дом. Она там, внутри.

– Спасибо, – поблагодарила я и быстро направилась к холмам. До отправления фургона в лагерь оставалось меньше часа. Бежевые туфли покрылись грязью, но мне было все равно. Я смахнула с руки комара: тропинка шла через чащу. Под пологом тропического леса царил полумрак, и я практически не видела впереди зеленого домика – он сливался с холмом, словно был частью природы. *Вот и он.*

У стены маленькой однокомнатной хижины стоял велосипед. Неподалеку закудаhtала курица. Смутившись, я постучала в дверь. Может, я зря сюда пришла?

На пороге появилась старая женщина, ее седые волосы были заплетены в аккуратную косу.

– Я хочу повидаться с Атей, – робко сказала я, поднимая корзину с

одеялами.

Женщина кивнула и пробормотала что-то по-французски или по-таитянски – я не поняла. В хижине послышались шаги, и за спиной у старухи показалась Атея.

– Анна, ты пришла! – воскликнула она. Туземка изменилась. Возможно, дело было в надетом на нее платье – на несколько размеров больше, чем нужно. Я удивилась, ведь раньше Атея прекрасно обходилась гораздо меньшим количеством одежды.

– Да, – ответила я, – прости, если помешала. Я хотела убедиться, что с тобой все в порядке. И отдать вот это.

Атея взяла корзину и восхищенно ахнула:

– Красивые. Мне?

– Да, и передай тем, кому это нужно. Как ты?

Мой вопрос привел ее в замешательство.

– Заходи, – пригласила она вместо ответа, – это Тита.

Пожилая женщина кивнула.

– Рада знакомству, Тита. Я Анна.

Тита указала на плетеный стул, и я села. Вскоре она протянула мне чашку с чем-то горячим.

– Чай, – пояснила она. – Тебе.

Я поблагодарила и сделала глоток. Напиток оказался сладким и пряным одновременно.

– Вкусно. Что это?

– Кава^[10], – ответила Атея. – Успокаивает.

Я кивнула. Атея была права. В каждом глотке было что-то расслабляющее и дурмнящее. Все вокруг как-то смягчилось. Через несколько минут острые углы зазубренной оконной рамы сгладились, а земляной пол стал похож на мягкий ковер.

– Это она? – спросила Тита Атею.

Та кивнула.

Тита присела на стул рядом со мной.

– Это ты нашла дом художника?

Я растерялась, но потом вспомнила, что сказала Атея тогда на пляже – я забыла поделиться этой деталью с Уэстри.

– Да, если вы говорите о бунгало.

Тита многозначительно посмотрела на Атею.

– Ты должна кое-что узнать об этом бунгало, – пристально глядя на меня, сказала старая женщина. – По легенде, любой, кто туда войдет, обречен на жизнь, полную, – она остановилась, словно подбирая нужное

слово, – страданий.

– Боюсь, я не совсем понимаю, о чем вы, – сказала я, опустив кружку на маленький деревянный столик. Комнату словно окутал туман. Интересно, что я пью?

– Там происходят плохие вещи.

Я покачала головой. Она ошибается. Там происходят *хорошие* вещи. Это наше убежище, место, где я полюбила Уэстри. *Как она может так говорить?*

– Какого рода? – уточнила я.

– Слишком темные, чтобы о них говорить, – прошептала она, глянув на крест, что висел на стене.

Я резко встала, и комната поплыла.

– Что же, – пробормотала я, хватаясь руками за стул, – спасибо за чай. К сожалению, мне пора. – Я повернулась к Атее: – Береги себя, милая. И помни о моем предложении, если тебе вдруг понадобится помощь.

Она кивнула и осторожно посмотрела на Титу. Я открыла дверь.

– Подождите, – обернулась я, – вы сказали, бунгало принадлежало художнику. Не знаете, кому именно?

– Знаю, – с печалью в глазах ответила Тита. – Его звали Поль. Поль Гоген.

* * *

На следующий вечер мы собрались в зале отдыха, но вскоре поднялся переполох. В зал поспешно вошли мужчины.

– Сестры, скорее! – крикнул один из них. – Вы нужны в лазарете. Приземлился самолет с ранеными. На этот раз их очень много.

Я бросила спицы и вместе с другими девушками побежала к лазарету, где уже отдавала распоряжения сестра Гильдебрандт.

– Китти, останешься со мной, будешь ассистировать доктору Уилеру. Стелла, за тобой койки с первую по одиннадцатую. Лиз, с двенадцатой по девятнадцатую. Мэри, Анна, вы будете принимать. Соблюдайте порядок. Нам предстоит тяжелая ночь. Но мы здесь ради этого. Сестры, крепитесь. Предстоит многочасовая работа.

Мы бросились по местам. Предстояла тяжелая работа. Ранения были серьезнее, крики громче, напряжение сильнее.

Мы с Мэри работали у дверей, руководя движением и принимая солдат, многие из которых кричали и молили о помощи, некоторые тихо,

невнятно, а некоторые так громко, что было страшно слушать. Молодой солдат с раной на голове так вцепился в рукав моего платья, что порвал его.

– Я хочу к маме! – кричал он. – Мама! Где мама?

Все это было очень мучительно. Кровь, страдания, боль, взрослые мужчины, уподобившиеся детям. Но мы продолжали работать, собрали в кулак все силы, как велела сестра Гильдебрандт. А когда силы заканчивались, мы находили еще.

Последний самолет приземлился в половине третьего ночи. В лазарет привезли девятерых. У двери закричала Мэри. Ее голос был наполнен ужасом. И я поняла почему.

Я подбежала к ней. На носилках лежал Лу – обмякший, безжизненный, с тяжелейшими ожогами.

Солдат у дверей покачал головой:

– Простите, мадам. Он умер по дороге. Сожалею.

– Нет! – закричала Мэри, качая головой. – Нет!

Она подбежала к солдату и схватила его за рубашку.

– Вы пытались ему помочь? Вы ничего не сделали?

– Мадам, – ответил он, – уверяю, мы сделали все, что могли. Ранения были слишком серьезными.

– Нет, – простонала Мэри, упав на колени, – не может быть...

Она положила голову на грудь Лу, уткнувшись в пропитанную кровью рубашку.

– Нет, нет, Лу. Нет.

Подбежала Лиз.

– Надо ее успокоить. Поможешь?

– Мэри, – сказала я, – Мэри, успокойся. Милая, он умер. Отпусти его.

– Нет, – выкрикнула она, оттолкнув меня. Ее лицо испачкалось кровью Лу. Я жестом попросила Лиз помочь.

– Дорогая, – сказала я, взяв ее за левую руку. Лиз подхватила правую. – Мы отведем тебя в постель.

– Нет, – простонала Мэри.

– Лиз, дай ей успокоительное, – попросила я.

Она кивнула и протянула мне шприц. Мэри даже не вздрогнула, когда я ввела в ее руку иглу. Вскоре ее тело обмякло.

– Вот так.

Я мягко опустила ее на соседнюю койку. Простыни были испачканы в крови. Чужой крови. Но у нас не было времени их сменить.

– Приляг, милая, – проговорила я, влажной тряпкой стирая с ее лица кровь Лу, – постарайся отдохнуть.

– Лу, – слабо простонала Мэри и закрыла глаза.

Несколько минут я наблюдала за ее дыханием и думала, как все это несправедливо. После всего пережитого Мэри вновь обрела любовь и так трагично ее потеряла. Это жестоко и неправильно.

* * *

Мы с Китти в молчании возвращались к казармам. Теперь мы повидали войну, вернее, последствия войны – ее ужасы, ее несправедливость.

Мы повалились в кровати и долго слушали, как в небе над нами гудят самолеты. Я молилась за Уэстри и думала: за кого молится, кого вспоминает Китти?

– Анна, – прошептала мне Китти, когда в небе все стихло, – ты не спишь?

– Нет.

– Мне нужно тебе кое-что сказать. Кое-что важное.

Я села.

– Что такое?

Она вздохнула и посмотрела на меня глазами, полными печали и невысказанной боли:

– Я беременна.

Глава 10

Я охнула и бросилась к ее кровати.

– Ой, Китти! – закричала я, качая головой. Я поверить не могла ее словам.

– Я уже давно знаю, – призналась она с полными слез глазами, – но боялась тебе говорить.

– Почему, Китти?

Она глубоко вздохнула.

– Отчасти боялась признаться в этом даже себе, отчасти – не хотела тебя расстраивать.

– Расстраивать *меня*? – Я провела рукой по ее волосам и покачала головой. – Меня расстраивает только то, что тебе приходилось тащить эту ношу в одиночестве.

Китти прижалась лицом к моему плечу и зарыдала так сильно, что ее тело забилось в конвульсиях.

– Не знаю, что и делать. Посмотри на меня, – она показала на явно округлившийся живот, – я месяцами прятала его под поясом. Но больше не могу. Скоро все заметят. Ребенок родится через месяц, может, даже раньше.

Я вздохнула.

– Надо поговорить с сестрой Гильдебрандт.

– Нет, – взмолилась Китти, – не надо. Прошу, Анна.

– Это наш единственный выход. В твоем положении нельзя так напряженно работать, и скоро родится ребенок. Мы должны заранее все обдумать.

Китти казалась испуганной и потерянной. Я поняла, что она не задумывалась о том, что ждет впереди – рождение ребенка на острове за тысячу миль от дома, без мужа, в позоре и неопределенности.

– Хорошо, – согласилась она. – Если ты считаешь нужным, скажи ей. Но я не буду при этом присутствовать.

Я поцеловала ее в лоб и улыбнулась:

– Тебе и не придется, милая. Я обо всем позабочусь.

* * *

На следующий день мне никак не удавалось остаться с сестрой

Гильдебрандт наедине. Но в конце смены все-таки повезло – мы столкнулись на складе.

– Сестра Гильдебрандт, – начала я, тихо прикрыв собой дверь, – можно с вами поговорить?

– Да, Анна, – ответила она, продолжая распаковывать ящик, – только скорее: мне нужно идти.

– Спасибо. Это насчет Китти.

Сестра Гильдебрандт кивнула.

– Я уже знаю, – спокойно ответила она.

– О чем знаете?

– О беременности.

– Да, но...

– Анна, я работаю медсестрой очень давно. Я принимала роды и сама рожала детей. Я все об этом знаю.

Я ошарашенно смотрела на нее.

– Ей нужна ваша помощь, – осторожно сказала я, – скоро родится ребенок, и она уже не может работать, как прежде.

Сестра Гильдебрандт повернулась ко мне. Ее лицо смягчилось – такой я ее еще не видела.

– Передай, пусть не беспокоится насчет работы. Если другие спросят, я скажу, что у нее лихорадка и она на карантине. Тебе придется носить еду. Справишься?

– Да, – с улыбкой ответила я, – конечно.

– Когда настанет время, приходите ко мне.

Я кивнула.

– Но что будет с ребенком, когда...

– Я знаю семейную пару миссионеров, они возьмут ребенка. Они живут за холмом, на другой стороне острова. Хорошие люди. Я поговорю с ними утром.

– Спасибо, сестра Гильдебрандт, – с чувством поблагодарила я. На глазах выступили слезы. – Я не ожидала, что вы...

– Довольно, – отрезала она. Мягкость исчезла, уступив место привычной строгости. – Пора возвращаться к работе.

* * *

День, когда Мэри покинула остров, стал печальным для всех, а особенно для Китти – она осталась в казармах и не смогла проводить

подругу до самолета вместе с остальными.

Остров обошелся с Мэри особенно жестоко. Он чуть не погубил ее от малярии, а потом разбил ей сердце.

– Прощай, подруга, – сказала Стелла.

– Мы никогда тебя не забудем, – добавила Лиз.

Мэри, стоящая у входа в самолет, казалась совсем бесплотной. Похудевшая, с перевязанными запястьями – она пыталась перерезать себе вены.

Она достала из сумки носовой платок и промокнула покрасневшие глаза.

– Я буду скучать. Так не хочется от вас уезжать. Вы стали моими лучшими подругами, моими сестрами.

Я сжала ее руку.

– Тебе пора, милая. Езжай домой. Береги себя.

Я вспомнила о письме от Эдварда, лежащем в моем кармане. Его пришлось прятать дольше, чем я ожидала. Была ли Мэри готова прочитать его теперь? Уже не важно. Письмо принадлежало ей.

– Да, мне пора.

Девушки смахивали слезы, Мэри направилась к самолету.

– Подожди, – сказала я. Мэри удивленно повернулась.

Я достала из кармана письмо и вложила ей в руку.

– Надеюсь, ты простишь, что я его все это время прятала. Я лишь хотела защитить тебя от боли.

При виде имени отправителя у Мэри загорелись глаза.

– Боже мой, – ахнула она.

– Прости, – пробормотала я, отступая назад.

Мэри взяла меня за руку:

– Нет. Я понимаю. Все в порядке.

– Я буду очень скучать. Пообещай, что после войны наведишь меня в Сиэтле.

Мне захотелось, чтобы все было иначе – у нее, у Китти, у всех нас.

– Обещаю.

С этими словами Мэри с письмом в руке исчезла из нашей жизни – возможно, навсегда. Остров как будто осиротел.

* * *

Долгое время мне казалось, что Уэстри никогда не вернется. Без него

остров изменился, особенно теперь, когда Мэри уехала, а Китти не выходила из комнаты. Но однажды утром в конце мая, во время работы в лазарете, по центральному громкоговорителю объявили, что солдаты вернулись.

– Иди, – сказала мне сестра Гильдебрандт.

Я ее даже не поблагодарила, просто выбежала на тропинку и не останавливалась до самого аэродрома. Солдаты направлялись в лагерь, неся свои тяжелые сумки. Среди них были Ланс, полковник Донехью и еще несколько знакомых. *Но где Уэстри?* Я огляделась. Эллиот уже вернулся домой, его служба подошла к концу. Кто еще может знать о судьбе Уэстри?

– Ты не видел Уэстри? – спросила я незнакомого солдата с опущенной головой.

– Простите, мадам, я с ним не знаком.

Я кивнула и вдруг заметила одного из соседей Уэстри по казарме.

– Тед, где Уэстри? Ты его видел?

Он покачал головой:

– Прости. Не видел со вчерашнего дня.

– То есть?

– Он был на передовой, но...

Мое сердце забилось в бешеном ритме.

– Но что?

– Его не было с нами в самолете.

– Что это значит? – воскликнула я. – Он не вернется? Вы оставили его?

– Сегодня вечером приземлится еще один самолет. Будем надеяться, что он окажется там.

Я опустила голову, а Тед приподнял фуражку и присоединился к солдатам, направляющимся в лагерь в мечтах о горячем обеде и мягкой постели.

Я сжала в руке медальон, надеясь, что Уэстри, где бы он ни был, почувствует мою любовь. Я заставлю его вернуться домой. И никак иначе.

* * *

Той ночью воздух наполнила прохлада – необычное явление для тропиков в мае. Я, дрожа, шла по пляжу – глупый поступок, если учесть состояние Китти. Легкие схватки продолжались у нее уже несколько дней, правда, она утверждала, что это пока несерьезно. Но я все равно обещала, что вернусь не позже чем через час. Я чувствовала себя виноватой, что

оставила подругу одну, но сегодня я особенно нуждалась в уютной атмосфере бунгало.

Я открыла дверь и обернулась одеялом, слушая гудение самолетов над головой. Он приедет? Господи, прошу, приведи его домой.

Но вместо шагов любимого я слышала только дождь – сначала несколько капель, потом сотню, тысячу. Небеса разверзлись, низвергая содержимое прямо на крышу бунгало.

Я открыла дверь, высунула руку и почувствовала на коже капли, словно нежные поцелуи, манящие наружу. Я сделала еще один шаг и подняла голову вверх. Закрыв глаза, я позволила теплым каплям покрыть мое лицо, волосы. Через несколько мгновений платье промокло насквозь. Я расстегнула пуговицы лифа, дождь просочился под белье. А потом краешком глаза заметила вдалеке чей-то силуэт. Он был неясным, размытым. Я без страха двинулась навстречу сквозь дождь, ниспадающий с небес, словно занавес из миллиардов капель. Наконец, я разглядела знакомое лицо, исхудавшее после долгих месяцев сражений, изголодавшееся по любви, которую я была готова ему дарить.

Мы бросились друг другу в объятия, идеально дополняя друг друга. Сумка Уэстри упала на песок.

– О, Уэстри! – воскликнула я. Даже в темноте я разглядела шрамы на лице и изорванную, испачканную грязью форму.

– Я пришел прямо сюда, – сказал он.

– О, Уэстри! – вновь воскликнула я, жадно целуя его.

Он провел руками по моему платью, дергая за ткань, словно пытаясь сорвать его. Я растаяла в его объятиях, повисла на нем, обхватив ногами, и осыпала поцелуями, пока он с улыбкой не поставил меня на песок.

Он полез в сумку и вытащил кусок мыла.

– Сделаем все, как полагается. Когда-нибудь принимала военный душ? Мы так мылись на корабле. Прямо на палубе, под тропическим ливнем.

Я потянулась к его воротнику, поспешно расстегивая пуговицы. Наконец, мои руки прикоснулись к его голому торсу и жетону на шее.

Он снял брюки и стянул с меня платье. На несколько мгновений мы замерли, совершенно нагие, под теплым дождем, а потом Уэстри подвинулся ко мне и осторожно провел желтым куском мыла по моей шее. Я застонала, когда он дотронулся до груди. Мыло покрыло ее маленькими пузырьками.

Я придвинулась ближе, наслаждаясь соприкосновением наших тел, взяла мыло, провела им по груди Уэстри, его рукам и спине. Дождь быстро смывал пену. Уэстри прижал меня к себе, в его поцелуе чувствовалось

желание, голод. Он взял меня на руки, остатки мыла выскользнули из ладони, упав на песок. Уэстри отнес меня в бунгало и бережно опустил на кровать.

* * *

Мне нравилось чувствовать покрывало на голой коже. Час спустя, когда ливень прошел, я лежала и водила пальцем по лицу Уэстри, а он смотрел в окно. Его щеки покрывала густая щетина. Я посчитала шрамы на его лице. Четыре – или пять, если считать порез на ухе.

– Как там было? – прошептала я.

– Настоящий ад, – признался он, приподнявшись спиной на подушки.

Я почувствовала, что он колеблется.

– Не хочешь говорить об этом, да?

– Лучше я буду наслаждаться прекрасным моментом, – сказал он и нежно поцеловал меня в губы.

Я вспомнила о Китти и поняла, что прошло уже много времени. Как там Китти? Я почувствовала вину, что ушла так надолго.

– Наша одежда, – забеспокоилась я, – должно быть, все промокло насквозь.

Уэстри встал, уронив покрывало. Я смущенно разглядывала его красивое, сильное тело.

– Пойду заберу.

Вскоре он вернулся, держа в руках влажное, измятое платье. Я натянула его через голову, а Уэстри надевал брюки.

– Останешься ненадолго? – спросил он, проведя рукой по моим волосам.

– Хотелось бы, но нужно возвращаться. – Я хотела рассказать ему о Китти, но передумала. – Я обещала Китти, что вернусь гораздо раньше.

Уэстри кивнул и поцеловал мою руку.

Мы повернулись к окну, заслышав шорох в кустах, а потом в дверь тихо постучали.

Уэстри осторожно открыл дверь, я выглянула из-за его плеча и увидела Китти. Она в панике держалась за живот.

– Анна! – крикнула она. – *Пора.*

Я даже не стала задумываться, как она нас нашла. На вопросы не было времени.

– Нужно добраться до лазарета, – сказала я, подбегая к ней.

– Нет. Я не вынесу, если другие увидят меня в таком состоянии. К тому же слишком поздно. Ребенок вот-вот родится.

Уэстри оцепенел от изумления, а я помогла Китти забраться по ступенькам в бунгало. Она легла на кровать, корчась от такой боли, что страшно было смотреть. Ланса следует наказать за то, что бросил ее в таком состоянии. Я покачала головой, промокнула краешком одеяла со лба Китти пот и стала тихо молиться. Господи, помоги Китти. Дай мне сил.

Китти стонала все громче. Что-то пошло не так. Я вспомнила зловещее предостережение Титы и вздрогнула, пытаюсь прогнать эти мысли из головы и собраться с силами. Я встала перед Китти, между ее ног, и помогла ей откинуться на спинку кровати. Дрожащими руками я приподняла платье, пытаюсь вспомнить хоть что-нибудь из того, что нам в училище рассказывали про роды. Горячая вода. Щипцы. Эфир. Одеяла. Меня передернуло. У меня есть только пара рук.

Открылось кровотечение. Китти закричала.

– Китти, – сказала я, – тужься, *сейчас*.

Казалось, боль поглотила Китти, она ничего не слышала. Я сжала ладонь подруги.

– Китти, не уходи. Ребенок вот-вот родится, и мне нужна твоя помощь. Пожалуйста, тужься. Ты должна быть сильной.

– Анна, давай помогу, – вмешался Уэстри, обретя, наконец, дар речи.

Он сел возле меня на колени. Лампа бунгало осветила загоревшую кожу. Оставалось только догадываться, что ему пришлось пережить, а теперь он вернулся – и сразу это.

Уэстри промокнул носовой платок водой из фляги и протер лоб Китти, а я продолжала с ней разговаривать. Началась новая схватка.

– Вижу головку, – сообщила я. – Осталось недолго.

Китти посмотрела на Уэстри благодарным взглядом. Он держал ее за руку и гладил по волосам. Вскоре ребенок выскользнул мне в руки.

– Девочка! – воскликнула я. – Китти, у тебя девочка.

Уэстри помог мне перерезать ножом пуповину и передал новорожденную Китти. Она прижала малышку к груди.

– Нужно их чем-то накрыть, – сказала я, заметив, что она дрожит.

Уэстри укрыл обессиленную Китти одеялом и расстегнул рубашку.

– Вот, – сказал он, – давай завернем ребенка в мою одежду.

Он осторожно закутал девочку в зеленую армейскую рубашку, рваную и перепачканную кровью после долгих недель сражений.

Позаботившись о Китти и ее ребенке, мы вышли наружу и сели на песок. Я больше не могла сдерживать эмоций.

– Не плачь, – мягко сказал Уэстри, – с ней все в порядке. Ты приняла роды лучше любого врача.

Я кивнула, утирая слезы краем рукава.

– Я думала, что у нее будет совсем другая судьба. Ланса нужно привлечь к ответственности за то, что он бросил ее в таком положении.

Уэстри смущенно кивнул:

– А ребенок? Что будет с малышкой?

– Ее заберет пара миссионеров с этого острова. Китти согласилась, но, – я указала в сторону бунгало, – я знаю, ей будет очень непросто.

– Когда она сможет встать, я отнесу ее обратно в лагерь. А ты возьмешь ребенка.

Я кивнула.

– Нужно, чтобы мы добрались до дома до восхода, без свидетелей.

Уэстри промолчал и погладил меня по голове.

– Анна, разлука с тобой была ужасной.

Мои глаза наполнились слезами.

– Я молилась за тебя каждую минуту.

– Нам пришлось тяжело. Меня спасала лишь мысль о том, что я вернусь к тебе.

Я прижалась лицом к его голой груди, она была теплая и гладкая.

– Не представляю, что бы я делала, если бы ты не вернулся. Как бы жила.

Он взял мою левую руку и дотронулся до кольца.

– Я больше не могу тебя с ним делить, – прошептал он.

– Знаю, – выдохнула я, сняла кольцо и убрала его в карман платья, – тебе и не придется. Я твоя. Целиком и полностью.

Уэстри поцеловал меня так страстно, что чувство вины перед Герардом ушло. Мы могли просидеть в обнимку до самого восхода, но из бунгало послышался плач ребенка, напомнив о том, что нам предстоял непростой путь домой.

– Нужно отвести их, – напомнила я Уэстри, нежно поцеловав его в щеку, в нос и в ладонь. Мне никогда не приходилось испытывать такой глубокой, всепоглощающей любви.

* * *

Уэстри нес Китти к базе, завернув ее в одеяло, взятое из бунгало. Это было непросто даже для такого сильного парня, как он, и когда мы

добрались до лагеря, на загорелой коже Уэстри проступили капельки пота. Ребенок всю дорогу спал у меня на руках. Девчушка была очень похожа на мать. Нос точно такой, как у Китти, и высокие скулы. Интересно, у нее будут кудряшки? Я надеялась, что да.

– Мы отнесем тебя в лазарет, – сказала я Китти.

– Но, Анна, нет, я...

– Тсс, – прошептала я, – не волнуйся. Тебе нечего стыдиться.

Было пять утра, и хотя в дальнем крыле за пациентами могли присматривать несколько медсестер, вероятность встретить кого-то, кроме сестры Гильдебрандт, оставалась ничтожной.

Уэстри занес Китти внутрь. Я направила его в маленькую комнатку справа, где он осторожно опустил ее на кровать. Я положила ей на руки малышку. Они были такие милые. Китти посмотрела на меня, потом на Уэстри, провела рукой по щетине на его подбородке.

– Как я могу тебя отблагодарить?

– Не нужно, – улыбнулся он. – Хотя вот что: поможешь раздобыть мне новую рубашку?

– А правда моей малышке этот оттенок к лицу? – улыбнулась в ответ Китти.

Уэстри засмеялся, переодеваясь в белый медицинский халат, что висел на крючке возле кровати – вероятно, доктора Ливингстона.

– Тебе идет, – подмигнула я.

Мы повернулись к двери, услышав, как повернулась ручка. Зашла сестра Гильдебрандт. Уэстри в белом халате ее напугал.

– Вы кто?

– Уэстри Грин, мадам. Я просто помогал устроиться этим двоим – вернее, троим, – а теперь я собираюсь домой.

– Теперь я справлюсь сама, солдат. Халат можешь вернуть позже, только не забудь его постирать и погладить.

Уэстри кивнул и направился к двери.

– Доброй ночи, дамы, – попрощался он, улыбнувшись мне на прощанье.

– Доброй ночи.

Когда Уэстри ушел, я невольно заметила в глазах Китти разочарование.

– Анна, Китти, вы в порядке?

– Да, – ответила я. – Ребенок здоров. Но ее нужно помыть. Вернее, их обеих.

Сестра Гильдебрандт достала из шкафа таз.

– Анна, ты помоешь девочку.
– Конечно, – ответила я, забирая у Китти ребенка.
– Я позвоню Мейхьюсам, скажу им, чтобы приехали. Когда закончишь, завернешь младенца в эту простыню. У них дома есть одежда и пеленки.

Китти покачала головой:

– Мейхьюсы?
– Это пара, которая заберет твоего ребенка, – пояснила ей сестра Гильдебрандт.

Лицо Китти исказил ужас.

– Но так быстро... Я...
– Это твое решение, Китти. Так нужно. Ты не можешь оставить ребенка здесь. Так будет лучше для вас обеих. Чем скорее отпустишь малышку, тем лучше.

Китти печально наблюдала, как я мою ее девочку, намыливая маленькую головку и осторожно стирая пену влажной тряпкой.

– Ее зовут Адела, – пробормотала Китти.
– Ты не можешь давать ей имя, дорогая, – возразила сестра Гильдебрандт. – Мейхьюсы назовут так, как хотят.

– Не важно! – отрезала Китти, отведя взгляд. – Для меня она всегда будет Аделой.

Я промокнула с нежной кожи оставшееся мыло, вытащила младенца из ванночки и положила на полотенце. Насухо вытерев, я осторожно завернула малышку в простыню, как сказала сестра Гильдебрандт, и протянула крошечный сверток Китти.

– Нет, – отвернулась она, утирая слезы, – я не могу ее взять. Если возьму, то уже не отпущу. Анна, разве ты этого не понимаешь?

Китти зарыдала. За последние годы я ни разу не видела, чтобы она плакала так горестно.

Я тяжело вздохнула, стараясь сохранять самообладание, и вынесла ребенка из комнаты. Пришлось подождать, пока в коридоре не появилась пара, им было лет тридцать. Сквозь закрытую дверь слышались приглушенные всхлипывания Китти.

Сестра Гильдебрандт им кивнула.

– Джон и Эвелин Мэйхьюс – представила она мужчину и женщину, натянуто улыбаясь. – Они заберут ребенка.

Супруги показались мне добрыми людьми, а по открытой улыбке женщины я почувствовала, что они примут малышку с любовью. Она погладила младенца по голове.

– Должно быть, она хочет есть, – сказала Эвелин, забирая сверток у

меня из рук, – у нас в машине бутылочка с молоком.

Сестра Гильдебрандт с молчаливой гордостью наблюдала, как новоявленная мать нянчится с ребенком.

– Ее зовут Адела, – тихо сказала я.

– Красивое имя, правда, мы выбрали другое. Но я запишу его в свидетельство о ее рождении.

Я отступила назад. Супруги поблагодарили сестру Гильдебрандт и ушли – их семья увеличилась на одного человека.

– Пойду к Китти, – сказала я и потянулась к ручке.

– Анна, подожди, – остановила меня сестра Гильдебрандт, – не сейчас. Сначала я с ней поговорю.

Я не знала, что она задумала, но ее серьезный вид заставил меня повиноваться. Я прождала за дверью, казалось, целую вечность. Что она там делает? Что говорит Китти?

Я прижалась ухом к двери и вдруг услышала слова сестры Гильдебрандт: «Я была в такой же ситуации». Ее слова меня шокировали. Когда ручка двери, наконец, повернулась, я отпрыгнула в сторону.

Из комнаты вышла Китти. Ее глаза были сухи, а на лице застыло незнакомое выражение – пустое и бессмысленное.

Глава 11

Сестра Гильдебрандт освободила меня от обязанностей в лазарете, чтобы я могла ухаживать за Китти. Я сидела в комнате рядом с ней, хотя, думаю, она предпочла бы побыть в одиночестве.

– Может, поиграем в карты? – предложила я.

– Нет, – ответила Китти, – спасибо, что-то не хочется.

Я приносила ей еду и предлагала почитать журналы. Лиз считала, что Китти все еще восстанавливается после болезни, и занесла два номера журнала «*Vog*», но Китти просто положила их на кровать и безучастно уставилась в стену.

Я знала, что ничем не могу помочь. Она должна пройти через это сама. Поэтому через два дня после родов я отправилась прогуляться по пляжу и навестить бунгало. Мне было необходимо сменить обстановку, а Китти хотела побыть одна.

Как я и надеялась, Уэстри был там, дремал на постели в лучах полуденного солнца.

– Привет, – прошептала я, устраиваясь рядом с ним. Он открыл глаза, тепло улыбнулся и пододвинулся поближе ко мне.

– Ты и не знаешь, что спал в помещении, где находится шедевр.

Уэстри с восхищением провел пальцем по моему лицу.

– Я знал об этом с того дня, как ты здесь появилась. Ты – величайшее произведение искусства в мире.

Я улыбнулась и покачала головой:

– Нет, глупенький. Я не об этом. Я говорила о картине. – Я достала из-под кровати холст. – Это *Гоген*.

Уэстри резко встал, посмотрев на полотно новым взглядом.

– Ты серьезно?

Я кивнула.

Он потрясенно покачал головой.

– Я так и думал, что это кто-то из постимпрессионистов, но молодой, менее известный художник, или даже ученик. Но, боже мой, – Гоген? Откуда такая уверенность?

– Мне сказала об этом старая островитянка, – с гордой улыбкой сообщила я.

Уэстри сел на кровать рядом со мной, чтобы получше разглядеть картину.

– Не подписано.
– Возможно, он не сразу подписывал работы.
– Может. Моне поступал так же.
Я внимательно посмотрела на холст.
– Посмотри на мазки.
– В этой картине легко потеряться, – сказал Уэстри, любясь сокровищем.
– Что будем с ней делать?
– Не знаю.
– Мы не можем оставить ее здесь, когда уедем после войны. Даже подумать страшно, что картину смоем прилив.
– Или разрушит влажный воздух. Странно, что она так долго продержалась в таком климате.
Я вновь повесила картину на маленький крючок и вздохнула.
– А может, она должна оставаться здесь. – Я на мгновение задержала взгляд на картине и повернулась к Уэстри: – Мне надо тебе рассказать кое-что еще. Насчет этого бунгало.
– Что?
– Пожилая женщина, Тита, сказала, что на каждого, кто сюда зайдет, падает проклятье.
Уэстри ухмыльнулся:
– И ты поверила в это предсказание?
– Должна признать, я перепугалась.
– Анна, помнишь, о чем мы говорили в первый день встречи? Ты сказала, что веришь в свободу воли. – Он легко прикоснулся к моим волосам. – У тебя будет насыщенная, благословенная, наполненная любовью жизнь. Ты сама сделаешь ее такой.
Я взяла его за руку.
– Ты прав.
– К тому же посмотри, сколько добра свершилось в этих стенах. Здесь выросла наша любовь. Родился ребенок. И, возможно, совершилось одно из величайших художественных открытий века. Это она называет проклятием?
Мы сели рядом, прислушиваясь к шуму волн, и я прочла про себя молитву. *Господи, пусть он будет прав.*

Времени оставалось мало, мы все это знали. Остаток мая пролетел, словно ураган, и нам с Китти предстояло уехать в середине июня. А Уэстри и остальные ребята отбудут на новое место службы – на этот раз в Европу. Я почти слышала неумолимый стук стрелок, постоянно напоминавший о том, что привычному миру скоро настанет неизбежный конец.

Мне предстояла встреча с Герардом. Китти придется оставить место рождения дочери. Мы стали другими людьми. Как мы вернемся в Сиэтл? Как мы сможет жить в том месте, что когда-то называли домом?

– Наверное, я останусь, – объявила Китти однажды утром в столовой. – Сестре Гильдебрандт пригодится помощница. В Сиэтле меня никто не ждет.

Она не хотела уколоть, но ее слова и последовавшая пауза меня задели. Это правда. Меня-то ждет Герард. Его демобилизовали в июне.

Я задумалась: почему Китти хочет остаться? Она уже совсем не похожа на девушку, что вышла из самолета в наш первый день, от прежнего «я» осталась лишь оболочка. Пустая. Холодная. Потерянная. Она погрузилась в работу и проводила все время в лазарете.

– Я не понимаю, – удивилась я, откусив кусок вареного яйца, – неужели ты не соскучилась по дому? Ты не хочешь отсюда уехать после... После всего?

Она посмотрела в окно, на яркие изумрудные холмы вдалеке. Воспоминания навеки связали меня с этим местом, и, похоже, Китти тоже всегда будет чувствовать, что оставила здесь частичку своего сердца. Она вымученно улыбнулась.

– Я думала, что захочу уехать, когда придет время. Но, похоже, я еще просто не готова.

Я слабо улыбнулась.

– Последние месяцы сложились для нас по-разному, – с сожалением добавила она. – Ты встретила чудесного человека. Только подумай – нашла его здесь, среди войны.

Как нарочно, с другого конца столовой нам помахал Уэстри. Вопреки правилам, он направился к нашему столу.

– Вот и две самые прекрасные девушки острова. Как ты, милая?

Я сняла с его шеи салфетку.

– Чудесно. Сегодня утром мне не хватало тебя в бунгало.

Было странно не таясь говорить о нашем секрете, но сейчас мы могли расслабиться, ведь Китти сама побывала в бунгало, а кроме нее за столом никого не было.

– Уэстри, – оживилась Китти. Мне не понравилось, как она строила

ему глазки. – Я нашла в лазарете старые доски, они могут подойти, чтобы заделать скрипучий пол.

У меня загорелись щеки. Как Китти смеет говорить с Уэстри о бунгало? Какое ей дело? И почему она помнит о том, что там скрипят половицы?

– Спасибо, Китти, – спокойно ответил Уэстри. – Я сегодня загляну, посмотрю, в чем там дело.

– Но... – Я раскрыла и снова закрыла рот.

– Что такое? – спросил Уэстри.

– Ничего, – пробормотала я. – Хотела предложить встретиться вечером в бунгало.

Я смотрела прямо на Уэстри, давая понять, что приглашение предназначено исключительно для него.

– Чудесная мысль, – ответил он. – Я заканчиваю в пять тридцать. Как раз успеем посмотреть закат.

– Отлично. – У меня отлегло от сердца.

Уэстри повернулся, чтобы уйти, но Китти снова вмешалась:

– Если ты решишь зайти сегодня, я работаю до восьми. – Она смущенно посмотрела на меня. – В смысле если ты захочешь заняться половицами.

Уэстри неопределенно кивнул и вышел.

Несколько минут мы ели молча, но потом Китти заговорила вновь:

– В общем, я, наверное, останусь еще на несколько месяцев, а там посмотрим. Сегодня у медсестер много возможностей. Может, запишусь на службу в Европу.

Я смотрела на нее. *Кто эта девушка, сидящая передо мной?* Я пыталась заглянуть ей в глаза, но она отводила взгляд.

– Просто я...

– Я обещала помочь сестре Гильдебрандт с прививками, – прервала меня Китти. – Пожалуй, пойду.

– Конечно, иди, – ответила я, и она быстро направилась к выходу.

* * *

– С Китти что-то не так, – заявила я с порога, сбросила туфли и плюхнулась на кровать.

– И тебе привет, – с ухмылкой ответил Уэстри, протягивая букет гибискуса.

– Прости, – смутилась я, любуясь ярко-желтыми цветами. Красный гибискус рос по всей базе, словно сорняк. Этот встречался реже – единственный известный мне куст находился рядом с бунгало. Я положила цветы на стул и вздохнула, продолжая думать о Китти.

– У нас был странный разговор за завтраком, я за нее беспокоюсь. Она так изменилась за последние несколько месяцев. Я ее просто не узнаю.

Уэстри достал перочинный нож и осторожно разрезал на столе красное яблоко.

– Она действительно изменилась. Любой, кому пришлось через такое пройти, изменился бы. Может, ты к ней слишком строга?

– Возможно, ты прав.

Я взяла протянутый им кусок яблока. Хрустящая сладость ненадолго притупила мое беспокойство.

– Ты ведь не расстроилась из-за комментария насчет половиц?

– Нет, – солгала я. – Ну, может, совсем немного. Я не права, что отношусь к этому месту как собственница?

Он ухмыльнулся и присел рядом со мной.

– Лучше бы ты как собственница относилась ко мне.

Я игриво его оттолкнула.

– Я так и делаю, поэтому возникает следующий вопрос: ты заходил в лазарет?

– Да, – ответил Уэстри, наслаждаясь моей ревностью.

– И что?

Он покачал головой:

– Доски не подошли.

– Отлично. Мне нравятся старые.

Он провел пальцем по моему затылку.

– Мне тоже.

– К тому же новые половицы лишат нас почтового ящика.

– Значит, решено единогласно, – Уэстри стукнул воображаемым молотком, – оставляем скрипучие половицы.

Он взял в руки медальон и осторожно открыл его.

– Все еще пустой?

– Да. Я пыталась придумать, что положить внутрь, но пока вдохновение меня не посетило.

Уэстри задумался.

– Нужно что-то, напоминающее об этом месте, что согреет твое сердце воспоминаниями о нашей любви.

Я нахмурилась и выхватила медальон у него из рук.

– Воспоминаниями о нашей любви? Ты говоришь, будто наши дни сочтены, будто это просто...

– Тсс, – прервал он меня, приложив палец к моим губам. – Я хочу любить тебя всю оставшуюся жизнь, но впереди, как ты знаешь, следующий этап службы. Пока я в Европе, сколько бы ни продлилась эта война, я надеюсь, что ты, открывая этот медальон, будешь вспоминать обо мне. Это поможет пережить разлуку.

Уэстри встал, обшарил комнату, ощупав стол, плетеные стены и занавески, и, наконец, присел на пол.

– Вот, – сказал он, протянув мне маленький кусочек скрипучей половицы, – кусочек бунгало. Ты можешь всегда носить его с собой, а где он, там и я.

Я едва не расплакалась, когда Уэстри открыл медальон и положил в него кусочек дерева. Идеально.

– Готово, – объявил он, прижав медальон к моей груди, – теперь я всегда с тобой.

Поцелуй дал ему понять, сколь высоко я оценила его жест.

* * *

Вскоре после заката Уэстри зажег на столе свечу, и мы сидели в обнимку, слушая бриз и пение сверчков, пока наше внимание не привлёк странный звук.

В темноте прозвучал агрессивный и решительный мужской возглас, а затем – отчаянный женский крик. Сначала голоса звучали где-то в отдалении, в чаще джунглей, достаточно далеко, но когда крики приблизились, я инстинктивно сжала руку Уэстри.

– Как думаешь, что это?

– Не знаю, – ответил он, поднимаясь и быстро надевая рубашку, – но, похоже, женщина в беде. Оставайся здесь, – приказал он.

– Будь осторожен, – прошептала я. Я не знала, чего бояться – что Уэстри отправляется туда в одиночку или что я останусь в бунгало одна.

Он тихо проскользнул в дверь и, прислушиваясь, двинулся сквозь кусты. Мы услышали новый крик и шорох шагов. Кто-то бежал.

Я встала и обулась, сожалея, что в бунгало нет никакого оружия. Уэстри принес винтовку? Вряд ли. Мужчины редко выносили оружие за пределы базы. Я судорожно сглотнула. Уэстри там совсем один. А если ему нужна помощь? Я не могла просто оставаться в бунгало и ждать.

Я тихо вышла наружу, заметила возле стены бунгало деревяшку и схватила ее. На всякий случай.

Я прокралась в сторону пляжа, но резко обернулась: неподалеку хрустнула ветка. Сзади кто-то есть? Сердце ушло в пятки. Где-то там затаилась опасность. К нам подобралось какое-то зло.

Раздался новый крик, на этот раз совсем рядом с пляжем.

– Нет, нет, пожалуйста, не надо, пожалуйста!

Я охнула. Мне был знаком этот голос. Боже мой. Атея. Она пытается пробраться сюда, в бунгало? Должно быть, ее преследует Ланс. Где Уэстри? Я рванула сквозь кусты к пляжу и увидела сцену, которую запомнила навсегда.

В темноте было непросто различить лица, но когда глаза привыкли, передо мной разыгрался настоящий кошмар. Я видела, как мужчина держал ее за волосы. Потом в лунном свете мелькнула сталь. Боже, нет. Нож. Он провел лезвием по шее девушки, и я, онемев, смотрела, как хрупкое, безжизненное тело упало на песок.

– Нет, – простонала я, не в силах даже закричать. Нет, только не это.

Темная фигура зашвырнула нож в чащу, словно мяч, и бросилась прочь по пляжу.

Я побежала к Атее, задыхаясь от слез.

– Атея, мне так жаль...

Я положила ее голову себе на колени, она была вся в крови. Атея задыхалась и ловила открытым ртом воздух.

– Он, он, – бормотала она.

– Нет, милая, – прошептала я, – не пытайся говорить. Молчи.

У Атеи потекла кровь изо рта. Она умирала. Если бы мы вовремя доставили ее в лазарет, доктор Ливингстон мог бы ее спасти. Мы должны ее спасти.

Атея указала на свой большой, округлившийся живот. Она беременна. О, боже.

– Уэстри! – позвала я, – Уэстри!

Я слышала шаги с той стороны, куда убежал Ланс, и взмолилась, чтобы это был не он.

– Уэстри! – окликнула я вновь.

– Я здесь, – отозвался он, – это я.

– Ах, Уэстри! – заплакала я. – Посмотри на нее. Посмотри, что он с ней сделал. И с ребенком.

Атея подняла руку, словно пытаясь до кого-то или чего-то дотянуться.

– Она не выживет, – проговорил Уэстри.

– Что ты несешь?! – в отчаянии закричала я. – Конечно, выживет. Она должна выжить. Я обещала, что защищу ее от этого чудовища.

Дыхание Атеи стало судорожным.

– Она справится, – всхлипнула я, – мы должны ее спасти.

Уэстри положил руку мне на плечо.

– Анна, – прошептал он, – у нее перерезано горло. Лучшее, что мы можем сделать – облегчить ее боль, ее страдания.

Я поняла, о чем он, но не знала, смогу ли справиться – наперекор всему, чему меня учили. Но, держа умирающее тело Атеи на руках, я осознала – это не просто правильный, а единственный выход.

– Иди, принеси мою сумку. Скорее!

Уэстри вернулся с моей сумкой и достал морфий – в войну его держала под рукой каждая медсестра. Препарата было достаточно, чтобы успокоить 120-килограммового мужчину или отправить девушку весом в 50 килограммов ко вратам рая.

Я поцеловала Атею в лоб и ввела ей в руку первую дозу, растерев место укола.

– Вот и все, – прошептала я, пытаюсь сдержать слезы и говорить спокойным, уверенным голосом. – Скоро боль пройдет. Расслабься.

Дыхание стало поверхностным. Когда я ввела вторую дозу, глаза Атеи закрылись, веки задрожали и закрылись. Я измерила пульс и приложила ухо к сердцу.

– Она умерла, – сообщила я Уэстри со слезами на глазах, – их больше нет. Как он мог это сделать? – воскликнула я. – Как мог?

Уэстри положил тело Атеи на песок и помог мне подняться на ноги.

– Я должна была ее спасти, – рыдала я, уткнувшись ему в грудь, – я обещала ее защищать. Обещала.

Уэстри покачал головой:

– Ты сделала все, что могла. Помогла ей мирно уйти.

– Но что он сделал? – Меня переполнял гнев. – Как он мог?

Я повернулась к пляжу, по которому всего несколько минут назад бежал убийца – вероятнее всего, это все-таки был Ланс. Я вырвалась из рук Уэстри и побежала в том же направлении.

Но Уэстри догнал и остановил меня, крепко схватив за талию. Я споткнулась, упав на холодный песок, попыталась освободиться и снова встать, но Уэстри был гораздо сильнее меня.

– Анна, остановись, – попросил он. – Ты не можешь.

– Что значит, не могу? – крикнула я, швырнув горсть песка в сторону пляжа, где скрылся убийца. – Мы только что видели, как он убил женщину

и ребенка. Мы должны найти его, Уэстри. Отвести к полковнику. Он должен ответить за это.

Уэстри опустил на колени и погладил меня по лицу, стирая слезы.

– Послушай, – мягко сказал он, – сегодня ночью случилась трагедия. Но ты должна мне поверить и никому не говорить о том, что мы видели.

– Ерунда. Произошло убийство, и мы должны о нем рассказать. Добиться справедливости.

– Мы не можем, – пробормотал Уэстри. В его голосе слышалась беспомощность. – Он совершил нападение. Мы – убийство.

– Это неправда.

– Но, по сути, именно так и произошло. К тому же, если тайна откроется, может произойти нечто гораздо худшее.

Что ему известно? Что он скрывает?

Я встала, отряхнув с платья песок.

– Не понимаю. Как я вернусь на базу, зная, что там разгуливает убийца?

Уэстри посмотрел мне в глаза.

– Сегодня, – сказал он, указывая на бунгало, – ты сказала, что любишь меня. Что хочешь провести со мной вечность.

Я кивнула.

– Ты можешь мне поверить?

Я растерянно подняла руки.

– Уэстри, я просто, я...

– Пообещай, что никому не расскажешь об этом. Однажды ты поймешь. Обещаю.

Мы обернулись, чтобы в последний раз посмотреть на Атею. Даже в смерти она была прекрасна и кротка. Я глубоко вздохнула и посмотрела на мужественное лицо Уэстри. План казался сомнительным, но я должна ему доверять. Раз он сказал, что так нужно, мне не следует сомневаться.

– Я никому не скажу, – прошептала я.

– Хорошо. – Он погладил меня по щеке. – Нам нужно похоронить ее до заката.

Глава 12

Погребение не было достойно короткой, красивой жизни Атеи, мы похоронили ее в нескольких метрах от бунгало, выкопав могилу под плюмерией. К счастью, у нас была лопата – Уэстри принес ее неделей раньше, надеясь переделать одну из несущих балок. Он целый час выкапывал могилу. Сначала я наблюдала за работой, но потом ускользнула на пляж, не в силах переносить звук врезающейся в землю лопаты.

Ступив на песок, я опустилась на колени. Мне еще ни разу не приходилось видеть такого ужаса. Я согласилась поверить Уэстри, но сердце требовало справедливости. Я вновь и вновь прокручивала в голове произошедшее, надеясь отыскать какую-нибудь улику, упущенную деталь, и вдруг вспомнила про нож.

Ланс бросил его в кусты, прежде чем убежать. Я вспомнила, как в лунном свете блеснула сталь. Если я найду нож, то смогу доказать, что это сделал он.

Я побежала к бунгало, взяла фонарь и осторожно направилась к краю джунглей. Вдалеке кричали и завывали звери. В кустах шуршал ветер. То, что раньше казалось приютом красоты и безмятежности, стало прибежищем зла. Мне захотелось повернуть назад, но я себя пересилила. Атея. Помни об Аtee. Я шагнула вперед и начала поиски. Казалось, мои шаги раздаются все громче и громче.

Я осветила тропу фонарем. Он где-то здесь. Еще немного. Рядом проползла змея, я охнула и отступила назад. Анна, не останавливайся. Я оглянулась назад, на пляж, и попыталась рассчитать, на какое расстояние мог отлететь нож. Заметив большую пальму, я решила поискать там. Он должен быть где-то тут.

Но уже через несколько минут я заподозрила, что джунгли поглотили нож, став соучастником страшного преступления. Я прислонилась к пальме, поставила на землю лампу и вдруг услышала тихий звон.

Сев на колени, я сразу заметила знакомый блеск и трясущимися руками подняла с земли залитый кровью нож. Приподняв фонарь, я прочитала на зеленой армейской рукоятке: *Часть 432, Номер 098.*

– Анна? Анна, ты где?

Голос Уэстри приглушала лесная чаща. Как долго меня не было? Что он подумает, увидев, что я ищу нож, особенно после того, как я пообещала полностью ему довериться?

– Анна? – Его голос раздался ближе. Я приподняла подол платья, оторвала кусок светло-голубой материи, быстро обернула им нож, вырыла голыми руками довольно глубокую ямку и спрятала там оружие. Потом лихорадочно прикрыла ее грязью и листьями и вскочила на ноги, как раз успев все сделать к приходу Уэстри.

– Ах, вот ты где. Что ты здесь делаешь? Я беспокоился.

– Да так... Просто решила прогуляться, подумать, – ответила я, вытирая о спину грязные ладони.

– Пойдем. Понимаю, ночка не из легких, но мы должны... – он замялся, подбирая нужные слова, – через это пройти.

Я кивнула и последовала за ним к могиле, где подождала, пока Уэстри принесет тело Атеи. Он вернулся, держа ее на руках, и по моим щекам покатались слезы.

Он положил ее тело в могилу. Несколько минут мы стояли молча, потом Уэстри взял лопату, но я остановила его, схватив за руку:

– Подожди.

Я сорвала с соседнего дерева несколько розовых цветков плюмерии и опустила их возле могилы Атеи.

– Она заслуживает цветов, – не отрывая взгляда от лица девушки, пояснила я.

Я разбросала цветы по ее телу и отвела взгляд, когда Уэстри начал засыпать его землей. Смотреть не могла, но заставила себя присутствовать до конца. Потом мы молча направились в лагерь. Наш мир изменился – похоже, навсегда.

Я проскользнула в комнату около трех утра. Китти не проснулась, чему я была очень рада – на мне было рваное, покрытое кровью и грязью платье. Я выскользнула из одежды, бросила платье в мусорную корзину, натянула ночную рубашку и залезла в постель. Но сон не шел. Я знала, что мы не совершали убийство, но меня мучили навязчивые мысли о том, что это мы с Уэстри все равно виноваты в случившемся.

* * *

На следующее утро я проснулась от стука в дверь. Растерянно сев в кровати, я огляделась. Постель Китти аккуратно застелена. Я зажмурила глаза от яркого солнечного света. Который час?

Постучали еще раз, теперь настойчивее.

– Минуточку, – пробормотала я, вылезая из постели. В дверях стояла

Стелла. Она укоризненно на меня посмотрела:

– Анна, посмотри на себя. Спишь до половины двенадцатого. Сестра Гильдебрандт в ярости, велела тебя найти. Твоя смена началась в восемь.

Я глянула на будильник.

– Боже, поверить не могу, уже почти полдень!

Стелла ухмыльнулась, оглядев меня с головы до ног.

– Выдалась бурная ночка? Чем ты занималась – лепила куличики из грязи?

Я оглядела грязные руки и невольно спрятала их в складках рубашки. Меня сразу настигли воспоминания о прошедшей ночи. Убийство. Нож. Соккрытие. Предупреждение Уэстри. Я надеялась, что Стелла не заметит мурашек на моих руках.

– Пожалуйста, передай сестре Гильдебрандт, я сейчас быстро оденусь и тут же приду.

– И не забудь умыться, – с упреком добавила Стелла, развернулась и отправилась прочь.

– Стелла! – крикнула я ей вслед.

– Да?

– Почему меня не разбудила Китти?

– Мне тоже интересно, – отозвалась она, на этот раз без сарказма. – Похоже, с ней что-то не так. Как будто...

– Как будто она больше не моя подруга? – Слова пронзили мое уставшее сердце, словно осколки гранаты.

Стелла взяла меня за руку:

– Не беспокойся, милая. Что бы это ни было, уверена – скоро пройдет.

Я надеялась, что она права.

* * *

После родов между Китти и сестрой Гильдебрандт завязалась какая-то странная дружба. Китти часто задерживалась в лазарете и помогала руководительнице, а на особых заданиях ее имя всегда значилось первым в списке.

Было приятно посмотреть, что Китти преуспевает в работе. В конце концов, именно об этом она всегда мечтала. Здесь она могла сделать нечто значимое. Но чем глубже она погружалась в дела, тем больше отдалялась.

Такое поведение казалось бы оправданным дома, в Сиэтле, но не в зоне боевых действий, среди войны и страданий.

– Полковник в доке сказал Лиз, что обстановка опять накаляется, – сообщила я Китти за ужином. Мы редко говорили о чем-то, кроме войны.

– Да? – ответила она, не отрываясь от книги.

– Как думаешь, опять предстоят непростые смены? – попыталась я растопить лед.

– Наверное, – зевнула Китти. – Ну, мне пора. Надо помочь сестре Гильдебрандт. Я буду в лазарете.

На другом конце столовой я заметила Уэстри, он над чем-то смеялся с Тедом и другими ребятами. Как он может быть таким спокойным и веселым после всего, что мы пережили несколько часов назад?

Я отнесла поднос на кухню и дождалась его на тропинке у кухни.

– Привет, – поздоровался он, встретившись со мной взглядом. Мы прошли несколько шагов к пристани. – Как ты? – украдкой шепнул он.

– Не очень. Не могу забыть вчерашнюю ночь и молюсь, чтобы все это оказалось страшным сном. Уэстри, скажи, что это был просто кошмар.

Он наклонился ко мне:

– Если бы я мог...

– Ты видел Ланса? – прошептала я.

– Нет, – ответил он, беспокойно озираясь, – ты не слышала?

– Что?

– Этим утром он отбыл на специальную миссию.

– Похоже на бегство, – фыркнула я.

Уэстри казался смущенным.

– Нам больше не стоит об этом говорить. Слишком опасно.

Я кивнула, вспомнив паранойю Лиз. Она была уверена, что вся база наспигована скрытыми записывающими устройствами, и предпочитала делиться секретами только в казармах, причем исключительно в душевых комнатах.

– Увидимся вечером в бунгало?

Уэстри потер лоб.

– Я бы с удовольствием, но сегодня работаю допоздна, к тому же после вчерашнего... Я бы предпочел побыть один.

Один? Слово пронзило меня, будто стрела.

– Ясно, – ответила я, не скрывая обиды.

Уэстри попытался смягчить положение улыбкой.

– Я к тому, что мы оба слишком мало спим, надо бы лечь пораньше.

– Ты прав, – все еще в замешательстве пробормотала я.

– Кстати, после всего, что было – ты сможешь туда вернуться?

Наш маленький мир пронзил ужас, но я не была готова к тому, что

Уэстри так запросто отречется от бунгало, от нас.

– Не знаю, – пробормотала я. – Мы пережили там прекрасные моменты, и я не хочу их терять.

– Я тоже.

* * *

Я вернулась в бунгало лишь через неделю, в одиночестве. Уэстри отправили на другую часть острова по каким-то делам. Он не сказал, когда вернется. Но текли дни, и я чувствовала: бунгало зовет меня, притягивает. После особенно долгой смены в лазарете, большую часть которой медсестры провели возле радиоприемника в надежде услышать последние военные новости, я не стала противиться этому зову.

Когда я вышла на пляж, уже наступили сумерки. Проскользнув к кустам, я невольно отшатнулась назад – на ступенях бунгало сидела какая-то фигура.

– Кто там? – позвала я.

Человек встал и направился ко мне. Я попятилась.

– Кто там? – крикнула я, жалея, что не взяла фонарь. Но вот фигура вышла на открытый участок, ее осветила луна. *Тита*.

– Анна, – обратилась она ко мне.

Что она здесь делает? Конечно, ищет Атею. У меня заколотилось сердце. Что я ей скажу?

Женщина выглядела расстроенной и усталой.

– Не хочешь зайти? – предложила я, указывая на бунгало.

Тита посмотрела на хижину таким взглядом, что я поняла – она уже заходила внутрь, возможно, много лет назад. Она покачала головой:

– Ты, наверное, забыла, что я говорила об этом месте. Оно проклято.

Она махнула рукой в сторону пляжа и вышла из чащи. Я в недоумении последовала за ней.

– Садись. – Она предложила сесть неподалеку от места, где недавно лишилась жизни Атея. Я порадовалась, что волны смыли кровь.

Несколько минут мы сидели молча, и, наконец, Тита заговорила:

– Она умерла, я знаю.

Я не нашлась, что ответить, и лишь смотрела на океан, хотя внутри у меня все замерло.

– Я предупреждала, – хмуро проговорила таитянка, – это плохое место. Недоброе. А теперь оно забрало мою Атею, нашу Атею. Знаешь, она ведь

была не такая, как все.

Я тщетно пыталась сдерживать слезы, которые упрямо катились по щекам.

– Ах, Тита, – всхлипнула я, – мне так жаль...

– Успокойся, – сказала она, вставая. – Сделанного не вернешь. Твоя задача – восстановить справедливость.

Что ей известно? Или – что она подозревает? Она видела, где Уэстри выкопал могилу?

Я в замешательстве наблюдала, как она направляется к джунглям.

– Тита! Пожалуйста, подожди. Ты неправильно поняла. Если ты думаешь, что мы...

– Справедливость, – отрезала она, обернувшись в последний раз, – только так ты справишься с проклятьем.

Она исчезла в густой листве, и вскоре чаща поглотила ее. Я вздохнула и скрючилась на песке, обхватив руками колени, как делала в детстве, получив нагоняй от мамы. Ланса на острове нет, – во всяком случае, сейчас, – а японцы не пролетали над нами уже много месяцев. Тогда почему я ощущаю присутствие зла? Я подумала о ноже, покрытом кровью Атеи: он спрятан в нескольких сотнях футов, обернутый в обрывок моего платья. Никто, кроме меня, о нем не знает. Можно предоставить его в качестве улики. Я могла бы добиться справедливости, как сказала Тита. Но как можно плюнуть на убеждения Уэстри?

Я поднялась и направилась к бунгалу, привычным жестом отперла дверь и спрятала ключ в книгу. Воздух внутри показался удушливым и спертым. Я вспомнила о картине под кроватью и наклонилась, чтобы ее поднять. Кто на ней изображен? Бывали ли они в этом бунгалу? Их настигло несчастье, о котором говорила Тита? Или им удалось избежать проклятья?

Я взяла со стола ручку и лист бумаги и села, чтобы написать письмо Уэстри:

«Дорогой Грейсон,

Как бы мне хотелось оказаться в твоих объятьях и забыть об ужасе. Боюсь, что после пережитого я никогда не смогу смотреть на стены бунгало прежним взглядом, и это меня пугает.

У меня есть идея, план. Мы с тобой говорили о будущем лишь в общих чертах, но после войны, когда все закончится, мы могли бы написать руководству и сообщить о преступлении. Возможно, со временем твои сомнения угаснут. У меня есть улика, она снимет с нас подозрение, когда

придет время. Любовь моя, только скажи, когда.

Кое-что еще. Ты уже знаешь, как я люблю тебя, и больше всего на свете мне хочется разделить с тобой свою жизнь, свою судьбу – здесь, на острове, или где ты пожелаешь. Да, любовь моя, я твоя – если ты этого захочешь.

С любовью, вечно твоя,
Клео».

Я сложила лист пополам, просунула под половицу и с глубоким вздохом открыла дверь.

* * *

Два дня спустя Китти, сидевшая с журналом на постели, удивленно подняла голову:

– Ты слышала? Кто-то постучал в окно?

Была половина третьего, но вместо работы в лазарете нас отправили в казармы – в двух милях от берега показался японский крейсер. Китти перебирала четки, листая страницы журнала. Я достала недочитанный роман, начатый еще в первый месяц пребывания на острове. Воздух сковал парализующий страх.

Я покачала головой:

– Ничего не слышу.

Никто не знал, чего ждать. Одна из сестер сказала, корабль направляется в сторону от нас. Другая – что, судя по координатам, он идет прямо на Бора-Бора. Война здесь? На нашем острове? Все делали вид, что не верят в это, но на самом деле знали – атака вполне возможна. Оставалось только ждать.

– За казармами есть подвал, – сказала я. – Стелла считает, нас отправят туда в случае...

Китти вздрогнула:

– Опять этот звук. Кто-то стучит в окно.

Я улыбнулась:

– Китти, я понимаю, что ты волнуешься, но пока японцы еще не добрались до нашего окна.

Китти промолчала. Она встала и подошла к окну.

– Видишь? – победно улыбнулась она. – Это Уэстри. Пытается привлечь наше внимание.

Наше внимание? Я наблюдала, как Китти машет из окна Уэстри. Мне не нравилось, как у нее повышалось настроение в его присутствии.

– Пойду к нему, – ревниво выпалила я и побежала вниз. Выйдя на улицу, я прошептала:

– Привет.

– Почему шепотом? – ухмыльнулся Уэстри.

– Ты не знаешь? Возможно, остров будет атакован японцами.

Уэстри засунул руки в карманы и искоса посмотрел на меня с насмешливой улыбкой:

– Мне нравится твой темперамент. Иди сюда, дай на тебя посмотреть.

Я пробыла в его объятьях дольше, чем обычно позволяла себе на базе, но сейчас это казалось несущественным.

– Уж больно ты спокоен, – парировала я.

Он пожал плечами:

– Если бы ты прошла через то же, что и я, тебя бы тоже мало волновал корабль на горизонте.

– Но что, если они идут сюда?

– Возможно. Но говорить об этом пока рано.

Я вздохнула:

– Мы провели здесь столько месяцев, и вот, перед самым отъездом...

Уэстри погладил меня по подбородку и провел пальцем по лицу. По спине побежали мурашки.

– Пойдем в бунгало, – прошептал он, уткнувшись мне в шею.

– Прямо сейчас?

– Почему бы нет?

– Был приказ оставаться в казармах, – слабо запротестовала я.

Уэстри посмотрел на меня большими ореховыми глазами.

– Но, возможно, это наша последняя возможность вместе побыть в бунгало до того, как...

Никто не знал, что произойдет дальше, и я поняла: это действительно важно.

– Хорошо.

– Если повезет, получится проскользнуть сквозь джунгли незамеченными.

– Думаешь, там безопасно?

– Если что, мы увидим корабль с пляжа и успеем вернуться.

Я вздохнула, вспомнив, как полковник Донехью избил Уэстри в бараках.

– Тебе ведь за это попадет?

– Возможно, – его глаза блеснули в вечернем солнце, – но это не важно.

Он взял меня за руку, и я бросила взгляд на второй этаж. У окна маячила фигура Китти. Я указала в сторону пляжа и помахала рукой, в надежде, что она поймет. Но подруга отвернулась.

* * *

Уэстри отпер дверь бунгало, мы вошли внутрь и с облегчением вздохнули.

– Мы как беглецы, – сказала я.

– Так и есть.

Он положил руки мне на талию.

– Уэстри?

– Да, милая?

– Я была здесь несколько дней назад и испугалась.

– Чего?

– Приходила Тита.

– Тита?

– Пожилая женщина, с которой жила Атея. Она шаманка, духовная наставница. Я не уверена, но, похоже, она знает насчет Атеи.

– Откуда?

– Не знаю. Она опять предупредила меня о проклятии. Сказала, что единственный способ его разрушить – восстановить справедливость.

Уэстри вздохнул:

– Не верю ни слову.

– Почему не поверить? Она знает это место лучше, чем мы.

– Вы обе не понимаете – восстановление справедливости может привести к куда более серьезным последствиям, чем наше чувство вины.

Уэстри сел на старый деревянный стул. Я впервые заметила в его взгляде что-то таинственное. Ему было нелегко хранить тайну, но он держался твердо.

– Как тебя убедить, что мы не можем искать справедливости? Во всяком случае, той, о которой говоришь ты. Случилось так, как случилось. Всё, точка.

Я кивнула и взяла его за руку. Было глупо ссориться в этот вечер. Я выглянула в окно и разглядела вдали корабль.

– Он еще там.

Уэстри прижал меня к себе, и я вспомнила о письме, где призналась ему в своих мечтах о будущем. Он прочитал? Он тоже хочет провести со мной жизнь? Я судорожно вздохнула:

– Уэстри?

– Да, любовь моя?

– Ты получил письмо?

– Нет. Я давно здесь не был.

Он направился к половице, но я удержала его.

– Подожди, – застенчиво попросила я, – спрячешь в карман, когда будем уходить. Я хочу, чтобы ты прочитал его без меня.

– Плохие новости?

– Нет, нет. Просто подожди.

Он кивнул, крепко прижав меня к себе, а потом включил маленький приемник, и снова заиграла французская радиостанция. Обнявшись, мы начали танцевать.

– Не будем думать ни о чем, кроме нашей любви.

– Хорошо, – прошептала я.

Его слова, подобно магии, рассеяли войну, беспокойство о Китти, жуткое убийство на берегу. Бунгало вновь принадлежало только нам двоим.

* * *

Вскоре после заката Уэстри поцеловал меня в щеку.

– Похоже, нам пора.

Я чувствовала его беспокойство. Не знаю, было ли дело в приближающемся враге или пугающем осознании скорой разлуки, но наше время подходило к концу.

– Наверное, – согласилась я, задумавшись о том, что будет, если мы останемся в бунгало и на остров нападут японцы.

Я встряхнула платье и поправила прическу.

– Не забудь письмо.

– Конечно. – Он наклонился и залез под половицу. – Но какое письмо? Тут ничего нет.

– Глупости. – Я села рядом с ним. – Конечно, есть. Может, оно куда-нибудь завалилось?

Я засунула руку под половицы, но, к моему ужасу, даже в глубине ничего не обнаружила.

– Боже, Уэстри. Его нет.

– Как нет? Никто не знает о тайнике – если ты никому не рассказала.

– Конечно, я никому ничего не рассказывала.

Где-то в океане сверкнул огонь, и Уэстри забеспокоился сильнее.

– Потом разберемся. Я должен проводить тебя назад.

Дверь со скрипом закрылась, и Уэстри запер ее.

– Вернемся через джунгли. Так безопаснее.

Я кивнула и взяла его за руку. Идя сквозь чащу, я думала о письме. Кто и зачем забрал его? У нас осталось так мало времени... Я хотела, чтобы Уэстри знал о моих чувствах и надеждах. Будет ли возможность ему сказать? Взаимно ли это?

Но когда мы подошли к базе, я больше не думала о письме. Меня волновало совсем другое.

– Уэстри, – в панике прошептала я, подойдя к женским казармам, – мы должны вернуться!

– Почему? – удивился он.

– Картина. Мы забыли картину.

– Заберем потом.

– Нет! Тот, кто забрал письмо, мог взять и картину.

На мгновение Уэстри заволновался, но потом покачал головой:

– Нет. Тогда картины бы уже там не было.

– Но у меня плохое предчувствие. Невыносимо думать, что ее тоже украдут. Ее надо передать в музей, в галерею, где все будут любоваться ею.

– И мы обязательно ее туда доставим. Как только минует опасность. Обещаю. Я принесу ее.

– Обещаешь?

– Да. – Он чмокнул меня в нос.

Я повернулась к казармам.

– Будь осторожен.

– Ты тоже.

* * *

– Вот ты где! – прошептала сестра Гильдебрандт. Даже шепот в ее устах походил на крик. – Мне некогда выслушивать твои объяснения и отчитывать тебя, скажу только одно – ты последняя, кто спускается в убежище. Японцы на подходе. Полковник приказал женщинам спрятаться. Надо торопиться.

С колотящимся сердцем я последовала за сестрой Гильдебрандт вниз

по ступенькам. Я потрогала место на платье, куда обычно прикрепляла булавку с розой, ту, что Китти подарила мне еще в Сиэтле, но не обнаружила ее. Она *пропала*, хотя еще утром была на месте. Я резко остановилась.

– Чего ты ждешь? – выпалила сестра Гильдебрандт.

Я растерянно посмотрела на ступеньки и обернулась.

– Просто кое-что потеряла, – пробормотала я. – Кое-что важное.

– А жизнь для тебя важна?

Я вяло кивнула.

– Тогда пойдем. Нам нужно в подвал.

Как я могла потерять булавку? Я представила, как она лежит на пляже, в песке, и волна уносит ее в океан. Меня передернуло при мыслях о Китти. Это знак: дружбе пришел конец?

Мы с сестрой Гильдебрандт спустились вниз, она заперла дверь, подняла коврик и открыла люк в полу.

– Ты первая, – указала она на темную дыру.

Я разглядела лестницу, ведущую в полумрак, где мерцало несколько фонарей. Добравшись до пола, я увидела Лиз, Стеллу и нескольких других девушек.

– Китти? – позвала я. – Ты здесь?

Никто не ответил. Я взволнованно повернулась к сестре Гильдебрандт.

– Там, – сказала она, указав на одинокий огонек в дальнем правом углу.

– Китти.

Я направилась к ней и, наконец, смогла разглядеть маленькое, испуганное лицо и растрепанные кудри. Китти с потерянным видом прижималась к стене.

– Я волновалась, что тебя нет, – всхлипнула она, утирая слезы.

Я села рядом и взяла ее за руку:

– Я здесь.

* * *

Никто не знал, что творится наверху. Часа через два, около полуночи, сестра Гильдебрандт велела Стелле помочь раздать провизию – воду и консервированные бобы. Хватит на несколько дней, даже недель. Я подумала о перспективе жизни в темноте и питании консервами, и меня передернуло.

– Держи. – Стелла протянула мне флягу. Я сделала большой глоток и с трудом проглотила воду. Привкус ржавчины.

Вдруг наверху раздались шаги. Мы все окаменели.

– Сестры, – прошептала сестра Гильдебрандт, потянувшись к висящей на стене винтовке, – выключите свет.

Мы подчинились и слушали в темноте, как шаги становятся все громче, все ближе. Послышался глухой стук, крышка люка со скрипом поднялась. Я сильнее сжала руку Китти. *Господи. Японцы здесь.*

Но вместо чужого языка слышался знакомый голос:

– Сестры, все чисто. Корабль повернул на запад. Можете выходить.

Все радостно закричали – все, кроме Китти, она просто молча таранилась в пространство.

– Пойдем, милая, – сказала я. – Все закончилось. Можем идти.

Подруга выглядела изумленной, словно я разбудила ее ото сна. Когда она включила фонарь, я увидела в глазах знакомый туман. Отстраненность.

– Конечно, – ответила она, встала и направилась к выходу.

* * *

– Не верится, что мы уезжаем уже завтра, – на следующее утро радовалась в столовой Лиз.

Завтра. Этого дня я боялась с того момента, как влюбилась в Уэстри. Прощание с островом означало конец нашего мира и начало нового – как я опасалась, гораздо более страшного.

– Мужчины выдвигаются утром, – добавила Стелла. Ей тоже не нравилось, что Уилл продолжит службу в Европе. – Я подумала, что, отправляясь служить в Европу, я буду к нему ближе. Если...

Я покачала головой. Война уже сказала на Стелле – девушка ужасно похудела. Ей нужно домой, и для нее это более необходимо, чем для многих из нас.

– Этим ты его не защитишь, – возразила я. – Езжай домой, жди его там.

Она кивнула.

– Ты веришь Китти? Говорят, она собирается во Францию, в самое пекло. Присоединяется к группе, отправленной в Нормандию.

У меня загорелись щеки. Во Францию? Почему она не рассказала мне? Думает, мне все равно?

– Вот, легка на помине, – кивнула на входную дверь Стелла.

В столовой появилась Китти. Она улыбалась, ее щеки, как и прежде, приобрели изумительный розовый оттенок. Она подошла к нам, и я увидела в ее руке букет из желтого гибискуса.

– Доброе утро, девушки, – поздоровалась она. – Как завтрак?

Я почувствовала на себе пристальный взгляд Стеллы.

– Отлично, – отозвалась Лиз, не замечая повисшего в воздухе напряжения, – если ты любишь резиновые яйца.

Китти хмыкнула и положила на стол цветы, перевязанные белой лентой.

– Красивые, правда? – Она с восхищением залюбовалась ярко-желтыми лепестками на бежевой скатерти. Я, разумеется, сразу узнала эти цветы – они росли рядом с бунгалом.

– Так-так, – сказала Стелла. – Похоже, у кого-то появился поклонник.

– Ой, Стелла, – игриво смутилась Китти.

– Тогда где ты их взяла? – безжалостно продолжала Стелла. Я желала только одного: чтобы она замолчала. Я не хотела ничего знать.

Китти улыбнулась и направилась к раздаточной. Стелла прокашлялась и ухмыльнулась.

– Помнишь, о чем я предупреждала еще в первый день?

Я резко встала и направилась к двери.

– Анна, – крикнула Стелла, – подожди. Я не хотела. Вернись.

Направляясь к казармам, я прокрутила в голове события прошедших недель, и меня бросило в жар. Я вспомнила, как оживлялась Китти всякий раз, когда появлялся Уэстри, и как отстранялась от меня. Конечно! *Kitti* равнодушна к Уэстри.

Меня будто гром поразил. Он разделяет ее симпатию? Все мужчины – за исключением Герарда – всегда предпочитали Китти, а не меня. Ее всегда первую приглашали на танец.

Письмо. Боже. Уэстри мало беспокоило, что его мог кто-то забрать. Он решил, что его украли, не желая принять мое признание в любви, надежду на совместное будущее?

Я пнула камень и покачала головой, пытаясь отогнать дурные мысли. Нет, мне нельзя об этом думать, не сейчас. Завтра мы уезжаем. У нас осталось несколько часов. Нет времени на всякую чепуху.

* * *

– Вот и все, – вздохнула Китти на следующее утро после завтрака. Она

наклонилась, чтобы застегнуть сумку, которая почему-то казалась меньше того огромного тюка, который я втащила в комнату десять месяцев назад. Китти тоже оставила свою частичку на острове.

– Я улетаю через час, – отстраненно сообщила она, глядя в окно, на зеленые холмы. Она часто туда смотрела. Интересно, что ее так влекло?

– Мы с сестрой Гильдебрандт завтра присоединимся к отряду, который направляется во Францию. А потом...

Она замолчала. Китти во Франции. *Совсем одна*. Эта мысль ужасала меня, как когда-то ужасала мысль о том, что она в одиночку поедет сюда, на южный остров. Не важно, какие чувства она питает к Уэстри. Я знала, что где-то в глубине, под крепкой броней, образовавшейся от эмоциональных травм, все еще скрывалась моя подруга. Но на этот раз я с ней не поеду.

– Ах, Китти! – воскликнула я, вскочив на ноги. Вот бы к ней пробиться. – А я и не знала! Как же так получилось?

Китти пожала плечами, взяла сумку и посмотрела на меня долгим взглядом.

– Наверное, так решил остров, – наконец пробормотала она.

– Нет, Китти, не говори так. – В моем голосе ощущались панические нотки. Наша дружба завершалась. Я задумалась о том, какая я была подруга для Китти. Я могла проводить с ней больше времени. Лучше поддерживать в последние недели беременности – но разве я не помогала? Главное – надо было с самого начала быть честной и рассказать ей о бунгало, ну, и вообще обо всем. Я не делилась с ней своими секретами – хотя обещала совсем другое.

– Китти, – взмолилась я, – я все та же Анна. Уверена – в глубине души ты тоже все та же Китти. Я хочу одного – чтобы мы по-прежнему были подругами.

Она посмотрела на меня незнакомым взглядом. Ее глаза казались усталыми, постаревшими, ожесточенными.

– Я тоже, – неожиданно мягко ответила она, отвернувшись. – Но, боюсь, сейчас это уже невозможно.

Я кивнула, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы.

– До свидания, Анна, – не глядя на меня, попрощалась Китти. Ее тон был слишком сухим. Так она говорила с прислугой в доме или с продавцами в магазинах. Мне хотелось крикнуть: «Китти, немедленно остановись! Давай все вернем». Но я стояла молча, чересчур изумленная и расстроенная, чтобы произнести хоть слово.

– Удачи тебе, – бросила она, – во всем.

Дверь закрылась, воцарилась тишина. Я разрыдалась. Как она могла

так уйти? Почему была так холодна?

Когда часы пробили одиннадцать, я заставила себя подняться. Я обещала Уэстри попрощаться перед отлетом, а его рейс через полчаса, сразу после моего.

Я поставила сумку у двери, глянула в зеркало на красные, опухшие глаза и едва себя узнала.

* * *

Сначала я испугалась, что не найду его среди густой толпы солдат в зеленой форме. Маленький отряд остался на острове, но большая часть военнослужащих – в том числе и Уэстри, – отправилась на новые места службы. Франция. Великобритания. И лишь немногие счастливицы вроде меня уезжали домой.

Я, прищурившись, всматривалась в лица солдат, и, наконец, наши взгляды встретились.

Не обращая внимания на громкоговоритель, призывающий сестер подниматься на борт самолета, я оставила сумку возле Стеллы и Лиз и побежала к Уэстри. Он обнял меня, мы поцеловались.

– Не плачь, любовь моя, – сказал он, вытирая с моей щеки слезу, – мы не прощаемся.

– Прощаемся, – возразила я, проведя рукой по его гладко выбритой щеке. – Никто не знает, что случится потом.

Последнее в равной степени относилось к нам обоим.

Уэстри кивнул, вытащил из сумки букетик желтого гибискуса и протянул его мне. Цветы стягивала белая лента. *Китти*.

– Эти цветы, – запнулась я. – Вчера ты подарил такие же Китти, да?

Уэстри смутился, потом кивнул:

– Да. Я...

По громкоговорителю раздался другой голос:

– Солдаты, поднимаемся на борт.

– Уэстри, – в панике заговорила я, – ты ничего не хочешь мне рассказать? О Китти?

Он на мгновение опустил взгляд.

– Ничего важного, но все равно надо было рассказать тебе об этом. Несколько недель назад я нашел ее на берегу, она плакала. Я шел в бунгало и позвал ее с собой.

Уэстри отвел ее в наше бунгало – одну, без меня? Я изумленно

смотрела на него.

– Почему ты не рассказал? И почему она не сказала?

– Прости, Анна. Я не придавал этому значения.

Я посмотрела на самолет. Стелла отчаянно махала руками.

– Анна! – крикнула она. – Нам пора!

Я в последний раз посмотрела на Уэстри. Ветер трепал его волосы. Мне хотелось провести пальцами по соломенным волосам, как я тысячу раз делала в бунгало, вдохнуть аромат кожи, прижаться покрепче. Но что-то меня остановило.

– Прощай, – прошептала я Уэстри на ухо, прикоснувшись щекой к щеке. Потом нащупала его ладонь, вложила в нее цветы и побежала к самолету.

– Анна, подожди! – крикнул Уэстри. – Картина. Ты ее забрала?

Я похолодела.

– Что ты имеешь в виду? Ты же сказал, что сам заберешь ее.

Уэстри развел руками.

– Прости, Анна, – пробормотал он, в глазах мелькнула паника. – Я хотел вернуться, но не было времени. Я...

Отряд Уэстри уже загрузился, к нам направлялся командир. Я повернулась к пляжу и задумалась – если быстро бежать, успею ли я добраться до бунгало и вернуться?

– Прошу, – взмолилась я, глядя на Стеллу. Она стояла у лестницы, ведущей в кабину пилота. – Скажи пилоту, мне нужно еще пятнадцать минут. Я оставила кое-что на базе. Я быстро, обещаю.

Позади нее появился пилот.

– Простите, мадам, у нас нет времени, – твердо сказал он. – Мы должны вылетать немедленно.

Я взошла по трапу, с трудом переставляя ноги. Прежде чем помощник пилота захлопнул дверь, мы встретились взглядом с Уэстри. Я не слышала его слов из-за рычания мотора, но смогла прочитать по губам.

– Прости, пожалуйста, – говорил он, – я вернусь. Не волнуйся, Анна. Я...

Дверь захлопнулась, я так и не узнала конца фразы. И не важно, решила я, утирая слезы платком. Все кончено. Магии бунгало больше нет, ее волшебство улетучивалось, пока самолет набирал скорость и высоту. Я наблюдала, как уменьшается остров, превращаясь в точку на карте. Точку, где столько всего произошло и где все мы оставили частичку своей души.

Ко мне наклонилась Стелла:

– Будешь скучать?

– Да, – честно призналась я.

– Как думаешь, ты вернешься сюда? – осторожно спросила она. – Мы с Уиллом думаем приехать сюда. Конечно, уже после войны.

Я снова посмотрела в окно, на изумрудную точку посреди бирюзового моря.

– Нет, – твердо ответила я, – сомневаюсь.

Я сжала медальон, который висел у меня на груди, и с нежностью и благодарностью подумала о кусочке дерева из бунгало, спрятанном внутри. Мое сердце всегда будет хранить любовь.

Глава 13

– Мы скучали, детка, – сказал папа, когда я залезла в машину. К счастью, на заднем сиденье не было Максина. Даже месяцы спустя мне было нелегко принять их отношения, ведь из-за этого разрушилась наша семья.

Я вздохнула, откинувшись на мягкое кожаное сиденье «Бьюика», и мы тронулись в сторону дома. Здесь не будет джипов, дорог из гравия и колдобин.

– Как хорошо возвращаться домой.

Я глубоко вдохнула мягкий воздух Сиэтла. Обратный путь меня измотал – несколько перелетов, четыре дня в море. Было время все обдумать, упорядочить мысли, но когда я вышла из самолета в Сиэтле, меня просто трясло от неопределенности.

– Герард дома, – осторожно сообщил папа, прощупывая почву.

Я опустила взгляд на свои руки, которые ласкали Уэстри и все еще любили его. Руки предательницы.

– Он хочет меня видеть?

– Милая, ну конечно. Похоже, главный вопрос – *хочешь ли его видеть ты?*

Видит меня насквозь. Как всегда.

– Не знаю, папа, – пробормотала я, на глаза навернулись слезы. – Я больше не знаю, чего хочу.

– Иди сюда, милая, – сказал он. Я пододвинулась ближе, и он обнял меня одной рукой, успокаивая. Мне очень хотелось верить в то, что все будет хорошо.

* * *

Уиндермир не изменили ни время, ни война. Но, проезжая знакомые дома, я понимала, что внешний вид обманчив. У дома Ларсонов все еще зеленела красивая лужайка, и цвел роскошный сад с изящными урнами и фонтаном, но я знала – каждый уголок наполнен здесь горем. Близнецы не вернулись. Терри убит в бою под Марселем, Ларри погиб в авиакатастрофе два дня спустя – он ехал домой, чтобы поддержать мать.

Дом Годфри тоже сохранил прежний лоск. Проезжая мимо, я

задержала дыхание, вспомнив вечер помолвки, лицо Китти, наши планы. Если бы я знала, как все обернется, поехала бы с ней на остров?

– Он вернулся в пятницу, – сообщил папа. – Его отправили немного раньше из-за отпуска по ранению.

Я похолодела.

– Отпуска *по ранению*?

– Да. Его ранили в руку и плечо. Возможно, левая рука уже никогда не восстановится, но в общем контексте войны это не так страшно.

Я разволновалась. Папа прав. Ребята становились калеками, умирали. Ранение Герарда не так уж серьезно, но почему-то я все равно заплакала.

– Не плачь, милая. С ним все будет в порядке.

– Знаю, – всхлипнула я. – Просто...

– Нелегко это принять. Понимаю.

– Эта война... Она изменила все, изменила всех нас.

– Так и есть, – торжественно сказал папа и повернул на знакомую улицу. Разумеется, здесь ничего не изменилось. Но я знала: на самом деле все иначе. Уже никогда не будет так, как прежде.

* * *

В дверь спальни тихонько постучали. *Где я?* Я села и попыталась сориентироваться. Старые кружевные занавески. Большая кровать. Да, дома. Но который час? Какой сейчас день? За окном темно, значит, уже вечер. Сколько я проспала? По крыше стучал дождь, и я закрыла глаза, вспомнив тропические ливни и как мы с Уэстри принимали душ прямо на пляже. Я все еще чувствовала его объятия, аромат его влажной кожи. Я закрыла глаза. Неужели *это был просто сон?*

Я закуталась в одеяло, не обращая внимания на то, что в дверь снова постучали. Я не хочу видеть Максина. Не сейчас. Уходи. Пожалуйста, уходи. Оставь меня с воспоминаниями.

Через несколько мгновений под дверь подсунули листок бумаги. Сначала я пыталась сделать вид, что не вижу его, но все-таки он привлекал мое внимание. Я с трудом села, потом встала, подошла к двери и подняла записку.

На бежевом листке бумаги я увидела знакомый почерк:

«Дорогая Антуанетта,

Я знаю, тебе больно. Мне тоже. Позволь тебя утешить.

Максин».

Я положила пальцы на холодную ручку и медленно ее повернула. Приоткрыв дверь, я увидела, что в коридоре стоит Максин. Волосы убраны в обычную прическу. Вокруг талии аккуратно повязан выглаженный передник. В руке поднос с сэндвичами. В стеклянной вазочке стоит роза, а из глиняной кружки поднимается пар. Я вдохнула аромат бергамота и отпустила ручку.

– Максин! – заплакала я.

Она поставила поднос на прикроватный столик и обняла меня. Слезы текли ручьем, хлынув из глубин моего сердца таким потоком, что я засомневалась, смогу ли остановиться.

– Выпусти все, – прошептала она, – не держи в себе.

Когда слезы иссякли, Максин протянула мне платок и чашку чая, и я села, притянув колени к груди.

– Можешь ничего не говорить, – мягко сказала она, – если не хочешь.

Я впервые заглянула ей в глаза и увидела боль.

– Мне так жаль, что я написала тебе то письмо. Не следовало этого делать. Тебе должен был рассказать отец. Это не мое дело.

Я сжала холодные пальцы Максина.

– Ты все честно мне рассказала и правильно сделала.

– Ты когда-нибудь сможешь простить меня? – Из-за акцента голос казался еще растерянное, еще неуверенное. – Будешь ли любить так, как прежде?

Я глубоко вздохнула.

– Максин, я по-прежнему тебя люблю.

У нее заблестели глаза.

– А теперь ешь сэндвичи и расскажи про остров. Я чувствую, тебе есть о чем поведать.

Я кивнула, готовая рассказать ей обо всем. Ну, или почти обо всем.

* * *

На следующий день небо очистилось и выглянуло июньское солнце. На душе стало легче.

– Доброе утро, Антуанетта, – прощебетала с кухни Максин, – завтрак на столе.

Я улыбнулась и села за стол, разглядывая тарелку: свежие фрукты,

хлеб с маслом и омлет – настоящий пир по сравнению с едой на острове.

Максин сняла передник и села с нами за стол. Папа погладил ее по щеке, и я поняла, что мне все-таки понадобится время, чтобы окончательно привыкнуть к их отношениям. Как там мама?

– Папа, – осторожно начала я, – есть новости от мамы?

Максин опустила вилку. В воздухе повисло напряжение.

– Да, – ответил он. – Она в Нью-Йорке, милая. Ты ведь знаешь. Уверен, она тебе писала. – Он достал из кармана клочок бумаги. – Просила тебя позвонить по этому номеру. Хочет, чтобы ты приехала. Когда будешь готова.

Я взяла бумажку и положила рядом с тарелкой. Разумеется, мама ходит по магазинам, посещает показы мод. Но счастлива ли она?

– Утром звонил Герард. – Папа был рад сменить тему.

– Да?

– Он заглянет сегодня.

Мои руки инстинктивно потянулись к медальону.

– Хорошо, – ответила я, ища взглядом поддержки Максина, – я с ним увижусь.

Улыбка Максина подсказала, что я приняла верное решение. Первый шаг в новой жизни – увидеться с Герардом и признать наше совместное будущее. Я провела рукой по пальцу, где когда-то было помолвочное кольцо, и вздохнула.

– Отлично, – отозвался папа, – я попросил его прийти к двум.

* * *

Подъехала машина Герарда, я услышала его шаги по дорожке. Внутри все замерло. Что я ему скажу? Как мне себя вести?

В комнату проскользнула Максина и указала в сторону лестницы.

– Он здесь, Антуанетта, – мягко сообщила она. – Ты готова?

Я поправила прическу и направилась к ступеням.

– Да.

Первый шаг, потом второй. Я слышала, как внизу Герард разговаривает с папой. Неожиданно, но внутри все затрепетало. Третий, четвертый. Голоса умолкли. Пятый, шестой шаг. Вот он, стоит внизу, смотрит на меня с такой любовью и нежностью, что я не в состоянии отвести взгляд.

– Анна!

– Герард! – Мой голос дрогнул. Его левая рука безжизненно покоилась

в бежевой повязке.

– Так и будешь стоять там или поцелуешь раненого солдата?

Я ухмыльнулась, стрелой слетела вниз, прямо в его объятия, и запечатлела на щеке легкий поцелуй, как будто мы расстались только вчера.

Папа закашлял и посмотрел на Максина.

– Не будем мешать, – улыбнулся он. – Наверняка вам есть что обсудить.

Прикрыв двери, Герард взял меня за руку, подвел к дивану в гостиной и сел рядом.

– Боже мой, ты не представляешь, как я скучал по тебе... Словами это не передать.

Я и забыла, насколько он удивительно, безупречно красив.

– Прости, что редко писала, – вздохнула я.

– Ну, что ты... Понимаю, было не до того.

Если бы он знал истинную причину, смог бы меня простить?

– Твоя рука, – сказала я, нежно коснувшись его плеча. – Ах, Герард. Папа сказал, она может не восстановиться.

Он пожал плечами.

– Я мог там умереть. Все вокруг погибали. Все, кроме меня. Сам не понимаю, как я выжил.

Герард стал другим. Более благородным.

Он потянулся к моим ладоням и замер, заметив, что на левой руке нет кольца.

– Герард, я...

Он покачал головой:

– Можешь не объяснять. Мне пока достаточно того, что ты здесь, рядом со мной.

Я положила голову ему на плечо.

Сентябрь 1944

– Можешь поверить, что я выхожу замуж? – спросила я у Максина, любясь белым шелковым платьем, привезенным мамой из Франции еще до войны.

– Ты прекрасна, Антуанетта, – заверила она, закрепляя на лифе булавку. – Вот здесь надо будет чуть-чуть подшить. Ты что, похудела?

Я пожала плечами:

– Нервы.

– Тебя что-то тревожит, милая? Расскажи.
Я не успела ответить – зазвонил телефон.
– Я подойду, – поспешила я вниз. – Наверное, это Герард.
– Привет, – бодро поздоровалась я, слегка запыхавшись. – Ни за что не догадаешься, что на мне надето!
В трубке что-то затрещало.
– Анна? – раздался знакомый женский голос. – Анна, это ты?
– Да. Кто это?
– Это я, Мэри.
– Мэри! Боже, как ты?
– Нормально. У меня мало времени, так что я быстро. Боюсь, у меня плохие новости.
У меня внутри все замерло. *Мэри. Плохие новости.*
– Что случилось?
– Я в Париже. Оказалась здесь из-за Эдварда, но это другой разговор. Ты, наверное, слышала об освобождении города.
– Да. – Я все еще была ошарашена неожиданным звонком.
– Это чудо, Анна. Союзники здесь. В какой-то момент мы думали, что этого никогда не случится... – Она на мгновение умолкла. – Я хотела сказать, что видела сегодня в военном госпитале Китти, и...
Я часто думала о Китти, особенно теперь, накануне свадьбы. Напоминание о подруге взбудоражило старые раны.
– Мэри, она в порядке?
– Да. Но Анна... Уэстри...
Вокруг все поплыло, и я села, ощутив укол булавки на платье.
– Анна, ты слушаешь?
– Да, – слабо ответила я, – слушаю.
– Его ранили. Он оказался среди тех, кто штурмовал город. Его отряд был разбит. Большинство погибло. Но он выжил...
– Боже, Мэри, все очень плохо?
– Точно не знаю. Но судя по всему... Дела неважно, Анна.
– Он в сознании?
В трубке снова что-то затрещало.
– Мэри, ты еще на связи?
– Я здесь. – Голос звучал неровно и отдаленно. Я знала, связь может прерваться в любую минуту. – Ты должна приехать. Увидеть его, пока...
– Но как? – в панике воскликнула я. – Пути перекрыты, тем более в Европу.
– Я помогу. Есть ручка и бумага?

Я бросилась к серванту и достала блокнот. Увидев мамин почерк, я поняла, насколько по ней соскучилась. Надо съездить в Нью-Йорк.

– Да, готово.

– Запиши код. A5691G9NQ.

– Что это значит?

– Это дипломатический код. С ним ты можешь сесть на корабль, отходящий из Нью-Йорка в Париж через четыре дня. А когда доберешься, приезжай ко мне на квартиру: три сорок девять, Сен-Жермен.

Я записала адрес и покачала головой:

– Думаешь, сработает?

– Да. Если попадешь в беду, назови имя Эдварда Нотона.

Я изо всех сил вцепилась в трубку, пытаясь оставаться на связи.

– Спасибо, Мэри.

Но звонок прервался.

* * *

– Герард, я должна тебе кое-что сказать, – объявила я тем вечером за ужином, отодвинув в сторону тарелку. Меня мало заинтересовала семга с молодой картошкой.

– Ты почти ничего не съела, – со вздохом заметил он.

Герард сидел напротив в элегантном сером костюме. Война превратила «Кабана Клуб» в пустынное место, унеся с залпами орудий шумную толпу и сигаретный дым. На сцене играл одинокий саксофонист. Иногда мне казалось, что приходить сюда – предательство по отношению к тем, кто потерял на фронте жизнь или страдал от ран на больничных койках.

– Что, любовь моя? – Он промокнул уголки рта белой салфеткой.

Я глубоко вздохнула.

– Когда я была на острове, встретила там мужчину. Я...

Герард закрыл глаза.

– Не надо мне рассказывать, – попросил он. – Прошу, не надо.

Я внимательно посмотрела на него.

– Понимаю. Но перед свадьбой я должна кое-что сделать.

– Что?

– Мне нужно уехать. Ненадолго.

Герарду было тяжело, но он не осудил меня.

– А когда ты вернешься... я надеюсь, ты станешь прежней?

Я заглянула в его глаза.

– Поэтому я и уезжаю. Я должна кое-что понять.

Он отвел взгляд. Мои слова ранили Герарда, и это было ужасно. Его левая рука безжизненно болталась вдоль тела. Он не любил надевать повязку, когда мы ходили развлекаться.

– Анна, – начал Герард, но голос дрогнул, и он остановился, чтобы прийти в себя. Герард никогда не плакал. – Если иначе невозможно, если это – единственный шанс вернуть твое сердце, то я подожду.

Глава 14

Следующим утром папа отвез меня на вокзал. До Нью-Йорка ехать далеко, но это был единственный путь. Я собиралась на один день остаться у мамы, а потом сесть на корабль и отправиться в Европу. Я молилась, чтобы Уэстри продержался до моего приезда. Мне нужно было столько сказать, столько услышать. Любит ли он меня по-прежнему, как люблю его я?

– Мама будет счастлива тебя повидать, – с дурацким видом пообещал мне папа. Он всегда выглядел глупо, когда говорил о маме. В сложившихся обстоятельствах ему не следовало сочетать слова «счастлива» и «мама», но я закрыла на это глаза.

– У тебя ведь есть адрес?

– Да, – ответила я, проверяя записную книжку с билетом и маминым адресом.

– Отлично. Возьмешь на вокзале такси. Будь осторожна.

Я улыбнулась:

– Папа, ты забыл? Я почти год прожила в зоне военных действий. В городе уж как-нибудь сориентируюсь.

Он улыбнулся в ответ:

– Конечно, милая. Позвони мне, когда будешь возвращаться, я тебя встречу.

Я поцеловала его в щеку и села на поезд. Кондуктор взял мой билет и указал на маленькое купе, где мне в одиночестве предстояло провести ближайшие два дня.

* * *

Было уже поздно, когда поезд прибыл на Центральный вокзал. Город блестел огнями. Мне трудно было представить себе, что теперь мама живет в таком огромном, пустынном городе, совсем не похожем на Сиэтл.

Я сошла с поезда и побрела с сумкой сквозь людской лабиринт, проталкиваясь мимо женщины с оравой детей, мужчины с обезьянкой на плече и седого старика, бормочущего что-то невнятное.

Около вокзала выстроились чередой такси. Я подняла руку и привлекла внимание чернокожего водителя, он кивнул и указал на заднее

сиденье.

Открыв дверь и пропихнув сумку внутрь, я забралась в машину. Внутри пахло сигаретами и вином.

– Мне нужно... – я взглянула на бумажку, – на Пятьдесят седьмую улицу, 560.

Он равнодушно кивнул.

Я посмотрела в окно, и у меня зарябило в глазах. Мелькали огни – зеленые, красные, розовые, желтые. Моряки в белой форме обнимали женщин – блондинок, брюнеток, высоких и низеньких. Война еще не кончилась, но обстановка уже изменилась. Это чувствовалась повсюду: в тихих кварталах Сиэтла и на центральных улицах Нью-Йорка.

Снаружи мелькали дома, словно кадры из фильма, один за другим: чужая, одинокая картина. Наконец, такси резко остановилось на улице с высокими деревьями.

– Приехали, мисс, – объявил водитель. Я заплатила, и он вытащил мою сумку, указав на кирпичный дом с блестящей красной дверью.

Я поблагодарила водителя, подошла к двери и позвонила. Вскоре появилась мама. Несмотря на поздний час, на ней было вечернее красное платье. В бокале плескалось martini.

– Анна! – воскликнула мама, притянув меня к себе рукой со свежим маникюром. Из бокала вылетела оливка.

Она неуверенно отступила назад, и я бросила сумку, чтобы ее поддержать.

– Дай на тебя посмотреть, – нарочито бодрым голосом произнесла она, оглядела меня с головы до ног и одобрительно кивнула. – Милая, остров пошел тебе на пользу. Ты похудела фунтов на десять.

Я улыбнулась.

– Ну, я...

– Заходи же! – Она повернулась, взмахнув подолом своего красного платья.

Я пошла за ней, оставив сумку в фойе, где висела хрустальная люстра – слишком большая и помпезная для такого маленького помещения.

– Конечно, не Уиндερмир, но сейчас здесь мой дом. Я просто создана для города.

Она провела меня в маленькую переднюю. Покрытый паркетом пол, викторианский диван.

– Разумеется, я тут все переделаю. Леон мне помогает.

Она произнесла это имя так, словно я должна его знать.

– Леон?

– Мой дизайнер интерьера, – пояснила она, сделав очередной глоток. Я не помнила, чтобы мама любила мартини в Сиэтле, и ключицы у нее как-то уж слишком выступали. – Он хочет оформить эту комнату в розовато-лиловых тонах, а я что-то сомневаюсь. Мне нравятся оттенки зеленого. Как думаешь, дорогая?

– Зеленый может быть немного резковат, – честно ответила я.

– Мне бы этого и хотелось. – Она провела рукой по стене. – Твой папа такой старомодный. А я больше не хочу быть старомодной.

Она допила мартини и рассмеялась глупым смехом. Я отвернулась, предпочитая не обсуждать с ней отца в таком состоянии.

– Что-то я заболталась. Ты, наверное, устала, милая. Сейчас позову Минни.

Мама взяла со стола колокольчик и позвонила. Вскоре появилась хрупкая девушка, не старше меня.

– Минни, будь добра, покажи Анне ее комнату.

– Да, мадам, – кротко ответила она и взяла мою сумку.

– Доброй ночи, дорогая. Знаю, ты не можешь остаться надолго, но у нас есть целое утро. Иди, отдыхай, милая.

– Доброй ночи, – попрощалась я и отправилась по ступенькам за Минни. Мама подошла к бару и взяла бутылку джина.

* * *

На следующее утро меня разбудил автомобильный гудок. Я положила на лицо подушку, надеясь вернуться в дремоту, но безуспешно. На часах было только 6.40, но я встала и оделась. Мама ждет, и я хочу провести с ней как можно больше времени.

В утреннем свете нижний этаж показался более одиноким, чем вечером. На стенах ни фотографий, ни картин. Хотя мама любила картины.

– Доброе утро, мисс, – застенчиво поздоровалась со мной Минни. – Вам чай или кофе?

– С удовольствием выпью чаю, спасибо, Минни, – с улыбкой ответила я.

Вскоре она появилась вновь, неся на подносе чашку чая, тарелку с фруктами, круассан и вареное яйцо.

– Мне подождать маму?

Минни замялась:

– Дело в том... Просто...

- Минни, в чем дело?
- Вчера приезжал мистер Шварц, – нервно сказала она.
- Это его зовут Леон?
- Да, мадам. Он приехал уже после вас.
- А-а. И мама еще спит?
- Да.
- Минни, он еще здесь?

Она опустила взгляд и прикусила большой палец.

- Здесь, да.

Казалось, Минни испытала облегчение, поделившись с кем-то своим секретом.

– Когда он приходит, обычно она встает не раньше двенадцати, иногда даже в час.

Я кивнула, изо всех сил пытаюсь не выдавать разочарования.

– Тогда я позавтракаю прямо здесь, – заявила я, потянувшись к подносу. – Спасибо.

– Мисс... Мисс Анна, – взволнованно пробормотала Минни, – вы же не скажете миссис Келлоуэй, что я... Что я вам рассказала?

Я потрепала ее по пухлой руке.

- Конечно, нет. Это будет нашим секретом.

* * *

Час спустя я вышла на улицу. До отъезда в порт оставалось еще пять часов. Я остановила такси, толком не зная, куда податься.

- Вам куда, мисс? – спросил водитель.

– Не знаю. У меня всего несколько часов. Можете что-нибудь посоветовать?

Он улыбнулся, продемонстрировав блестящий золотой зуб.

- Забавно. Мне казалось, здесь все точно знают, куда им нужно.

Я пожала плечами, бросив взгляд на мамин дом. Окна спальни все еще занавешены.

– Я думала, что знаю, куда иду. Мне казалось, я все спланировала, но...

Водитель заволновался:

- Послушайте, мисс. Я не хотел вас обидеть.

- Вы и не обидели.

- Эй, – он достал из кармана пиджака брошюру, – вы любите

искусство?

Я вспомнила о картине, оставленной в бунгало. Как же мне хотелось ее вернуть!

– Да. Люблю.

– Тогда отвезу вас в Мет.

– В Мет?

Он посмотрел на меня, как на ребенка.

– Метрополитен-музей.

– Да, – улыбнулась я, – отлично.

– Надеюсь, там вы найдете то, что искали, – подмигнул он.

– Я тоже, – ответила я, протягивая ему три хрустящие купюры.

Через несколько минут я стояла возле огромного каменного здания с массивными колоннами возле входа. Я поднялась по ступенькам, прошла через двойные двери и направилась прямо к информационной стойке.

– Простите, мадам. У вас случайно нет картин французских художников?

Сотрудница музея, судя по возрасту – примерно ровесница моей матери, кивнула, не отрываясь от книги:

– Конечно есть, мисс. На третьем этаже, в восточном крыле.

– Спасибо.

Я пошла к ближайшему лифту. Глупо предполагать, что здесь есть Гоген. Но мне хотелось узнать – похоже ли маленькое полотно в бунгало на другие картины художника. Правду ли сказала Тита об истинном хозяине бунгало? И о проклятии?

Я вышла из лифта на третьем этаже. Там не было никого, кроме маленького мальчика с красным шариком, который держал за руку маму, и охранника у стены.

Я рассматривала одну картину за другой, читая подписи: Моне, Сезанн, другие, незнакомые мне имена. Обойдя всю комнату, я в огорчении села на скамейку возле лифта.

– Простите, мисс. – Ко мне направлялся охранник. Он опустил на носочки. – Могу вам чем-то помочь?

Я улыбнулась.

– Пустяки. Я по глупости решила, что найду здесь работы одного художника. Но ошиблась.

Он склонил голову вправо:

– Какого именно художника?

– Французский художник, большую часть работ он написал во Французской Полинезии. Попробую поискать во Франции.

- Как его зовут?
- Поль Гоген. – Я встала и нажала кнопку вызова лифта.
- Но у нас есть его работы.
- Да?

Раздался звонок, лифт открылся. Я посмотрела на охранника, который указывал на соседнюю дверь. На ручке висел золотой замок.

– Сейчас по техническим причинам крыло закрыто, но, учитывая ваш интерес, я могу его открыть – в порядке исключения.

Я просияла:

- Правда?
- У меня есть ключ. – Он похлопал себя по карману брюк, потом вставил медный ключ в замок и открыл передо мной дверь.
- Не торопитесь. Я буду здесь.
- Огромное вам спасибо.

Я проскользнула внутрь, и дверь с щелчком закрылась за моей спиной. Этот зал был гораздо меньше, но повсюду висели картины. Сначала я растерялась, не зная, с чего начать – с пейзажей справа или с портретов слева, – но вдруг мое внимание привлекла одна картина на дальней стене. Пейзаж казался каким-то знакомым. Я понимала, что это наивно – надеяться, что художник, живший в бунгало, мог нарисовать тот же пляж, но по мере того, как я приближалась к картине, надежда крепла.

На картине был изображен желтый куст гибискуса рядом с соломенной крышей бунгало. *Нашего бунгало*. На берегу виднелся силуэт островитянки. Пейзаж казался копией картины из бунгало, словно фотография, сделанная несколькими минутами ранее.

Я отступила назад, надеясь отыскать табличку с информацией о происхождении, дате написания и особенно об авторе. Но стена была пуста.

Я открыла дверь и высунулась в коридор, пытаясь привлечь внимание охранника.

- Простите, сэр, – прошептала я.
- Он подошел ко мне.
- Да?
- Простите за беспокойство, но вы сказали, этот зал закрыт по техническим причинам. Не знаете, таблички возле некоторых картин тоже убрали? Меня интересует одна из них.
- Попробую вам помочь, – улыбнулся он.
- Войдя внутрь, я указала на картину:
- Вот эта.

– Знаю ее. Это уникальная работа.
– А кто художник?
– Как же, мистер Поль Гоген. Можно определить по силуэту островитянки и подписи.

Я удивленно покачала головой:

– Подписи?
– Вот здесь. – Он указал на пятно в нижней левой части. – Подпись, выполненная желтой краской, она почти сливается с гибискусом.

Это точно Гоген. Как жаль, что Уэстри этого не видит.

– А вот еще.

Он указал на картину побольше – на ней была изображена женщина с обнаженной грудью и волосами, украшенными плюмерией. Сходство изумило меня. Атея. Вылитая Атея.

Я вернулась к пейзажу.

– Не знаете, когда он его написал?
– Когда жил на Таити, в начале 1890-х.
– Таити?
– Да или где-то рядом. Говорят, он провел много времени на островах. Некоторые из работ привезли моряки, выменяв у местных жителей. Бесценный шедевр в обмен на пачку сигарет. – Он покачал головой. – Можете себе представить?

Я кивнула, вновь испытав панику, испытанную в день отъезда с острова, – картина может быть утеряна навсегда.

– Вы знаете что-нибудь еще о его жизни на островах?
– Он был отшельником. Жил уединенно, проводил время с молодыми женщинами и часто бедствовал. Умер в одиночестве, отказало сердце. Не слишком счастливая жизнь, скажу я вам.

Я кивнула. Все сходится. Бунгало. Картина. Предупреждение. Проклятие.

Я с восхищением посмотрела на охранника.

– Откуда вы столько знаете про Гогена?
– Сюда нечасто заглядывают воры, – подмигнул он. – У меня много свободного времени. К тому же это мой любимый художник. Его работы незаслуженно поместили в этот зал. Их место – рядом с полотнами Моне и Ван Гога.

Я задумалась, сожалея, что не могу вернуться на остров и забрать оставленную в бунгало картину. Я бы принесла ее в музей и попросила повесить здесь, чтобы дополнить коллекцию.

– Прости, что проспала, дорогая, – простонала мама с дивана, когда я вернулась в квартиру. У нее на лбу лежал компресс со льдом. – Ужасно болит голова.

Потому что ты всю ночь пила с неким мистером Шварцем, хотела ответить я, но лишь улыбнулась.

– Я нашла чем заняться, мама.

– Отлично. Боюсь, я не смогу проводить тебя в порт. Водитель прибудет через полчаса. Ты успеваешь с запасом.

Я кивнула.

– Мама, – я запнулась, подбирая слова, – мы так и не поговорили о том, что случилось... о Максин и папе.

Она отвела взгляд.

– Мама, ты в порядке? Должно быть, это так больно...

Я чувствовала ее печаль, хотя она и пыталась замаскировать ее, протянув мне ячменную лепешку с подноса, что принесла Минни.

– Мама?

– Со временем я приду в себя. А пока стараюсь жить насыщенной жизнью. И в мужчинах недостатка нет.

Я смущенно отвела взгляд.

– Брак оказался величайшей ошибкой моей жизни.

– Мама...

– Нет, послушай меня.

Я сомневалась, что хочу слышать ее исповедь:

– Я всегда любила твоего отца. Но давно поняла, что он меня не любит. Никогда не любил. Во всяком случае так, как муж *должен* любить жену. – Она вздохнула. – Так что, дорогая, – ее тон сменился с печального на будничнй, – пусть это послужит тебе уроком. Когда будешь выходить замуж, – она остановилась и внимательно посмотрела мне в глаза, – убедись, что он тебя любит, *действительно* любит.

– Обязательно.

Она откинулась на подушки.

– Ты не говорила, зачем едешь во Францию.

Я внимательно посмотрела на нее:

– Мама, ты сейчас говорила о любви – я еду именно за этим. Хочу убедиться.

Глава 15

Дипломатический код сработал, как и обещала Мэри. В порту у меня тряслись руки, и молодой солдат смотрел с подозрением, но при упоминании имени Эдварда Нотона выдал бумагу с номером кабины и пропустил на корабль.

В последний день изнурительного путешествия, позеленев от морской болезни, я начала сомневаться, не напрасно ли проделала такой путь. Даже если я смогу увидеть Уэстри, захочет ли он видеть меня? С нашего скомканного прощания на Бора-Бора прошло больше года, а он ни разу не позвонил и не написал. Конечно, это было непросто, если учесть обстановку в Европе, но он мог хотя бы попытаться. А он даже не попытался.

– Мы прибываем, – раздался в коридоре голос стюарда, – не забывайте свои вещи.

Я выглянула в иллюминатор. Сквозь туманную дымку вдалеке виднелся порт Гавр. Несколько часов на поезде – и я в Париже. Сердце переполнили сомнения. Что я здесь делаю? Прошел год. Очень длинный год. Бегу за мечтой, которая давно умерла? Я взяла сумку и прогнала мысли прочь. Я уже здесь, отступать поздно.

* * *

Я стояла посреди бульвара Сен-Жермен и смотрела на каменное здание впереди – величественное, с маленькими балконами, заставленными цветочными горшками. В окнах горели свечи. Интересно, как жила Мэри во время оккупации и чем продолжилась история с Эдвардом? Письмо все изменило? Он ее вернул? Их ждал счастливый финал? Было уже поздно, около десяти, но было приятно смотреть на горожан, сидящих в кафе, и влюбленных, гуляющих, взявшись за руки. Но свидетельства ужаса, пережитого городом, еще остались. Возле мусорного контейнера валялся изрезанный, наполовину сожженный нацистский флаг. Зеленый навес пекарни через дорогу почернел от пожара, в одном из окон не было стекла. Желтая звезда Давида болталась на двери.

Я зашла в дом Мэри, отыскивала нужную квартиру и тихо постучала. Вскоре послышались шаги, щелкнул замок.

– Анна! – воскликнула Мэри. – Ты приехала!
Я обняла старую подругу со слезами на глазах.
– Ущипни меня. Сама не верю, что я здесь.
– Ты, должно быть, устала.
Я глубоко вздохнула.
– Мэри, скажи мне, как Уэстри? Ты его видела? Он...
Мэри опустила взгляд.
– Я не была в больнице несколько дней, – тихо ответила она. – Но, Анна, ранения серьезные. Он буквально изрешечен пулями.
У меня перехватило дыхание.
– Я не могу потерять его, Мэри.
Старая подруга заключила меня в объятия.
– Пойдем, тебе надо отдохнуть. Прибереги слезы на завтра.
Я последовала за Мэри. Она включила две лампы и усадила меня на диван с золотой отделкой.
– Красивый дом, – пробормотала я, продолжая думать о Уэстри.
Мэри пожала плечами. Она смотрелась здесь как-то неуместно, словно школьница в вечернем наряде матери.
– Я тут долго не пробуду, – сказала она, не вдаваясь в детали. – Хочешь сэндвич? Круассан?
Я глянула на ее левую руку. На безымянном пальце не было кольца. Я инстинктивно прикрыла правой рукой свое бриллиантовое кольцо, вспомнив, как спрятала его на острове.
– Нет, спасибо.
Мэри очень изменилась. Но чем? Все те же рыжеватые волосы, та же прическа. Та же улыбка, те же неровные зубы. Но глаза... Да, изменились глаза. Они стали грустными, и мне не терпелось узнать причину этой глубокой грусти.
– А что Эдвард? – Имя эхом прозвучало в ночном воздухе, и я в ту же секунду пожалела о сказанном.
– Эдварда нет, – безучастно промолвила она, глядя в окно на сверкающие огни Парижа и Сену вдалеке. – Больше нет. Послушай, мне не хочется об этом говорить, если ты не против.
Я быстро кивнула:
– Представить не могу, что тебе пришлось пережить во время оккупации.
Мэри провела рукой по волосам.
– Просто ужас, Анна. Мне повезло, что я, американка, все еще здесь. Во многом помог французский, я учила его в колледже. Документы,

которые Эдвард... – Она запнулась, словно упоминание его имени ее ранило. – Он сделал все необходимые бумаги. Удивительно, что меня не схватили, ведь я участвовала в Сопротивлении.

– Мэри, как страшно... Ты такая храбрая.

– Нацисты проводили чистки. Стоило что-то не так сказать или сделать, тебя сразу отправляли на допрос. Выселяли бедные еврейские семьи. – Она остановилась, указывая на дверь: – В этом доме жили три семьи. В соседней квартире – четыре человека. Мы пытались их спасти, но опоздали. Не знаю, вернутся ли они когда-нибудь...

– Ах, Мэри...

Она встряхнула головой, словно отгоняя воспоминания – возможно, слишком болезненные, – и достала носовой платок.

– Прости. Я думала, что смогу тебе все рассказать, но боюсь, это слишком тяжело...

Я взяла ее за руку, заметила маленький розовый шрам и сразу вспомнила Бора-Бора.

– Пожалуйста, – сказала я, – давай не будем говорить о прошлом.

– Боюсь, оно меня никогда не оставит, – вздохнула Мэри.

Я попыталась сказать что-то хорошее:

– Но город спасен.

– Да, и это чудо. Мы думали, что его сожгут вместе с нами.

– Мэри, – осторожно начала я, – как ты здесь оказалась? Из-за письма, что я дала тебе перед отъездом с острова?

– Если бы ответ был так прост... Нет, зря я сюда приехала.

На мгновение я пожалела, что отдала письмо и не уберегла Мэри от этих страданий. Но иначе она бы не оказалась в Париже. Не нашла Уэстри. Не позвонила. Я изумилась, как переплетались наши истории, надеясь, что всех все-таки ждет счастливый финал.

– Куда теперь? – спросила я, внимательно вглядываясь в ее лицо, надеясь увидеть улыбку или свет в глазах, хоть какой-нибудь признак надежды. Но Мэри мрачно посмотрела в окно:

– Пока не решила.

За окном блестели огни, и мне стало легче при мысли о том, что где-то там, в этом городе, – Уэстри.

– Ты пойдешь завтра со мной в больницу? Я ужасно нервничаю перед встречей, после... После стольких месяцев.

На мгновение взгляд Мэри прояснился.

– Конечно, пойду. Знаешь, Стелла тоже здесь.

– Правда?

– Да, с прошлого месяца.
– А Уилл?
– Тоже. У них скоро свадьба.
– Чудесно. Буду рада ее увидеть.
– Несколько дней назад они отправились на юг. Она огорчится, что вы разминутесь.

– Во сколько нам завтра выходить?
– Посещения начинаются в девять. Возьмем такси. Твоя комната прямо по коридору – вторая дверь налево. Ты, наверное, устала. Иди, отдохни.
– Спасибо, Мэри, – сказала я и взяла сумку.

Прежде чем отправиться в спальню, я еще раз оглядела гостиную. Мэри неподвижно сидела на диване, опустив руки на колени и глядя на Сэну и сияние освобожденного Парижа.

Я почувствовала – здесь, в этих стенах, что-то произошло. Что-то трагическое.

* * *

Вдали показался Американский госпиталь, и я сжала руку Мэри, глядя на огромный фасад. Солнечная погода не смягчила вид сурового здания.

Я повернулась к Мэри:

– Почему оно такое...

– Враждебное?

– Да.

– До освобождения здесь творились страшные вещи.

Мэри рассказала, что двенадцатиэтажное здание, некогда больница Бьежон, самая большая в Париже, было захвачено нацистами. После освобождения генерал-майор Пол Хоули, хирург, очистил здание от оборудования, которое нацисты использовали для жестоких экспериментов над людьми, в основном – поляками и евреями. Теперь на верхнем этаже нарисовали красный крест, но мне показалось, он скорее походил на бомбардировщик.

Мэри указала на одно из окон:

– Видишь, вон там? Открытое окно на седьмом этаже?

Я кивнула.

– Я нашла там полячку с ребенком, они умерли от голода. Нацисты проводили над ними эксперимент. Наблюдали через окно и все записывали. Я читала бумаги. Она умерла через девять дней. Ребенок – через

одиннадцать.

Меня передернуло.

– Но ужас закончился, – гордо продолжила Мэри. – Генерал Хоули преобразил это место. За последние две недели поступило около тысячи человек, и будут еще.

Я не могла оторвать взгляд от седьмого этажа.

– Анна?

– Да? – слабо отозвалась я.

– Ты готова?

– Надеюсь.

Мы поднялись по ступенькам и зашли внутрь. В густом, тяжелом воздухе повис мрак. Зло, творившееся здесь, не могло исчезнуть бесследно. Можно оттереть стены, отмыть полы, но ощущение зла по-прежнему витало в воздухе.

Мэри нажала кнопку девятого этажа, лифт поехал вверх. Первый, второй этаж. Мои мысли замелькали вместе со световым табло. Он в сознании, узнает меня? Третий этаж. Он меня еще любит? Четвертый. Что нас ждет?

– Ах, Мэри, – я вцепилась в руку подруги, – мне так страшно...

Она не стала меня утешать или успокаивать:

– Ты правильно сделала, что приехала. Подведешь итог, не важно, какой.

Я вздохнула.

– Ты общалась с Китти?

На мгновение Мэри смутилась, и я поняла, что до нее дошли отголоски истории наших отношений на острове.

– Насчет этого, – нервно начала она, – я должна тебе кое-что сказать. После того как я позвонила...

Вдруг лифт остановился на пятом этаже, и в кабину зашли врач с двумя медсестрами, прервав наш разговор.

Мы вышли на девятом, и я невольно ахнула. На койках лежало около трехсот раненых солдат, укрытых темно-зелеными шерстяными одеялами.

– На этом этаже много тяжелых пациентов, – объяснила Мэри.

Сердце бешено заколотилось в груди.

– Где он? – лихорадочно озираясь, спросила я. – Мэри, отведи меня.

К нам подошла медсестра моего возраста и кивнула Мэри:

– Я думала, сегодня у тебя выходной.

– Да, – ответила Мэри, – я здесь ради подруги. Она хочет повидать мистера Грина.

Сестра посмотрела на меня и снова на Мэри:

– Уэстри Грина?

Звук его имени в устах другой женщины заставил меня содрогнуться.

– Да. Уэстри Грина.

Медсестра повернулась ко мне. Ее глаза сузились:

– А вы?

– Анна. Анна Келлоуэй.

– Ну, – она многозначительно посмотрела на Мэри, потом со вздохом обернулась на койки с солдатами, – не уверена, что... Но я посмотрю.

Когда она ушла, я повернулась к Мэри:

– Не понимаю. Почему она ведет себя так странно?

Мэри окинула взглядом помещение, явно избегая смотреть мне в глаза.

– Мэри, – взмолилась я, – что случилось?

– Давай присядем, – сказала она и подвела меня к ближайшей скамейке. Над головой стучали часы, и каждая секунда была словно пытка.

– Когда я звонила, то знала еще не обо всем. Я не знала, что Уэстри...

Мы подняли взгляд, услышав приближающиеся шаги. Я с изумлением узнала знакомое лицо.

– Китти! – воскликнула я, вскакивая на ноги. Несмотря на прошлое, я была готова заключить в объятия старую подругу, подарить ей любовь и прощение. Но мгновенно остановилась, встретившись с Китти взглядом – она смотрела на меня как на чужого человека.

– Привет, – сухо поздоровалась она.

Мэри поднялась и встала рядом со мной.

– Китти, Анна проделала долгий путь, чтобы увидаться с Уэстри. Надеюсь, мы сможем ее к нему отвести.

Китти нахмурилась:

– Боюсь, это невозможно.

Я покачала головой и часто заморгала – глаза защипало от слез.

– Почему, Китти? – воскликнула я. – Он тяжело ранен? Без сознания?

Китти посмотрела на помолвочное кольцо, и я пожалела, что не сняла его. Пришла сестра, которая здоровалась с Мэри, и в знак поддержки встала рядом с Китти. Что они от меня скрывают?

– Китти, – взмолилась я, – что случилось?

– Прости, Анна, – холодно ответила она, – боюсь, Уэстри не хочет тебя видеть.

Предметы вокруг потеряли очертания, я вцепилась в руку Мэри. Боже мой. Я проделала долгий путь из Сиэтла, стою в нескольких футах от него, и он не хочет меня видеть?

– Не понимаю, – запнулась я, чувствуя, как к желудку подкатывает тошнота, – я только хотела...

Китти сложила ладони и повернулась к пациентам.

– Мне очень жаль, Анна, – бросила она, уходя. – Всего хорошего.

Я наблюдала, как она пересекла комнату, повернула направо и исчезла за занавеской.

– Пойдем, Анна, – прошептала Мэри и взяла меня за руку, – прости меня, милая. Зря я тебя привела. Нужно было предупредить...

– О чем? – воскликнула я. – Что лучшая подруга не даст мне увидеться с единственным человеком, которого я люблю?

Слова повисли в воздухе, и я сама удивилась их несомненной искренности. Я могу отдать Герарду руку, но сердце принадлежит только Уэстри. Я вырвалась из рук Мэри.

– Нет, – твердо сказала я.

Я прорвалась в комнату к раненым. Приглушенные звуки переросли в стоны, крики, смех. Разнообразие окружающих нас эмоций сводило с ума.

Я быстро прошла вдоль коек, вглядываясь в лица. Некоторые раненые смотрели на меня с интересом, другие просто пялились перед собой. Где он? Если я найду его и загляну в глаза, что он скажет? Он еще меня любит? Я не позволю Китти встать между нами. Не позволю ей принимать решения за Уэстри. Я взволнованно неслась между ранеными, надеясь, что вот-вот увижу ореховые глаза, завоевавшие мое сердце на острове.

Вскоре я обошла все койки, но Уэстри так и не нашла. Лихорадочно оглядев этаж, я вспомнила, куда скрылась Китти. Может, он там, внутри? Сжав медальон, я пересекла комнату и остановилась перед полосатой серо-белой занавеской. Может, меня отделяет от Уэстри лишь этот кусочек ткани?

Трясущимися руками я отодвинула краешек занавески и заглянула внутрь. Четыре койки, все заняты. Я тихо охнула, различив лицо солдата на дальней койке.

Уэстри.

Я почувствовала слабость в ногах. Похудевший, с щетиной на подбородке, но все такой же безупречно красивый. Я хотела отдернуть занавеску, но быстро остановилась, увидев, что к его кровати приближается Китти. Она пододвинула стул и любовно протерла его лицо влажным полотенцем, а потом положила руку на лоб. Он глянул на нее с улыбкой, от которой у меня загорелись щеки.

Кто-то прикоснулся к моей талии, и послышался голос Мэри:

– Анна, не мучай себя. Отпусти его.

Я покачала головой.

– Но Уэстри мой! – заплакала я, опустив занавеску и положив голову на плечо подруге. – Как она могла? Как могла, Мэри?

Мэри взяла меня за подбородок и протерла лицо розовым платком.

– Мне очень жаль, милая. Идем отсюда.

Я дошла с ней до лифта, но потом остановилась, залезла в сумочку, достала листок бумаги и ручку и села на скамейке.

– Что ты делаешь? – удивленно спросила Мэри.

Вскоре я встала и протянула ей сложенный вдвое листок бумаги:

– Завтра, когда я уеду, можешь передать это Уэстри?

Мэри взяла бумажку и с сомнением посмотрела на нее.

– Китти перехватит любое мое письмо, – продолжила я. – Ты – моя единственная надежда.

– Ты уверена, что хочешь сказать ему что-то?

Я кивнула:

– Мне нужно, чтобы он это прочитал.

– Тогда я обязательно передам, – заверила она, но что-то в ее интонации меня смутило. – Завтра утром у меня смена. Попробую передать.

– Обещаешь?

– Да, – мягко ответила она. В голосе прозвучала усталость. – Сделаю все, что смогу.

* * *

Сиэтл не помог мне забыть Уэстри. С того дня в Париже прошло больше месяца, но даже привычная домашняя жизнь и скорая свадьба не могли изгнать из моих мыслей и моего сердца Уэстри. Я подсказывала при каждом телефонном звонке и утром сидела у окна, нетерпеливо ожидая почты. Прочитав записку, переданную Мэри, он обязательно напишет или позвонит. Но почему он не пишет?

Однажды во вторник, тихим утром, когда мы с Максин собирались в город, зазвонил дверной звонок. Я бросила сумочку, из нее выпала помада и закатилась под кровать.

– Я открою, – крикнула я Максин.

Возле передней двери стоял почтальон.

– Доброе утро, мадам. Мисс Келлоуэй?

– Да это я.

Он протянул мне маленький конверт.

– Вам телеграмма, – с улыбкой сообщил он. – Из Парижа. Распишитесь, пожалуйста, здесь.

Я быстро расписалась и побежала наверх, к себе в комнату. Заперев дверь, я разорвала конверт. Внутри лежал желтый листок бумаги. Пять машинописных строк. Я подошла к окну и глубоко вздохнула:

«Рано вернулись из поездки ТЧК
Мэри мертва ТЧК
Повесилась утром 18 сентября ТЧК
Эдвард разбил ей сердце ТЧК
С любовью и пожеланием счастья из
Европы Стелла ТЧК»

Я долго смотрела на листок, пока не оправилась от шока. Нет! Только не Мэри. Не ты, Мэри. Я вспомнила печаль в глазах, ее сомнения. Ей выпало больше боли, чем может вынести женщина, но закончить все *так*? Как она могла? По щекам заструились слезы, я скомкала телеграмму и бросила на пол.

Вдруг меня осенило. Господи, когда она повесилась? Я подняла листок бумаги. 18 сентября. Нет. Нет, не может быть.

Я в ужасе уставилась на стену. Мэри не заступила на смену после того, как мы были в больнице. Она умерла, так и не передав мое письмо Уэстри.

* * *

– Готова?

Две недели спустя, утром, Герард стоял в дверях: это был день нашей свадьбы. Вопреки традициям он настоял, что заберет меня из дома и сам отвезет в церковь перед церемонией. Возможно, он тревожился, что я могу не прийти.

Я посмотрела на него – черный смокинг, безупречная белая роза в петлице. В ушах прозвучали мамины слова: «Выходя замуж, будь уверена, что он тебя любит, действительно любит».

Я вспомнила о нежности Уэстри и Китти в парижском госпитале, которую невозможно было скрыть. Как я была наивна, предполагая, что он все еще любит и ждет меня. Какая теперь разница, получил ли он письмо? Я с благодарностью посмотрела на Герарда. Он меня любит. Будет всегда

любить меня. Его любви хватит на целую жизнь.

– Да, – ответила я, прогнав обиду, боль и призраки прошлого, и взяла его за руку. – Готова.

Я встала, и на шее качнулся золотой медальон, вновь заняв свое место у сердца.

Глава 16

Сиэтл, наши дни

– Итак, ты вышла замуж за дедушку. – Голос Дженнифер вернул меня к реальности. Солнце село, оставив лишь розовую полосу на горизонте.

Я улыбнулась, промокнув носовым платком слезу.

– Конечно, вышла замуж за дедушку. А ты разве не рада? Иначе тебя бы тут не было.

Дженнифер мало обрадовал мой ответ.

– Значит, своим существованием я обязана твоей несчастной любви?

– Чепуха. Я любила твоего дедушку.

– Но не так, как Уэстри.

Я посмотрела на внуку:

– Любовь бывает разной. Со временем я это поняла.

Я подумала о Герарде – сильном, надежном Герарде. Я скучала по тому, как он гладил меня по щеке и приветствовал за завтраком с утренней газетой в руках. Он посвятил мне всю жизнь, целиком подарив сердце, а я отдала лишь часть своего. Потому что в моем сердце была запретная комната, где всегда горела свеча для другого мужчины.

– Ах, бабушка, – сказала Дженнифер, положив голову мне на плечо. – Почему ты не рассказала об этом раньше? Как тяжело было тебе столько лет молчать!

Я погладила медальон.

– Нет, милая. Я никогда не была одна. Любовь, разделенная с кем-то, пусть даже на время, навсегда остается в сердце.

Я раскрыла медальон, и кусочек древесины с пола бунгало упал на мою ладонь. Дженнифер склонилась над ним, любуясь.

– Нет, – повторила я, – я никогда не была одна.

Дженнифер вздохнула.

– Что стало с Китти? С Уэстри? Ты не пыталась их найти?

– Нет. В день, когда я вышла за твоего деда, я поклялась отпустить их обоих. Пришлось. Ради него.

– А бунгало? Картина? И твое обещание Тите? Помнишь, что она говорила о справедливости?

Я почувствовала глубокую усталость.

– Я не забыла об этом, – честно призналась я.
– Тогда я поеду с тобой.
– Со мной?
– На Бора-Бора.
Я улыбнулась.
– Дорогая, это очень мило, но я не думаю...
– Да, – ответила она, не обращая внимания на мои сомнения. Глаза загорелись от волнения. – Поедем вместе.
Я покачала головой. Пересказанная история обнажила старые раны, и они заболели вновь, так же сильно, как много лет назад.
– Не уверена, что смогу это сделать.
Дженнифер заглянула мне в глаза.
– Ты что, не понимаешь, бабушка? Не видишь? Ты должна.

* * *

Самолет дрожал и трясся, подлетая к острову.
– Турбулентность в этот раз немного сильнее, чем обычно, – сообщил через динамики стюард с австралийским акцентом. – Пристегните ремни. Скоро капитан доставит нас на место в целости и сохранности.
Я закрыла глаза, вспоминая, как прилетела на Бора-Бора много лет назад, когда рядом сидела Китти, а весь салон был заполнен медсестрами, которые, затаив дыхание, слушали предупреждения старой сестры Гильдебрандт об опасностях, таящихся на острове. Я вздохнула, вспомнив, как мягко Китти прикоснулась к моей руке, поблагодарила за компанию и пообещала, что я не пожалею, что отправилась на остров. Я бы вернула все назад, если бы могла?
Самолет сильно тряхнуло, и Дженнифер повернулась ко мне.
– Не волнуйся, бабушка, – с любовью произнесла она.
Я сжала ее руку и оглядела салон, заполненный молодыми парами – в основном молодоженами. Юноша справа нежно погладил по голове свою невесту и поцеловал ее руку, выглядывая в окно. Я невольно им позавидовала. Как им повезло оказаться тут сейчас, в мирное время. Мне захотелось вернуться в молодость. Начать все сначала, и чтобы рядом сидел Уэстри.
– Готова? – спросила Дженнифер, прервав мои мысли. Самолет приземлился, и я быстро встала, последовав за внучкой к выходу, где все уже спускались по ступенькам.

Стюард прикрепил к моей рубашке пурпурную орхидею, такую яркую, словно ее покрасили.

– Добро пожаловать на Бора-Бора, мадам. Вы полюбите этот остров.

– Я всегда любила этот остров, – с улыбкой ответила я, вдыхая теплый, влажный воздух. На месте простой посадочной полосы появился шумный аэропорт. Все изменилось, но в воздухе витал знакомый цветочный аромат, в который отчетливо вплетались соленые нотки, а вдалеке плескалась изумрудная вода, маня на берег. Я поняла: мое сердце вернулось домой.

– Возьми меня за руку, бабушка, – сказала Дженнифер.

Я покачала головой, вдруг почувствовав уверенность и силу.

– Я справлюсь, – ответила я, спускаясь по ступенькам. Да, повторила я про себя, – справлюсь.

* * *

Автобус высадил нас возле отеля всего в миле от аэропорта. Дженнифер открыла карточкой дверь, и мы завезли чемоданы в охлажденную кондиционером комнату.

– Смотри, какой вид! – воскликнула Дженнифер, указывая за окно. За балконными дверями открывался чудесный вид на песчаный пляж, который показался мне знакомым.

– Боже. – Я подошла к окну. – Береговая линия...

– Что? – подбежала Дженнифер. – Что ты увидела?

– Возможно, я ошибаюсь, но, похоже, этот отель стоит на месте старой базы! Я узнаю пляж, изгиб берега, подводный риф.

Я покачала головой, будто ожидая увидеть на берегу Китти, или сестру Гильдебрандт, или – я вздохнула – Уэстри.

– Снова оказаться здесь...

Я раскрыла двери и вышла на балкон. Дженнифер деликатно оставила меня в одиночестве.

– Не торопись, бабушка, – тихо сказала она, – я буду в комнате.

Я опустилась в плетеное кресло и погрузилась в прошлое.

* * *

Я целый час просидела на балконе, а когда вернулась в комнату, обнаружила Дженнифер спящей на одной из кроватей. Я достала из шкафа

запасное одеяло и осторожно ее укрыла, а потом взяла со столика блокнот. Я знала, куда идти.

«Дорогая,
Я ушла погулять. Не хотела тебя будить. Вернусь до обеда.
С любовью,
бабушка»

Надев соломенную шляпу, я прошла мимо бассейна, где жарились на солнце женщины в бикини, мимо бара, где парочки потягивали фруктовые коктейли, и оказалась на побережье, почти столь же пустынном, как в день моего отъезда с острова.

И вот мне снова двадцать один, на мне униформа медсестры, я улизнула на пляж после долгой смены в лазарете, оглядываясь через плечо, чтобы убедиться, что за мной не следят, и сердце колотится от нетерпения, предвкушая встречу с ним.

Я плелась вперед. Песок под ногами словно потяжелел. Я стерла со лба пот и понизже спустила шляпу, защищая лицо от безжалостных солнечных лучей. Мне нужны заросли пальм. Где они? Должно быть, в нескольких шагах?

Над головой пели птицы, и я продолжала путь, внимательно глядя в чащу. *Где-то здесь.*

Через двадцать минут я остановилась и с глубоким вздохом опустилась на песок. Конечно, бунгало больше нет. Какая я глупая, жила надеждой, что оно будет ждать меня так долго.

– Простите, мадам?

Я подняла взгляд, услышав мужской голос:

– Мадам, вы в порядке?

Мужчина лет шестидесяти, примерно ровесник моего старшего сына, направлялся ко мне вместе с женщиной своего возраста. На ней был голубой сарафан, темные волосы собраны на затылке.

– Вполне. – Я взяла себя в руки.

– Я Грег, а это моя жена, Лорен. Мы живем здесь, на холме.

– Анна. Анна Келл... – Я осеклась, удивляясь оговорке. Большую часть жизни я пробыла Анной Годффри, и только здесь, на острове, это имя казалось чужим.

– Анна Келлоуэй, – закончила я.

Лорен взглянула на супруга, потом на меня:

– Анна Келлоуэй?

– Да, – подтвердила я, смущенная промелькнувшей в ее голосе теплотой. – Простите, мы где-то встречались?

Женщина покачала головой и вновь изумленно посмотрела на мужа.

– Нет, – ответила она, опускаясь рядом со мной, – но мы давно хотим с вами познакомиться.

– Не понимаю. – Я пристально вгляделась в ее лицо.

– Ты представляешь? – качая головой, обратилась Лорен к Грегу, а потом снова повернулась ко мне:

– Вы жили здесь во время войны, верно?

Я кивнула.

– Здесь неподалеку есть старое бунгало, – осторожно продолжила она. – Вы там бывали, не так ли?

– Да. Но откуда вы знаете?

Она посмотрела на мужа, потом на меня:

– Он всегда говорил, что вы вернетесь.

– Он?

– Мистер Грин.

Я взволнованно покачала головой и сложила ладони.

– Не понимаю. Вы знаете о бунгало? И, – я сглотнула, – Уэстри?

Женщина кивнула, а ее муж указал на полосу берега позади меня:

– Оно как раз там, сзади, рядом с нашим домом. Кустарник заметно разросся с тех пор, как вы тут бывали. Должно быть, вы просто прошли мимо.

Я быстро поднялась. Тяжесть в ногах напомнила, что мне больше не двадцать один.

– Вы меня туда отведете?

– Да, – улыбнулся мужчина.

Несколько минут мы шли молча. Иногда Грег и Лорен поглядывали на меня с беспокойством, но я не отвечала на их взгляды, вслушиваясь в звуки прибоя. Хочу ли я знать их секреты, секреты о бунгало и Уэстри?

Вдруг Грег остановился, указывая на джунгли:

– Нам туда.

– Спасибо.

Я углубилась в заросли и добралась до небольшого просвета.

– Подождите, мисс Келлоуэй, – крикнул с пляжа Грег.

Я обернулась.

– Вы должны знать – оно теперь совсем не такое, как прежде.

Я кивнула и продолжила путь, продираясь сквозь чащу. Где оно? Мое внимание привлек разросшийся гибискус. Он еще не расцвел, но среди

листьев виднелись маленькие желтые бутоны. Сердце заколотилось. Где-то здесь.

Я отодвинула очередной пальмовый лист и увидела его. Бунгало еще держалось, но с трудом. Соломенная крыша покосилась и местами прохудилась. Бамбуковые стены истончились, двери вообще не было. Я глубоко вздохнула, вспомнив, как мы с Уэстри отыскивали маленькую хижину много лет назад. И вот она снова передо мной.

Передняя ступенька обвалилась, и, чтобы войти, мне пришлось забраться на три фута вверх – непростая для моего возраста задача. Я с трудом залезла внутрь, спугнув какую-то птичку, упорхнувшую через окно.

Я поднялась, отряхнула брюки от пыли и с трепетом оглядела комнату. Кровать с измятым покрывалом, стол и стул из красного дерева, сделанные мной занавески, пусть потрепанные и обвисшие, – все было на месте. Я глянула на стену, где когда-то висела картина. Она все еще под кроватью, завернута в мешковину, там, где мы с Уэстри ее оставили?

Глубоко вздохнув, я опустилась на колени и пошарила рукой под кроватью. Выбежала ящерица, заставив меня отскочить. Я взяла себя в руки и приподняла матрас, но обнаружила лишь кусок мешковины. Картины не было.

Ощувив груз переживаний, я рухнула на стул. Конечно, ее тут нет. Глупо было предполагать обратное.

Когда я снова встала, под ногами заскрипели половицы, и я с улыбкой вспомнила о нашем с Уэстри самодельном почтовом ящике. Какого письма я ждала? И откуда оно могло взяться? Но я все равно присела и, сдерживая слезы, приподняла старую доску. Просунув руку внутрь, я обнаружила что-то большое и мягкое.

Книга. Нет, что-то вроде журнала. Я вытащила блокнот в кожаном переплете и перелистала страницы, стряхивая пыль.

Дневной свет угасал, солнце близилось к закату. Прищурившись, я прочитала надпись на первой странице:

Письма Анне от Уэстри...

Боже мой. Он вернулся. Как и обещал.

Я перелистнула страницу. Глазам не терпелось прочитать, а сердцу – впитать его слова, но снаружи послышался голос Грегга:

– Миссис Келлоуэй?

Я быстро закрыла блокнот и засунула его в сумку.

– Да, – отозвалась я, поднимаясь, – я здесь.

Я подошла к двери, и ко мне приблизились Грег и Лорен.

– А, хорошо. Мы не хотели оставлять вас здесь в одиночестве слишком долго. Давайте, я помогу спуститься.

Он поднял сильные руки, обхватил меня за талию и опустил на землю. Лорен посмотрела на бунгало, потом на меня:

– Вы нашли то, что искали?

Я оглянулась на маленькую хижину.

– Нет, но нашла кое-что другое, получше.

Лорен осторожно улыбнулась, словно больше моего знала об этом месте и нашей истории.

– Не хотите зайти к нам, выпить чаю? Дом неподалеку, на пляже.

Я с улыбкой посмотрела на них:

– Спасибо. С большим удовольствием.

* * *

Лорен разливала чай из бело-синего чайника.

– Сливки, сахар?

– Да, спасибо.

У Грега с Лорен был необычный дом. Скромная планировка с двумя спальнями, совсем рядом с пляжем, обширная терраса. Жилище очень подходило своим обитателям.

– Мы живем здесь тридцать пять лет, – рассказал Грег. – Мы с Лорен работали в Нью-Йорке, но, наведавшись сюда в начале шестидесятых, не смогли вернуться к городской жизни.

– Остались здесь, – продолжила Лорен, – открыли ресторан в нескольких милях отсюда.

Конечно, я им позавидовала. Такая жизнь могла быть у нас с Уэстри, именно об этом я мечтала.

Я сделала глоток чая и поставила белую фарфоровую чашку на блюдце.

– Вы говорили, что знаете Уэстри, – тихо напомнила я, боясь услышать ответ.

Грег с Лорен переглянулись.

– Да, мы знали его много лет:

Боже. Они говорят о нем в прошедшем времени.

– *Знали?* – переспросила я.

– Да, – ответила Лорен, – он приезжал каждый год. Называл это своим

ежегодным паломничеством.

– Паломничеством?

Грег улыбнулся:

– Паломничеством в надежде отыскать вас.

Я растерянно наблюдала, как в чае растворяются сливки. Слова Грега повисли в воздухе, и я покачала головой, вспомнив Китти, госпиталь, Париж...

– Не понимаю, – пробормотала я, пытаюсь увязать известную мне историю с их словами.

Грег отпил чай.

– Он рассказал нам вашу историю. Как вы полюбили друг друга на острове во время войны и как война разлучила вас.

Я покачала головой.

– Но почему он не попытался разыскать меня в Сиэтле? Даже не написал?

– Чувствовал, что не надо вмешиваться. Это место было чужим для него, – объяснила Лорен. – Он знал, что у вас там семья, своя жизнь. Но все же, в глубине души, продолжал верить, что вы вернетесь и однажды будете ждать его в бунгало, как когда-то давно.

Я наклонилась к сумке и достала кожаный блокнот.

– Я нашла это. Его письма.

– Да, – продолжила Лорен, – каждый год он писал новое. Оставлял их в бунгало, надеясь, что вы их найдете. – Она сложила ладони и печально покачала головой. – Так романтично. Мы с Грегом очень симпатизировали ему: несмотря на тяжелое состояние, он каждый год совершал непростое путешествие. Так трогательно.

Я резко выпрямилась:

– Что вы имеете в виду: «несмотря на тяжелое состояние»?

– А вы не знаете? – удивился Грег.

– Что?

Лорен неодобрительно посмотрела на Грега и наклонилась ко мне поближе, словно собиралась сообщить что-то ужасное:

– Милая, мистер Грин прикован к инвалидной коляске. Его парализовало в войну.

Я приложила руку к сердцу – грудь пронзила острая боль. *Парализовало.* Закрыв глаза, я вспомнила сцену в парижской больнице, как он лежал и смотрел на Китти. Он отказался меня видеть не из-за Китти, а из гордости?

– Все это, должно быть, очень тяжело, – сказала Лорен. – Простите,

если наговорили слишком много. Просто мы столько лет наблюдали за историей этого чудесного человека и надеялись, что однажды увидим ее завершение. Анна, это просто удивительно, что вы здесь. Мы с Греггом надеялись, что вы приедете ради Уэстри, но с годами надежда угасла...

Я смотрела на блокнот у себя в руках и пыталась все осознать.

– А Уэстри? Где он сейчас?

Лорен забеспокоилась:

– Точно не знаем. Он уже лет пять не приезжает. Мы боимся, что он мог...

Грег положил руку на ладонь Лорен, словно попросил ее замолчать:

– Я думаю, сначала вам надо прочитать его письма. Может, в них есть какой-то намек.

Я встала.

– Спасибо. Спасибо вам большое за все. Мне нужно возвращаться. Внучка заждалась.

Лорен подошла ко мне поближе:

– Давайте мы проводим вас до отеля, мисс Келлоуэй.

Я покачала головой:

– Спасибо, доберусь сама.

Я спустилась по ступенькам, вышла на пляж и поспешила назад – быстро, насколько позволяли больные ноги. Я молилась, чтобы Уэстри был еще жив.

Глава 17

Ранним утром я поудобнее устроилась на балконе, в плетеном кресле. Дженнифер отправилась на пробежку, вернется не раньше чем через час. Я открыла блокнот Уэстри, перелистнула первую страницу и вчиталась в знакомый почерк:

«23 августа 1959

Драгоценная Клео,

Это первое письмо, написанное со дня прощания на острове, когда гудящие самолеты унесли нас в разные концы света. Сегодня, 23 августа, я вернулся в бунгало, – много лет назад мы впервые повстречались именно в этот день, – надеясь найти тебя или хотя бы напоминание о тебе, ведь прошло двадцать лет, а ты по-прежнему в моей памяти и моем сердце. Ты будешь рада узнать, что наше место почти не изменилось. Все так, как мы оставили. Бриз колышет занавески. Стол и стул. Кровать. Все, кроме тебя.

Как же я хочу, чтобы ты оказалась рядом, любовь моя. Мечтаю обнять тебя, как когда-то. Знаю, ты где-то далеко, живешь своей жизнью. Не хочу вмешиваться в эту жизнь. Но сердце тоскует о тебе. И так будет всегда. Каждый год я буду приходить сюда в этот день, надеясь, что наши пути вновь пересекутся. Оставлю этот блокнот в почтовом ящике. Буду с нетерпением ждать письма и тебя.

Искренне твой,

Грейсон».

Я опустила журнал на колени и задумалась над письмом, что попало ко мне в руки с таким опозданием. Он еще любит меня. Боже, все еще любит. Как и я любила его в 1959-м и люблю до сих пор. И бунгало – он сказал, оно не изменилось с нашего отъезда. Но почему он ничего не написал о картине? Я перевернула страницу и продолжила чтение:

«23 августа 1960

Дорогая Клео,

Должен признать, я с нетерпением открывал ящик и доставал блокнот. Надеялся увидеть несколько строк от тебя или, еще лучше – тебя саму. Но я ждал столько лет, что такое один год? Буду терпелив. Обещаю, любовь моя.

За это время я успел все обдумать. Не понимаю, почему ты не отвечала

на мои письма из парижского госпиталя и не приехала ко мне. Китти сказала, что ты вышла замуж, но я ей не верил, во всяком случае сначала. Как ты могла выйти замуж после нашей любви?

В любом случае я уже со всем смирился, но храню надежду, что ты вернешься и мы снова будем вместе. Я знаю, жизнь продолжается, но я не могу жить полной жизнью, когда тебя нет рядом.

До следующего года, любовь моя,
Грейсон».

Я отложила письмо. Я слишком разволновалась и расстроилась, чтобы читать дальше. Китти обманывала нас в больнице. Перехватывала письма. Зачем она это делала? Если бы я получила письма от Уэстри, могло бы все обернуться иначе?

Я направилась в комнату, в дверях показалась Дженнифер.

– Прекрасное утро, бабушка. Тебе надо пойти погулять.

Я убрала блокнот в чемодан и достала письмо Женевьевы Торп.

– Думаю, пора ей позвонить, – уверенно произнесла я.

* * *

Дженнифер сидела возле меня на кровати, пока я набирала номер и слушала гудки. Один, два, три.

Ответила женщина, сказав что-то по-французски.

– Здравствуйте, – начала я. – Это Анна Келл... Анна Годфри. Я пытаюсь связаться с Женевьевой Торп.

Дама тут же заговорила по-английски:

– Да, здравствуйте, Анна, это Женевьева.

– Я здесь, – немного смущенно сообщила я. – На Бора-Бора.

– Боже мой, какой чудесный сюрприз! Я отправила письмо, но сомневалась, что получу ответ, и совсем не надеялась на личную встречу. Вы сможете увидеться со мной до отъезда?

– Да. За этим я и приехала.

– Сегодня уже не получится?

– Почему же – вполне. Мы живем в отеле «Аутриггер Сьютс». Сможете заехать?

– С удовольствием. Я давно ждала этой встречи.

– Думаю, я тоже. До вечера.

Я повесила трубку, надеясь, что поступаю правильно.

– Вас двое? – спросила официантка, когда мы с Дженнифер вошли в ресторан.

– Нет. Мы ждем еще одного гостя.

В этот момент сидящая возле бара женщина поднялась и помахала нам рукой. Симпатичная, миниатюрная, с розовыми щеками и светло-русыми кудрявыми волосами, прихваченными золотой заколкой.

– Привет. – Она направилась к нам с Дженнифер. На вид ей было около шестидесяти, как моим сыновьям. – Вы, наверное, Анна.

– Да. – Я пожала ей руку. – А это моя внучка, Дженнифер.

– Добрый вечер, – тепло поздоровалась она, – я Женевьева.

– Очень рада знакомству. Присядете? – предложила я.

У Женевьевы была с собой большая сумка из ткани с сине-белыми морскими полосками. Мне стало интересно, что лежит там, внутри.

– Отличная идея, – ответила она.

Официантка провела нас к столику у окна. Я заказала бутылку белого вина.

– Поверить не могу, что вы здесь, – улыбнулась Женевьева, качая головой. – Вы казались такой загадочной. Конечно, ваше имя значилось в списке медсестер, работавших здесь во время войны, но вы все равно были словно мираж.

За столом воцарилась тишина, официантка наполнила наши бокалы вином. Я сделала глоток, по телу разлилось приятное тепло.

– Я так понимаю, вы знаете о бунгало в полумиле отсюда, – произнесла Женевьева и повернулась к Дженнифер: – Маленькая хижина. Сразу и не заметишь.

– Знаю, – кивнула я.

– Странно. – Она приложилась к бокалу и задумчиво откинулась в кресле. – Местные жители избегают его, даже не хотят приближаться. Говорят, что оно проклято. Я всю жизнь обходила его стороной, особенно в детстве. Во время пляжного пикника мы с братом крутились вокруг, а войти внутрь так и не решились. Но в какой-то момент любопытство пересилило. Когда мне было лет двадцать пять, я залезла в бунгало через окно – через неделю оказалось, что мне изменяет муж, а мама умирает от рака груди.

– Как жаль, – посочувствовала Дженнифер, вновь наполняя бокалы.

– Значит, вы верите в проклятие?

– Даже не знаю. Думаю, что в этой хижине есть и плохое и хорошее. Я

почувствовала это, когда оказалась внутри.

– Да, – ответила я, – я и сама это чувствовала. Я много времени провела там в одиночестве.

Женевьева вытащила из сумки небольшой конверт.

– Вот, нашла на полу в бунгало. Думаю, это ваше.

Глубоко вздохнув, я открыла конверт. Пальцы наткнулись на что-то жесткое и холодное. В свете заходящего солнца блеснули голубые камни. Моя булавка. Подарок Китти. Я прочитала гравировку на обратной стороне. Глаза наполнились слезами, комната поплыла.

– На острове были и другие Анны. Как вы догадались, что она моя?

– Провела расследование, – с улыбкой сообщила Женевьева.

– А в вашем расследовании не встречалось имя Уэстри? Уэстри Грин?

Женевьева кивнула:

– Да, я нашла его книгу в ящичке стола.

– Книгу?

– Да, старый роман тридцатых годов. Внутри было вписано его имя.

Я улыбнулась, вспомнив старания Уэстри скрыть факт нашего пребывания в бунгало.

– Мне понадобилось немало времени, – продолжила Женевьева, – но я его нашла. Мы говорили много лет назад. Потом я пыталась с ним связаться, но безуспешно. Телефон сменился, и теперь никто не знает, что с ним.

Я опустила глаза и сложила бежевую салфетку пополам.

– Простите, я не имела в виду, что он...

– Что он вам рассказывал? – спросила Дженнифер, пытаясь разрядить обстановку.

Женевьева улыбнулась и подняла глаза вверх, вспоминая детали разговора.

– Сказал, что очень любил вас когда-то и любит до сих пор. Как в романе...

– Почему он не позвонил, не написал? – удрученно прошептала я.

Женевьева пожала плечами.

– Видимо, на то были свои причины. Мистер Грин был очень эксцентричным. Как все художники.

Я удивленно нахмурилась:

– Художники?

– Ну да. Его работ я не видела, но, насколько мне известно, у него есть, вернее была, внушительная коллекция собственной живописи и скульптуры. После войны он изучал искусство в Европе, а потом поселился

на Среднем Западе, преподавал в университете.

– Женестьева, вы сказали, у него *была* коллекция. Что вы подразумевали?

– Он раздарил ее. Теперь картины выставлены в разных галереях. Помню, он говорил, что искусством нужно делиться.

Я улыбнулась:

– Очень похоже на Уэстри.

Дженнифер откашлялась.

– Женестьева, а Уэстри занимался скульптурой? Из каких материалов он ваял? Из глины? Из бронзы?

Я поняла направление ее мыслей. Порой на острове открывались удивительные связи.

– Точно не знаю, – пожала плечами Женестьева. – Он мало говорил о работе. Могу ошибиться, уж очень давно все было.

Потом она достала желтый блокнот и положила его на стол.

– Можно задать вам несколько вопросов? – осторожно спросила она.

– Конечно.

– Как я писала в письме, много лет назад на этом острове была убита девушка. Я пытаюсь выяснить подробности и восстановить справедливость.

Мы с Дженнифер обменялись понимающими взглядами.

– Вы служили здесь медсестрой, и в вечер трагедии у вас был выходной. – Она наклонилась поближе. – Анна, вы не видели, не слышали ничего подозрительного? Это убийство окружает завеса тайны. Остров словно бесследно поглотил несчастную. Возможно, вы – моя последняя надежда на справедливость.

– Да, – сказала я, – кое-что знаю.

Женестьева открыла блокнот.

– Что же?

Я сжала ладони, вспомнив, как Уэстри хотел сохранить это убийство в тайне. За годы раздумий я множество раз прокручивала эту историю в голове, но так и не смогла понять его мотивов. Кого он пытался защитить? Возможно, открыв секрет, я получу ответы на свои вопросы.

– Атея, – произнесла я. – Ее звали Атея.

У Женестьевы загорелись глаза.

– Да.

Дженнифер сжала под столом мою руку.

– Она была красивая девушка. Я знала Атею недолго, но в ее образе отражалась благодать острова.

Женевьева что-то записала в блокноте.

– Многие островитяне до сих пор не могут смириться с ее смертью. Старики вспоминают произошедшее как величайшее зло, случившееся на здешних довольно спокойных берегах. Поэтому я и хочу восстановить справедливость – ради нее, ради их всех.

– Я могу помочь, но придется прогуляться. У меня есть важная улика. – Я глянула в окно, где догорал оранжевый закат. – Сегодня уже поздно. Мы можем встретиться завтра утром на берегу?

– Да, – с благодарной улыбкой ответила Женевьева, – только скажите, во сколько.

– Девять тридцать вас устроит?

– Отлично. Буду ждать.

* * *

Тем вечером в сумочке Дженнифер, брошенной на балконе, зазвонил телефон. Я сидела рядом, любуясь прибором. Волны сияли при свете полной луны.

– Милая, – позвала я, – звонит телефон.

Она выскочила на балкон в зеленой пижаме и принялась рыться в сумке.

– Забавно, я думала, что здесь нет связи.

– Да? – ответила внучка в трубку. Я с волнением вслушивалась в беседу. – Неужели?

Казалось, прошла целая вечность.

– Ах. – Она запнулась, будто ее прервали, потом улыбнулась. – Я очень вам благодарна. Спасибо. Спасибо большое. Я позвоню вам, когда вернусь в Сиэтл.

Дженнифер положила трубку и села на кресло возле меня.

– Звонили из архива, – изумленно сообщила она, – они нашли его. Художника.

Я вспомнила их разговор с Женевьевой. Неужели это возможно? Воображение Дженнифер вселило в меня надежду.

– Это не...

– Прости, бабушка, нет. Не Уэстри.

Я кивнула. Мои предположения – просто ребячество.

– Конечно.

Она проводила взглядом чайку, пролетевшую над океаном.

– Художник умер четыре года назад, – продолжила она.
– Милая, мне жаль. – Я погладила внучку по руке.
– Все нормально. – Она заставила себя улыбнуться. – Нам все же удалось разгадать загадку. Теперь я знаю, кто он. Может, получится поговорить с его семьей.
– Конечно. Жаль, что у нас нет шампанского.
– Зачем?
– Отпраздновать событие.
Дженнифер смущенно посмотрела на меня.
– Милая, ты наконец-то его нашла.
Внучка положила голову мне на плечо:
– Ты тоже найдешь. Я чувствую, все еще разрешится.
– Возможно. – Я попыталась скрыть сомнения, потому что сердце шептало, что уже поздно.

* * *

На следующее утро, после завтрака, мы с Женеьевой встретились на пляже. Она подошла к нам с бодрой улыбкой – за плечами рюкзак, из-под панамы выбиваются темные кудри.

– Большое спасибо за сегодняшнюю встречу, – поблагодарила Женеьева, когда мы отошли на приличное расстояние от отеля. – Словами не передать, как приятно приблизиться к разгадке.

– Надеюсь, так и есть, – тихо ответила я, готовясь к тому, что ждет впереди. – Расскажите, что вы уже знаете о преступлении.

– Только то, что известно островитянам, – убийца был виновен в том, что несколько местных женщин и одна медсестра-американка забеременели от него.

Китти.

Я кивнула.

– Я его не видела, было слишком темно. Но это мог быть только Ланс.

– Ланс?

– Да. С ним тогда встречалась моя лучшая подруга. Он оставил ее в ужасном состоянии, она была беременна, а сам продолжал крутить интрижки с местными женщинами.

Женеьева резко остановилась и повернулась ко мне:

– Анна, я не понимаю. Если вы знали, то почему не рассказали еще тогда? Почему никому не сообщили?

Я вздохнула, сложив ладони.

– Понимаю, звучит странно, но все гораздо сложнее. Давайте ненадолго присядем. Я расскажу то, что знаю. – Я указала на кусок древесины, лежащий на песке. До бунгало оставалось совсем недалеко.

Мы сели на серое бревно, гладко отшлифованное волнами. Я показала назад, за спину:

– Оттуда я видела, как он перерезал ей горло.

Женевьева прикрыла рот рукой.

– Я затаилась, пока он не ушел, и побежала к ней. Я держала ее на руках, пока она боролась за жизнь, но ничего не могла для нее сделать. Она умирала. Вскоре пришел Уэстри. Мы вспомнили, что у меня в сумке есть морфий. Медсестры тогда носили с собой лекарства. Морфий мог прервать ее мучения, мы это понимали. Сначала я сомневалась, но, увидев, с каким трудом она дышит, услышав бульканье в легких, поняла, что это единственный путь. Морфия было более чем достаточно, чтобы закончить ее страдания и жизнь. Она умерла у меня на руках.

Женевьева погладила меня по руке:

– Вы поступили правильно. В вашей ситуации так сделал бы каждый.

Я вытерла слезу.

– Пытаюсь убедить себя в этом всю жизнь, но в глубине души мне кажется, я могла сделать больше.

– Рассказать о преступлении?

– Да.

– Почему же не рассказали?

– Уэстри считал, что нужно молчать. Как он сказал, ради нас же самих, чтобы нас не обвинили в убийстве. Но, думаю, истинная причина была в другом. Уэстри не стал бы избегать разоблачения без особой причины.

Я посмотрела на берег, вспомнив, каким он был той ночью – уверенным и сильным. Он знал больше, чем я.

– Он кого-то защищал, – продолжила я. – Боялся, что случится нечто ужасное, если мы обратимся к начальству. Я ему поверила.

– А у вас есть предположения, почему он так поступил?

– Никаких. Вспоминаю ту ночь уже семьдесят лет, но ни на шаг не продвинулась к пониманию его мотивов.

Женевьева вздохнула.

– Вчера я вам сказала, что могу кое-что показать. Улику. Я спрятала ее в ночь убийства в надежде на то, что годы спустя она может пригодиться. Возможно, время пришло.

Я встала, Женевьева и Дженнифер последовали за мной. Внучка

поддерживала меня, пока мы пробирались сквозь заросли в чащу. Подумать только, шататься по джунглям в таком возрасте. Но сейчас возраст был не важен. Значение имела лишь правда, и я всем сердцем хотела, чтобы она восторжествовала.

Я пыталась сориентироваться.

– Да, он должен быть где-то здесь.

Конечно, пейзаж изменился, но, увидев вдалеке большую пальму, я поняла, что мы близко от цели. Я ускорила шаг и подошла к старому дереву, опустилась на колени и как можно глубже зарылась руками во влажную почву. Он где-то здесь.

– Давайте я вам помогу? – предложила Женестьева, увидев ком земли в моих ладонях.

Я покачала головой:

– Через несколько минут я его найду.

Руки покрылись грязью. Она забилась под ногти, как много лет назад, но на этот раз мне было все равно. Справедливость была совсем близко, я буквально слышала ее запах.

Примерно в футах от поверхности рука наткнулась на что-то твердое, и я приложила все силы, чтобы осторожно извлечь этот предмет.

– Бабушка, все в порядке? – прошептала Дженнифер, присаживаясь рядом со мной.

– Да.

Я вытащила сверток, спрятанный много лет назад. Развернула истрепанную ткань, изъеденную влагой и насекомыми, и достала нож.

– Орудие убийства, – сказала я Женестьеве. – Он выбросил нож в джунгли, но я отыскала его и спрятала здесь, надеясь снова найти, когда придет время.

Женестьева, словно судебный эксперт, достала из рюкзака пакет и осторожно положила в него нож. Потом дала мне влажную салфетку, чтобы вытереть руки.

– Время пришло, – тихо сказала она. – Спасибо.

– Не благодарите. Просто восстановите справедливость, Атея это заслужила.

– Обязательно, – ответила Женестьева, рассматривая нож сквозь пакет. – Эти надписи – личный номер и номер части – должны кое-что значить.

– Да. Они приведут вас к Лансу.

– Хорошо. – Она убрала нож в рюкзак. – Наведу справки в Военно-историческом обществе. У них хранятся все записи военного времени. Там

я и разыскала информацию о вас.

Я улыбалась, когда мы в молчании возвращались к пляжу. Наконец я испытала облегчение, правда восторжествовала.

У Женеьевы в рюкзаке зазвонил телефон, и мы с Дженнифер отправились на берег, где я окунула руки в соленую воду, пытаясь очистить их от грязи и зла.

– Бабушка, я тобой горжусь, – сказала Дженнифер, опустившись рядом со мной, – ты очень храбрая.

– Спасибо, милая. – Я вытерла ладони о брюки. – Я должна была это сделать много лет назад.

Мы вернулись к Женеьеве, она все еще говорила по телефону:

– Да, милая. Обещаю, я вернусь, и мы поужинаем, как и планировали. Я тоже люблю тебя, Адела.

У меня по коже пробежали мурашки. *Это имя.* Я не слышала его с тех пор, как... Я посмотрела на Дженнифер и поняла, что она тоже провела параллель.

– Простите, – обратилась я к Женеьеве. Мы уже приближались к отелю, вдали слышались голоса и смех отдыхающих. – Я случайно услышала, что вы назвали имя Адела.

– Да, так зовут мою дочь.

– Такое красивое имя, и редко встречается.

– Да, это так. Меня тоже зовут Адела. Это мое второе имя. Меня удочерили, а имя вроде как дала родная мать.

Я отвела взгляд, не в силах справиться с эмоциями.

– Родители решили его сохранить, – на мгновение задумавшись, продолжила она. – И свою дочь я назвала так же. Анна, что-то не так?

– Все в порядке. – Я взяла себя в руки. – А вы когда-нибудь встречали родную мать, пытались ее найти?

– Пыталась. Родители о ней ничего не рассказывали. Учительница в школе как-то сказала, что мама, наверное, была француженкой, потому что у меня идеальный французский нос. Но больше я ничего не знаю.

Дочь Китти. Прямо передо мной. То самое дитя, что я приняла в бунгало.

– Ой! – Женеьева всплеснула руками. Теперь, когда картина сложилась воедино, я увидела, что у нее глаза Китти. – Что это я, болтаю о себе и держу вас на самом солнцепеке. Утро выдалось насыщенное, вам надо отдохнуть. Завтра заеду и расскажу новости. Думаю, к полудню удастся что-нибудь выяснить.

– Отлично, – кивнула я.

- Нам будет что обсудить.
- Обязательно, – ответила я, заправляя ей за ухо выбившуюся прядь, словно передо мной стояла Китти.

Глава 18

– Я пробежусь немного по пляжу, – сказала на следующее утро Дженнифер, наклонившись ко мне. Ее волосы пахли кокосовым шампунем. – Принести что-нибудь? Круассан? Латте?

Я улыбнулась:

– Ничего не нужно, милая.

Когда за ней захлопнулась дверь, я достала журнал Уэстри и продолжила читать письма. Пролистывая страницы, я узнавала историю его жизни, его любви ко мне – год от года она становилась все сильнее. Наконец, я с волнением открыла последнее письмо, написанное пять лет назад:

«23 августа 2006

Дорогая Клео,

Я снова здесь, – очередной год, очередной август, – но я уже слишком стар. Этот год был тяжелым для меня. Надеюсь, к тебе он был более благосклонен.

Помнишь песню, которую мы слушали однажды вечером в бунгало, «Жизнь в розовом цвете»? Там были такие слова: «Подари мне сердце и душу, и жизнь всегда будет в розовом цвете». Похоже, это про мою жизнь. Даже без твоего присутствия, твоего прикосновения, ты всегда была рядом. Однажды ты подарила мне сердце и душу, и они навсегда остались со мной.

Это – главное, и не важно, встретимся мы еще или нет.

Жизнь в розовом цвете, любовь моя.

Вечно твой,

Грейсон».

* * *

Женевьева приехала к нам в отель к трем часам дня. Дженнифер открыла ей дверь, она вошла и опустила сумку на стол.

– Вы не поверите.

– Что? – нетерпеливо спросила я.

Женевьева села рядом со мной на кровать.

– Надпись на ноже. Я все узнала, – она изумленно покачала головой, – он принадлежал не Лансу, Анна.

– Боже. Но кому?

Она достала из сумки блокнот и открыла первую страницу.

– Пугающая неожиданность. Нож принадлежал полковнику Мэтью Донехью, командиру базы. Должно быть, какая-то ошибка.

Как долго я ошибалась...

– Это не ошибка, – ответила я, выпрямив спину. В голове мгновенно пронеслись картины из прошлого: Китти, рыдающая на кровати, Атея, испуганная и смущенная, в ночь рождественской службы, окровавленное лицо Уэстри в мужских казармах. Конечно, это не Ланс. Теперь я поняла. Это полковник.

Женевьева растерялась:

– Никто не поверит, что уважаемый командир мог совершить такое жестокое преступление. Есть только один способ точно узнать правду – найти ту американскую медсестру и поговорить с ней. Может, она – недостающий кусочек мозаики. Нож слишком проржавел, отпечатки пальцев не снимешь, а островитяне ничего не скажут. Я уже пыталась с ними говорить. – Она обреченно пожала плечами. – Велик ли шанс найти ту медсестру по телефону? Вряд ли, ведь так?

– Возможно, – я на мгновение умолкла в нерешительности, – я знаю эту женщину.

– Правда? – удивилась Женевьева.

– Да. Во всяком случае, знала. Она была моей старой подругой. *Лучшей* подругой. Мы вместе приехали на этот остров.

Я всмотрелась в лицо Женевьевы – она так похожа на Китти. Неужели уже поздно?

– Как ее зовут?

– Китти. Китти Морган, – вздохнула я. – Не знаю, что с ней теперь. Мы очень давно не общались.

У Женевьевы загорелись глаза.

– Мне знакомо это имя – Китти. Я переписывала информацию о ней из списка служащих в лазарете. Мне удалось найти номер телефона, но я так и не позвонила: на тот момент не было причин, – она перелистнула страницы блокнота и нашла нужную страницу, – да, вот он. Китти Морган Хэмптон. Сейчас живет в Калифорнии – во всяком случае, жила два года назад. Анна, вы сможете ей позвонить?

Мне стало нехорошо.

– Я?

– Да. – Она выжидательно посмотрела на меня.

– Но это ваш проект, вы и звоните.

Женевьева покачала головой:

– Она скорее поговорит с вами, чем с незнакомкой.

Если бы ты знала.

Я вспомнила, как холодна была со мной Китти в последний месяц на острове, как она вела себя с Уэстри, как встала между нами, разделив навсегда. Нет, я не могу с ней говорить.

Вдруг Дженнифер положила мне на плечо подбородок.

– Время меняет людей, – прошептала она. – Когда-то ты любила ее. Не хочешь выслушать ее версию?

Да, любила. И, возможно, люблю до сих пор. Спустя годы воспоминания о Китти по-прежнему волновали меня.

– Хорошо, – сдалась я. – Я позвоню.

Дженнифер протянула мне телефон, и я с сомнением набрала номер, записанный в блокноте.

– Алло? – Голос Китти стал резче, но интонации остались прежними. Я окаменела, не в силах произнести ни слова.

– Алло? – повторила она. – Если это телемаркетёр...

– Китти? – сдавленно произнесла я.

– Да?

– Китти? – Голос сорвался, из глаз потекли слезы. – Китти, это Анна.

– Анна?

– Да. Анна Келлоуэй Годфри.

– Боже, Анна. Это действительно ты?

– Да, это я.

Дженнифер протянула носовой платок, я тихонько высморкалась. Китти на другом конце провода сделала то же самое.

– Анна, я... Я... – Ее голос дрожал. – Даже не знаю, что сказать. Как ты?

– Забавно, но я не знаю, как ответить на этот вопрос – прошло столько лет... С чего начать?

– Ну, для начала я попрошу у тебя прощения, – мягко проговорила Китти. Жесткие интонации, так потрясшие меня в Париже, исчезли. Годы смягчили ее голос и, вероятно, – сердце.

– Китти, я...

– Нет, позволь закончить. Я начинаю сдавать, Анна. Возможно, это мой последний шанс. Я должна была найти тебя много лет назад. Не знаю, почему не сделала этого. Мне очень стыдно.

– Ах, Китти, – пробормотала я, утирая бегущие слезы.

– Я очень сожалею о своем поведении на острове и в Париже, – продолжила она. – После родов я как будто заледенела. Провалилась во тьму, сама того не осознавая. Теперь я понимаю, что впала в депрессию – так называемую послеродовую депрессию, как говорит дочь. Но я...

– Китти, у тебя есть дочь?

– Да, три. То есть четыре... Могу тебя порадовать, я вышла замуж за хорошего человека. Мы познакомились в Париже после войны, он был моряком. Потом переехали в Калифорнию. Мы прожили хорошую жизнь. – Она ненадолго умолкла. – А ты, Анна? Ты прожила хорошую жизнь? Я часто о тебе вспоминала.

– Да, – тихо ответила я. – Почти во всем.

Китти вздохнула:

– Анна, я должна кое-что сказать тебе об Уэстри.

Почему его имя до сих пор вызывает у меня такие эмоции, такую боль? Я крепко зажмурила глаза.

– В Париже он только о тебе и говорил. Постоянно про тебя спрашивал и надеялся, что ты придешь.

– Я и пришла. Ты же помнишь.

– Да. – В голосе Китти послышалась глубокая досада. – Я вам завидовала.

– И перехватывала его письма?

Китти вздохнула:

– Ты знаешь об этом?

– Недавно узнала.

– Анна, мне очень стыдно, – со слезами призналась она. – Возможно, я изменила вашу жизнь. Это невыносимо.

Гнев, родившийся в моем сердце, внезапно утих.

– Я тебя прощаю. Я тоже чувствую, что мое время подходит к концу.

– Я все еще храню булавку. Пару к той, что подарила тебе в «Кабана Клуб». Лежит у меня в шкатулке. Анна, я часто смотрю на нее и вспоминаю тебя.

Я вспомнила, как она подарила мне украшение в знак вечной дружбы. Закрыла глаза и сразу увидела маленькую коробочку в голубой обертке, перевязанную золотой лентой. Вокруг витал сигаретный дым. Если бы булавка смогла удержать нас вместе... Но ведь, возможно, и удержала? Я достала из кармана свою, повертела в руках и прочитала гравировку.

– Моя тоже со мной, Китти. Прямо здесь.

– Как бы мне хотелось тебя увидеть. Где ты? В Сиэтле?

– Нет. На Бора-Бора.

– *Бора-Бора?*

– Да, я с женщиной, которая расследует совершенное на острове преступление. Убийство.

– Ты об Атее, верно? – после недолгого молчания спросила Китти.

– Да. Ты помнишь?

– Конечно, помню.

Я решила не спрашивать, откуда она об этом знает. Это было уже не важно.

– Я хотела у тебя кое-что спросить, если ты не против.

– Продолжай.

– Мы никогда не обсуждали, кто был отцом твоего ребенка. Я думала, что это Ланс, но теперь у нас есть улика, и она привела...

– К полковнику?

– Да. Ты знала?

– Да. Как и Уэстри.

– Не понимаю.

– Своим молчанием он защищал меня, Анна. Еще до убийства он узнал о моей ситуации. Даже раньше, чем ты. Видел нас вместе и слышал разговор на пляже. Уэстри знал, что у полковника случались похожие истории с местными девушками. Я была упрямой и наивной. Уэстри пытался меня предупредить, но я его не послушала.

Я вспомнила жестокое избиение в казарме.

– Он угрожал Уэстри, ведь так?

– Да, – продолжила Китти. – Полковник предупредил его, что, если он попытается доложить обо всем высшему руководству, со мной случится нечто ужасное.

– Боже мой, Китти! – воскликнула я. – Скрывая убийство Атеи, Уэстри защищал *тебя*?

– Да. Теперь я понимаю, что не осознавала в полной мере грозящую мне опасность. Уэстри меня спас.

– И поэтому у тебя проснулись к нему чувства?

– Думаю, да, – честно призналась Китти. – До этого мужчины всегда обходились со мной ужасно, а тут я встретила честного человека, который заботился обо мне и защищал. И уже любил мою лучшую подругу.

Я посмотрела в окно, на берег, и вспомнила, как Китти смотрела на Уэстри. Ее нельзя винить за эту любовь.

– Как бы там ни было, он убил Атею, потому что она отказывалась молчать, как другие.

– Другие девушки?

– Да. Было еще минимум двое, одной едва исполнилось четырнадцать. Я давно должна была сообщить, но было не до того. А потом узнала о его смерти и решила, что он и так будет гореть в аду.

– Когда он умер?

– В шестьдесят третьем. Инфаркт. Умер в одиночестве, в гостиничном номере в Сан-Франциско.

Я посмотрела на Дженнифер, потом на Женеьеву.

– Но мы все равно должны восстановить справедливость. Он был почетным ветераном войны. Мы аннулируем этот статус.

Женеьева согласно кивнула. Каково ей придется, когда она узнает, что человек, сотворивший все это зло, – ее отец? Я глубоко вздохнула, прежде чем заговорить и навсегда изменить жизнь обеих.

– Китти, – начала я, жестом подозвав Женеьеву. – Я хочу, чтобы ты кое с кем пообщалась. Эту женщину зовут Женеьева. У вас много общего. Например, ее дочь... В общем, думаю, вам надо поговорить.

Женеьева удивленно посмотрела на меня, но взяла трубку и улыбнулась:

– Миссис Хэмптон?

Я встала с кровати и жестом позвала за собой Дженнифер. Она понимающе кивнула. Мы вышли.

– Возможно, это лучшая часть всей истории, – улыбнулась Дженнифер в коридоре.

Держась за руки, мы спустились по лестнице, вышли на побережье и уселись рядом, наблюдая за набегаящими волнами. Они застигали врасплох загорающих, заставляя перемещаться повыше. Я любовалась прекрасным видом. Остров словно знал, что справедливость восстановлена, и бережно, но кропотливо очищал берега от зла.

Я провела рукой по медальону, раздумывая, правду ли сказала Тита. Разрушено ли проклятие, о котором она говорила? Время покажет.

Глава 19

В гостиной зазвонил телефон, и я застонала. Чтобы ответить, нужно было встать, вылезти из кровати и дойти, преодолевая боль в каждом суставе. Но упорный сигнал заставил меня подняться. Шаг, другой. Ноги болели, но двигались, я успела добраться вовремя и снять трубку.

– Бабушка, это я, – прощепетала Дженнифер. – Уже сегодня.

Мы вернулись больше трех месяцев назад. Путешествие прошло лучше, чем я ожидала, но по возвращении эмоциональная усталость дала о себе знать. Я подарила покой Женевьеве, Атее, Китти и даже острову, но уехала с опустошенным сердцем – там остался лишь шепот Уэстри да блокнот со старыми письмами.

– Бабушка?

– Я здесь, дорогая. Просто неважно себя чувствую.

– Но ты ведь придешь, да?

– Ой, милая, – я опустила в кресло и натянула на ледяные ноги плед, – не уверена, что смогу.

Молчание Дженнифер поразило меня в самое сердце. Она поехала со мной в путешествие, во всем поддерживала – как можно оставить ее в такой день?

– Ты ведь справишься без меня, да, дорогая? – спросила я, потирая больную спину. Неделью назад Дженнифер сдала работу, и ее одобрили в университете.

– Бабушка, я понимаю, что ты себя плохо чувствуешь, но я буду очень рада, если ты придешь. Будет так много людей, а я – совсем одна. Я очень волнуюсь, поможешь мне успокоиться. Я заберу тебя через час. Припаркуемся поближе, не придется много ходить.

Я заставила себя встать. Я справлюсь. Ради Дженнифер.

– Хорошо, – с глубоким вздохом сдалась я. – Я приду. Ради тебя, милая.

– Бабушка, спасибо! Скоро подъеду.

Я положила трубку и взяла с журнального столика письмо Женевьевы. Оно пришло вчера, и я уже несколько раз перечитала его:

«Дорогая Анна,

Хочу поблагодарить Вас за поездку на Бора-Бора. Ваш приезд расставил все по своим местам – для острова, для меня, для Атеи. Надеюсь,

и для Вас тоже.

У меня хорошие новости: я связалась с военными и передала им всю информацию. Они согласились завести дело против полковника Донехью. Странная ситуация, если учесть, кем мне приходится этот человек, но я все равно хочу добиться справедливости – ради Атеи и моей нерожденной сестры или брата.

Его не могут призвать к суду посмертно, но сейчас ведется работа по выяснению деталей дела. Скорее всего, его лишат всех званий и наград – во всяком случае, так будет отражено в документах.

Власти острова хотят установить памятник Атее где-нибудь в городе. Анна, разве это не прекрасно? Конечно, когда придет время, мы пригласим Вас на церемонию. Без Вашего мужества ничего бы не получилось.

Да, чуть не забыла – в следующем месяце я поеду к Китти, в Калифорнию. Она меня пригласила. Адела отправится со мной. Иногда мне хочется ущипнуть себя: неужели это правда?

Я буду всегда вспоминать Вас с теплотой, благодарностью и уважением.

С любовью,
Женевьева».

* * *

В кампусе царила тишина, и мои каблуки громко стучали по кирпичной дорожке, блестящей от недавнего дождя. Вдалеке пробили часы: полдень.

– Еще немного, – сказала Дженнифер, с беспокойством вглядываясь в мое лицо.

– Все в порядке, дорогая, – заверила я. Бодрящий осенний воздух приятно охлаждал кожу и придавал сил. – Пойдем.

Мы прошли кленовую аллею, усыпанную красными и желтыми листьями. Неподалеку возвышалось величавое кирпичное здание. Я сразу его узнала – Герард преподавал здесь финансы после ухода из банка. Я очень любила гулять с мужем по территории университета, особенно осенью.

– Сюда, – сказала Дженнифер, взяв меня за руку. Мы подошли к узкой тропинке, огибающей увитое плющом здание. Внучка приподняла ветку, чтобы я могла пройти. Мы с Герардом бывали здесь много раз, но мне не приходило в голову заглянуть за фасад здания. Ни разу.

– Вот она.

Я прищурилась, вглядываясь в скульптуру. Понятно, чем композиция понравилась Дженнифер. Она рассказывала историю. Заинтересовавшись, я подошла поближе и рассмотрела бронзовую пару, сидящую в дверном проеме. Почему так колотится сердце? Юноша смотрит на девушку со страстью, а ее взгляд устремлен куда-то вдаль.

– Красиво, – восхитилась я. Юноша держит большую шкатулку с замком, а у ног разбросаны предметы: холст, разбитая бутылка и книга. У меня задрожали руки, я опустилась на колени. Сердце уже *знало*.

Дженнифер тихо стояла сзади. Где все те люди, где фанфары, о которых она говорила? Я провела рукой по бронзовой книге, холодной, влажной от дождя, и нащупала уголок обложки. Возможно ли? Я подняла тяжелый край и увидела потемневший стальной ключ. С каждой секундой сердце билось все сильнее.

Я жестом подозвала Дженнифер.

– Давай вместе, – проговорила я, смахнув со щеки слезу.

Она поддерживала меня, пока я вставляла ключ в замок шкатулки с тщательно запечатанными краями. Подходит идеально. Я повернула ключ вправо, но он застрял.

– Должно быть, заржавел. Попробуем еще раз.

Я вытащила ключ и снова вставила его в замок, слегка встряхнув. Тихо щелкнув, упрямый механизм наконец поддался.

Подняв крышку, я заглянула внутрь и обнаружила бархатную голубую коробку. Сердце мое замерло. Я достала коробку из бронзового тайника и направилась к ближайшей скамейке. Дженнифер села рядом со мной.

– Откроешь? – прошептала она.

Я повернулась к ней, в глазах стояли слезы.

– Ты знала об этом, верно?

Дженнифер мягко улыбнулась и кивнула.

– Когда мы были на Бора-Бора, мне позвонила сотрудница архива, она назвала имя художника – Грейсон Ходж, но я тогда не подумала, что речь идет об Уэстри. Должна была вспомнить, но догадалась лишь несколько недель спустя. Это его псевдоним. Я не собиралась от тебя скрывать, но хотела, чтобы ты увидела все сама.

Я осторожно открыла коробку и развернула коричневую бумагу. Дженнифер ахнула:

– Картина? Та самая, из бунгало?

Я изумленно кивнула. Старая работа Гогена согревала руки, полотно словно пропиталось горячим солнцем острова. Все те же яркие цвета, та же

прекрасная композиция. На мгновение я снова оказалась на Бора-Бора, ощутила теплый соленый ветер на щеках, песок под ногами и любовь Уэстри – она окружала меня повсюду.

– Он нашел ее! – воскликнула я. – Как и обещал.

Конечно, он сдержал обещание.

– Подумать только – все эти годы она ждала меня здесь, прямо под носом, а я даже не попыталась ее разыскать. – Я с благодарностью посмотрела на Дженнифер: – Спасибо, милая. Это настоящий дар.

Внучка с беспокойством посмотрела на соседнее здание и снова повернулась ко мне.

– Бабушка, – прошептала она, – ты готова?

– К чему?

– Увидеть его.

Внутри все сжалось.

– Но ты говорила, что он...

– Умер? – Она покачала головой. – Да, умер Грейсон Ходж, девяностолетний старик из Юты. Но не Уэстри Грин.

Уэстри. Здесь? Неужели это правда?

– Не понимаю, – я едва сдерживала слезы, – а как же твой проект?

– Завершился прекрасным образом.

Меня охватило смятение:

– Я долго мечтала о встрече с ним, но теперь...

– Страшно?

– Да, – пробормотала я, поправив седые волосы. Почему я не надела платье? Не подкрасилась?

Дженнифер покачала головой, почувствовав мою неуверенность:

– Уэстри увидит то же, что и я: твою *истинную* красоту.

Она протянула мне платок.

– Жди здесь. Я скажу им, что мы готовы.

– Ты хочешь сказать, он уже тут? – проямлила я.

– Да, – гордо улыбнулась внучка, – сын привез его утром. Они приехали из Нью-Йорка.

Дженнифер быстрым шагом зашагала по дорожке и вскоре исчезла за углом здания. Я в одиночестве рассматривала скульптуру, вглядываясь в глаза юноши. Даже в бронзе они очень походили на глаза Уэстри. Я столько раз здесь бывала! Стоило лишь остановиться, обратить внимание на подсказку, оставленную совсем рядом, – и можно было найти любимого...

Раздался шорох гравия, я посмотрела на тропинку. Там появился человек, и стайка воробьев упорхнула на ветви ближайшего дерева.

Даже в инвалидной коляске он оставался собой – манера держаться, овал лица были прежними. Он попросил мужчину средних лет отойти в сторону и сам двинулся мне навстречу с удивительной для седого старика силой.

Уэстри остановился перед скамейкой и заключил мои ледяные пальцы в теплые, сильные ладони.

– Здравствуй, Клео.

Он провел рукой по моей щеке, потом нащупал медальон.

– Здравствуй, Грейсон, – ответила я, смахнув слезу.

– Ты немного опоздала, милая, – сказал он с озорной улыбкой, которая очаровала меня в день нашей первой встречи.

– Простишь ли ты меня? Что не знала, не искала... Я...

Уэстри приложил палец к моим губам и улыбнулся еще шире, мгновенно меня успокоив. Он всегда умел меня успокаивать.

– Ты немного опоздала, – мягко повторил он, – но не слишком.

Вдруг ему снова стало двадцать пять, а мне – двадцать один. Возраст исчез. Время растворилось.

Он застегнул коричневую вельветовую куртку, поставил кресло на тормоза, пододвинулся поближе к краю сиденья и встал.

– Но я думала...

Уэстри улыбнулся:

– Хочешь прогуляться по осеннему парку?

Он достал из кресла серую трость, взял ее в левую руку и протянул мне правую:

– Готова?

– Да, – ответила я, сияя восторгом от того, что он стоит рядом, высокий и надежный. Я взяла его за руку, не в силах до конца поверить, что это реальность.

Мы пошли по дорожке, сами не зная куда. Теперь это было не важно. У нашей истории оказался вполне подходящий конец. Я любила его, он любил меня – до самого конца. Эта история, овеянная солеными ветрами Бора-Бора, продуваемыми ветхие остатки бунгало, сохранилась в моем сердце навсегда.

Уэстри вернулся. Проклятия больше нет. Мы шли рука об руку, медленно, но уверенно. Я прижалась к любимому. Два алых листа упали с ближайшей ветки и, пританцовывая, мягко опустились на влажную землю рядом друг с другом.

notes

Примечания

Аллюзия на название романа английской писательницы Джейн Остин «Гордость и предубеждение», вышедшего в свет в 1813 г. *(Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примечания редактора.)*

Во время Второй мировой войны после атаки японской морской авиации на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 года Бора-Бора стал важной базой снабжения США в южной части Тихого океана. Тем не менее во время войны база ни разу не подвергалась атаке и в 1946 году была расформирована.

Уильям Кларк Гейбл (1901–1960) – американский актер, кинозвезда и секс-символ 1930–1940-х годов, носивший прозвище Король Голливуда. Лауреат премии «Оскар» (1935).

«Байл Бингс» – популярный медицинский препарат, обладающий слабительным эффектом.

«Oh holy night» (англ.).

«*Silent night*» (англ.).

«O come, all ye faithful» (англ.).

«Hark! the herald angels sing» (англ.).

«La vie en rose» (*φρ.*).

Кава – напиток, сделанный из корней *Piper methysticum*, перца, произрастающего на многих тропических островах Тихого океана.